

НА БОЕВОМ ПОСТУ

11.1988

Не зная старшего лейтенанта В. Никитенко, можно подумать: везет человеку. Командовал взводом — вывел в отличные. Служил в учебном подразделении — признан лучшим методистом. Принял роту — она стала передовой. А прошло-то всего три года, как В. Никитенко окончил Орджоникидзевское высшее военное командное Краснознаменное училище имени С. М. Кирова МВД СССР.

Виктор Викторович своей службой доказывает, что молодо — не зелено. Офицер полон энергии и благородных устремлений. И ведет его горячее желание глубоко постичь должностные обязанности, до совершенства отладить взаимоотношения в воинском коллективе, научить подчиненных грамотно и ответственно выполнять все возложенные на них задачи.

На снимке: старший лейтенант В. Никитенко и старший сержант О. Зотов на занятиях по строевой подготовке.

НА Боевом ПОСТУ

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР

11.1988

ИЗДАЕТСЯ С 1958 г.

Главный редактор
ГОРЛОВ А. Г.

Редакционная коллегия:

АСТАШИН В. В.,
БАРСУКОВ В. В.,
БОРУКАЕВ Б. Р.,
ДУРНЕВ Ю. В.,
ЗАХАРЧЕНКО Н. М.,
КОТЛЯРОВ А. П.,
КОЗЛОВ И. Т.,
ЛОСЕВ В. Н.,
МАЛЮШКИН Г. А.,
МАСЛЕННИКОВ Г. М.,
НЕЧАЕВ Е. А.,
ПАНКРАТОВ Л. А.,
ПЕЧЕВОЙ Л. Н.,
ПОНОМАРЕВ А. В.
(ответственный секретарь),
РАЖЕВ Ю. Л.
(зам. главного редактора),
СОКК А. С.,
УСКОВ В. Н.,
ШОШИН В. А.,
ЩУРОВ В. В.

Технический редактор
ВОЛОДИНА И. В.

Корректор
ГАВРИЛОВА Е. Ю.

В оформлении номера
использованы фотоснимки
АЛЕКСАНДРОВА А. Л.

Журнал распространяется
только по подписке
через политорганы
внутренних войск.

На первой и четвертой
страницах обложки фото-
этюды Б. Гуккаева «Ле-
нинград — колыбель ре-
волюции».

Великий Октябрь. Курсом перестройки 2

РЕШЕНИЯ XIX ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КПСС —
В ЖИЗНЬ!

Цель — ускорить обновление 5
УКОЛОВ А. Дорогой дружбы и братства 7
МОРОЗОВ С. Концепция реформы политической
системы 10
НОВОСЕЛОВ А. Работать всем коммунистам 14
УШАР А. Презумпция виновности 17
БОБРЕНЕВ В. Решительно, но в рамках закона 22

СЛУЖЕБНО-БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ЛАТЫШЕВ О. Подтянуть тылы 25
КАЛИНИЧЕВ В. Зачем пришли войска? 28
ГАСПАРЯН Ш. Трезвый расчет 30
ХАЙРУЛЛИН М. Добро добром отзовется 33
ЧИРВА В. Преодоление инертности 35
БОБЧИК Ю. Не призывать, а помогать 37

ОБУЧЕНИЕ И ВОИНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

БУГРОВ В. Творчески внедрять новое 40
ТУЧКИН А. Показатель мастерства 43
МАТЮНИН А. «Делай, как я... сказал» 45

***

УСКОВ В. Там, где цветет багульник 47

ДЕЛА И ЗАБОТЫ КОМСОМОЛЬСКИЕ

ШЕМЯКИН А. Решает общественное мнение 52
СИМОНОВ А. Руку, товарищ подросток! 54

ВРЕМЯ И КАДРЫ

ЛОСЕВ В. Остаюсь с вами 56

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

ГОРЧАКОВ О., ПАВЛОВ В. Совесть коммуниста
(повесть, окончание) 60
КОЗЛОВ И. Личное дело (повесть, начало) 67
ЕРХОВ Е. Детдом 75
АСТАШИН В. Боль 77
БЕЛИКОВ И. Новоросийцы 83

КУЛЬТУРА. БЫТ

КАМШЕКИН Н. Где живет скука? 86
КОРКОДИМ В. Многоцветье «Двух кольоров» 87

ЖУРНАЛ — ЧИТАТЕЛЬ — ЖУРНАЛ

АФАНАСЬЕВ В. «Иначе буду писать министру...» 90
Из редакционной почты 93

***

В час досуга 96

ВЕЛИКИЙ

Курсом

С

ОГРОМНОЙ заинтересованностью советские люди восприняли решения XIX Всесоюзной конференции КПСС. Каждый гражданин Страны Советов еще раз прочувствовал разумом сердца единый ритм, в котором шагают наши партия, народ по пути, начертанному Великим Октябрем.

Всесоюзная партконференция четко определила важнейшие политические и экономические рубежи перестройки, революционного обновления во всех сферах жизни нашего общества. Рождаемые в партии новые формы и методы деятельности, новаторство и искренность в политике, опора на инициативу и творчество масс еще более усиливают руководящую и направляющую роль КПСС в нашем поступательном движении.

Органическое единство заботы о мире и заботы о защите революции — одна из важнейших идей политики нашей партии. На каждом этапе исторического развития страны КПСС, неуклонно следуя ленинскому учению, обогащала и обогащает его новыми выводами и положениями. На незыблемом фундаменте этой научной теории партия и государство решают ответственные задачи советского военного строительства, развития и укрепления Вооруженных Сил.

Наша армия — детище великого советского народа, его плоть и кровь. Воины, как и страна в целом, живут перестройкой, вносят свой вклад во всенародное дело революционных преобразований. Каждый осознает тот факт, что перестройка — это новый революционный этап воплощения в жизнь идей Великого Октября.

В тесном строю надежных защитников Родины под знаменем Великого Октября несут свою почетную службу внутренние войска. Они с честью выполняли свои задачи в период гражданской войны и иностранной военной интервенции, в годы предвоенных пятилеток, в условиях враждебного империалистического окружения и постоянной угрозы военного нападения на нашу страну.

В тяжелом для нас испытании, каким явилась война с германским фашизмом, внутренние войска в боях нанесли большой урон врагу, обеспечили бесперебойную работу промышленности и транспорта, отстояли сохранность основных административно-политических и промышленных центров.

Боевые и служебные традиции войск бережно хранит и приумножает послевоенное поколение вооруженных защитников Родины. В славную летопись войск вписано немало имен воинов, геройски, по-фронтовому действовавших в экстремальной обстановке. Олицетворением мужества и самоотверженности стали для современников служба в районе ликвидации

522
523

ОКТАБРЬ

перестройки

последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции, патрульно-постовая служба по обеспечению общественного порядка в Закавказье. За выполнение ответственного служебного задания и проявленные при этом стойкость, высокое самообладание многие военнослужащие награждены орденами и медалями.

Достоинно встречает праздник Великого Октября личный состав части, которой командует полковник А. Трофимов. Будучи инициаторами социалистического соревнования во внутренних войсках под девизом «Бдительно оберегать завоевания Октября, самоотверженным ратным трудом крепить оборону страны!», воины настойчиво ведут борьбу за твердый уставной порядок, коренное укрепление дисциплины, эффективное использование каждой минуты учебного времени, высококачественное выполнение служебно-боевых задач.

Постоянно отличаются высокой бдительностью, готовностью к немедленным действиям воины передовых коллективов, которые возглавляют офицеры Л. Выскребенец, В. Шевелев и другие.

Великий Октябрь продолжается в наших делах. В процессе выполнения решений партии, требований МВД СССР, начальника внутренних войск, Политуправления о перестройке в работе военных кадров личный состав завоевал определенные рубежи. Сделанного, как говорится, не отнимешь. Вместе с тем состояние дел в войсках обязывает вновь и вновь возвращаться к вечно актуальному ленинскому завету: сосредоточиваться по поводу праздников на нерешенных задачах.

Ведь не секрет, что в некоторых частях и подразделениях войск есть еще военнослужащие, которые не понимают сути перестройки, не умеют, а подчас и не хотят перестраиваться. Они на словах громче всех выступают за перестройку, а работают по старинке, без инициативы и творческого огонька. Кое-где по-прежнему не придается первостепенного значения решительному улучшению воинской дисциплины, обеспечению строгого внутреннего порядка, спаянности воинских коллективов, утверждению в них уставных взаимоотношений.

В современных условиях от каждого военнослужащего войск нужно глубокое понимание того, что надо жить по законам наивысшей ответственности, работать столько, сколько требуют интересы боевой готовности частей и подразделений. Только через инициативу и творчество, через добросовестный труд людей, их сплоченность и самоотверженность наши войска могут быть выведены на качественно новый уровень боеготовности, боевой подготовки и дисциплины.

Необходим окончательный слом сохраняющегося до сих пор в войсках механизма торможения, формально-бюрократических методов работы военных кадров разного ранга и звания. Их адрес конкретен. Это те, кто проявляют высокомерие и чванство, пренебрежение к интересам подчиненных, бездушие, волокиту, стремление переложить ответственность на других, уйти от живой работы с людьми с помощью нещадного бумаготворчества. Все это важно быстро увидеть, бескомпромиссно оценить и самым решительным образом выкорчевать из войсковой действительности.

Успешному выполнению этой задачи должна служить атмосфера гласности, которая способствует выработке у личного состава активной жизненной позиции, реализации организующих и воспитательных возможностей общественного мнения, утверждению в воинских коллективах обстановки высокой политической активности, непримиримости к любым застойным явлениям, фактам недобросовестности, неисполнительности, неуставных взаимоотношений. Но гласность должна содержать деловую критику, а не пустое критиканство, подменяющее подлинную демократию демагогией. Плюрализм мнений вовсе не противоречит воинскому порядку. Более того, выслушивать мнение подчиненных, коллектива, учитывать его в своей работе — настоятельное веление времени.

Сегодня жизнь предъявляет особые требования к компетентности наших кадров, их умению действовать в условиях демократии и гласности, находить новые, нестандартные подходы к проблемам воинской жизни. Повседневная практика показывает, что успех сопутствует тем командирам, политработникам, которые действуют инициативно, творчески, опираясь на партийную и комсомольскую организации, на воинский коллектив, используя роль и влияние офицерских собраний, постоянно действующих аттестационных комиссий, собраний личного состава, товарищеских судов чести, женсоветов.

Генератором перестроечного процесса в войсках призваны быть партийные организации. От их боевитости, активности внутрипартийной жизни, от обеспечения личной примерности и авангардной роли коммунистов будет зависеть реализация имеющихся в частях и подразделениях возможностей улучшения качества ратного труда. Нового подхода требует партийное руководство войсковым комсомолом. Здесь важно уйти от излишней опеки, заорганизованности, направить весь творческий потенциал комсомольских организаций на выработку у молодых воинов правильных представлений о чести, достоинстве, товариществе и дружбе, на воспитание патриотизма и интернационализма.

На службу этому необходимо поставить всю идеологическую, политико-воспитательную работу. В центре нашего внимания постоянно должен находиться человек, чтобы, как отмечалось на июльском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС, идеи перестройки все шире овладевали массами, чтобы теория становилась материальной силой перестройки.

В дни, когда наступил час трезвых решений, каждый из нас с глубоким чувством ответственности должен осознавать, что только энергичная работа по приданию перестройке большего динамизма, большей эффективности позволит нам покончить с раскачкой, нанести удар по всему мешающему двигаться вперед.

Именно такая работа для нас и будет новым революционным этапом воплощения в жизнь идей Великого Октября.

РЕШЕНИЯ ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КПСС — В ЖИЗНЬ!

523
524

ЦЕЛЬ — УСКОРИТЬ ОБНОВЛЕНИЕ

НАЧАЛУ отчетно-выборной кампании в парторганизациях предшествовал трехдневный учебно-методический сбор организационно-партийных работников, проведенный Политуправлением внутренних войск на базе Высшего политического училища имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР. В ходе обсуждения доклада члена Военного совета — начальника Политического управления полковника А. И. Гриенко, в процессе инструктивных занятий, семинаров, собеседований и деловой игры участники сбора выработали основные направления дальнейшего совершенствования организационно-партийной работы в свете решений XIX Всесоюзной конференции КПСС, июльского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС.

Предлагаем читателям выдержки из выступлений некоторых участников сбора, свидетельствующие о дискуссионном характере занятий.

В. ДАВИДОВИЧ (УВВ по Северо-Западу и Прибалтике). Перестройка порой подменяется громкими фразами, модными «нововведениями». Что, к примеру, дал свободный микрофон, если коммунисты всегда имели право бросить в ходе собрания реплику, дать справку, задать вопросы докладчику? Или разве до «прямого провода» военнослужащие не могли позвонить в любое время любому начальнику? В то же время живучи явления, тормозящие партийную работу. В частности, действует ряд нормативных документов, не учитывающих требования Положения о политорганах и Инструкции организациям КПСС в Советской Армии и Военно-Морском Флоте. В итоге на политорганы возлагаются административно-командные функции, порождающие однотипный стиль работы.

В подразделениях, где служит 4—5 коммунистов, создаются цеховые парторганизации, хотя партгруппы на их месте были бы не менее боеспособными, притом не вели бы большое партийное хозяйство. Видимо, в подобных ситуациях надо больше полагаться на мнение политорганов на местах: образовывать партгруппы или парторганизации.

В воинской части действует более двух десятков постоянных и одноразовых комиссий, впитывающих в себя слу-

жебное время многих и многих людей. А разве органы народного контроля не смогли бы заменить значительную часть таких комиссий?

Л. ЛОБАЧ (УВВ по Уралу). Почему личный состав не идет на прием к секретарю, скажем, партбюро батальона, хотя на двери кабинета висит табличка о часах и днях приема, а стучится к политработнику? Потому что у секретаря мало реальных прав. Не мирясь с таким положением, мы проводим смотр боевитости парторганизаций, чтобы люди поверили и в слово, и в дело коммунистов, пошли за нами...

Политуправление, на мой взгляд, должно показывать нам пример в борьбе за сокращение переписки. Пока же мы этого не видим. Более того, недавно был звонок из Москвы: там кому-то потребовались дополнительные сведения о последних партсобраниях. Пришлось и нам садиться на телефон, тратить целый день на разговоры.

А. РЯБУХА (УВВ по Украинской ССР и Молдавской ССР). Политотдел войск стремится шире информировать коммунистов частей о своей деятельности. Помимо традиционных форм информирования через политработников, секретарей парторганизаций, партийных активистов сообщаем о том, над чем со-

бираемся работать в предстоящее полугодие: какие вопросы выдвигаем на первый план, когда и где будут работать целевые и комплексные группы и т. д. Это помогает избежать так называемых накладок, концентрировать усилия парторганизаций на решении первоочередных вопросов...

Е. ХОЛОДОВ (Центральное УВВ). Едва ли стоит регламентировать создание во взводах контролерских рот партийных групп. Практика показывает, что партгруппы дублируют ротную парторганизацию. Иное дело — подразделения, где есть взводы военнослужащих срочной службы и взводы контролеров. В таком случае создавать партгруппы нужно — они более конкретно будут вникать в вопросы контролерской службы.

В. ПАРФЕНЕНКО (УВВ по Средней Азии и Казахстану). Боеспособность первичной парторганизации во многом зависит от ее секретаря. Но подчас мы забываем, что свои партийные обязанности он выполняет одновременно со служебными. Причем призван показывать пример добросовестного отношения к воинскому долгу. Словом, секретарь в сравнении с другими коммунистами больше загружен, однако его труд стимулируется только морально. И если во всех отраслях народного хозяйства сейчас уделяется много внимания материальному — наиболее эффективному — поощрению хороших работников, то почему бы не отмечать людей за партийную работу? ЦК ВЛКСМ положительно разрешил аналогичный вопрос, оставив часть членских взносов в комсомольских организациях, так что и партийным органам есть повод для размышлений...

А. БОЛЬШАКОВ (УВВ по Уралу). В войсках прошел смотр боевитости парторганизаций. Правда, сейчас мы пришли к выводу, что на отдельных этапах он оказался заформализованным. И все же смотр принес немало положительного. В частности, в ходе индивидуальных собеседований с коммунистами (было охвачено около 80 процентов партийцев и все те, кто имел партвыскаания) выявили ряд товарищей, которые числи-

лись активистами, а на деле занимали пассивную позицию. Таких людей коммунисты вывели из состава партийных выборных органов, что усилило парторганизации...

Медленно перестраиваются коммунисты штабных парторганизаций, многие товарищи считают, что тезис «быть ближе к личному составу» относится только к политработникам. Политотдел войск не мирится с подобной позицией, повышает спрос с коммунистов штабов и служб войскового тыла.

Е. ДОРОШИН (УВВ по Дальнему Востоку и Восточной Сибири). В войсках преобладают малочисленные парторганизации. Изучая их работу, мы убедились в высокой эффективности такого подхода к обеспечению авангардной роли коммунистов, когда каждый из них ежемесячно получает на партсобрании оценку своего отношения к партийным и служебным обязанностям. И если политорган войск добьется, чтобы так поступали в каждой парторганизации, то будут решены многие острые проблемы...

Мы знаем, что при Политуправлении войск действует парткомиссия. Однако никакой информации о ее работе парторганизации и политорганы войск не получают.

В. ТИТАЕВ (УВВ по Северному Кавказу и Закавказью). После апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС парторганизации частей пополнились значительным числом молодых коммунистов. Вступая в партию, они писали в заявлениях «хочу быть в первых рядах борцов за перестройку...» Но состояние дел в наших парторганизациях не улучшилось. Почему? Жизнь показала, что не все коммунисты близки к нуждам и интересам личного состава, а значит, почти не влияют на него. Подчас такой член партии, приехав в подразделение, проверит службу КПП, состояние ИТСО, просмотрит служебную документацию, а вот до главного — до человека он так и не доходит. Поэтому политотдел видит свою недоработку в том, что слабо настраивает парторганизации на решительное повышение спроса с коммунистов...

МНОГОЧИСЛЕННОСТЬ мнений и взглядов участников учебно-методического сбора не помешала им выработать единую позицию: сегодня в основу всей партийной работы должны быть положены идеи, демократичный дух XIX Всесоюзной конференции КПСС. Ими нужно пронизать деятельность политорганов и парторганизаций, с их помощью создать надежные механизмы для выполнения каждой резолюции партконференции, для утверждения обстановки поиска смелых подходов, гласности, творчества, критики и самокритики. На сборе была особо подчеркнута необходимость социальной направленности партийной работы на конкретный воинский коллектив и конкретного человека, на вовлечение в процессы обновления всего личного состава.

ДОРОГОЙ ДРУЖБЫ И БРАТСТВА

529
525

СЛЕДУЕТ РАСКРЫВАТЬ
ИСТОКИ ДРУЖБЫ
НАШИХ НАРОДОВ,
АКТИВНО ФОРМИРОВАТЬ
КУЛЬТУРУ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ,
ВОСПИТЫВАТЬ УВАЖЕНИЕ
К ТРАДИЦИЯМ, ЯЗЫКУ,
ИСКУССТВУ, ИСТОРИИ
НАРОДОВ СТРАНЫ,
ДРУГИХ НАРОДОВ МИРА.
ПОДЛИННОЙ ШКОЛОЙ
ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА
ДОЛЖНА СТАТЬ СЛУЖБА
В РЯДАХ ВООРУЖЕННЫХ
СИЛ СССР.

ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ
XIX ВСЕСОЮЗНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ КПСС
«О МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ».

НЕДАВНО, выступая на тематическом вечере, азербайджанец младший сержант Дуад Меликов говорил: «Есть в Закавказье дорога, исторически нареченная Военно-Грузинской. По этой дороге шли великие сыны России в Грузию. Пушкин и Лермонтов, Грибоедов и Толстой, Чехов и Горький, Чайковский и Шаляпин, Есенин и многие другие. В своих сердцах они несли большую любовь и уважение к Грузии, и она отвечала им взаимностью. Не зря же Виссарион Белинский отмечал, что Кавказ явился колыбелью русских поэтических талантов, вдохновителем их муз, поэтической их родиной. Шли по этой дороге в Петербург и Москву выдающиеся писатели Грузии Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели, Нико Николадзе и многие другие. Шли, чтобы приобщиться к великой русской культуре. Михаил Лермонтов писал: «Как сладкую песню Отчизны моей люблю я Кавказ». Как бы вторя ему, Акакий Церетели заявлял: «Существует молодая Россия, с которой мы хотим шагать рука об руку, для того, чтобы осуществить не только национальные, но многие общечеловеческие идеалы, которые называются братством, единством, равенством».

Вот что нам завещали великие предки: братство, единство, равенство!

Советский патриотизм, рожденный Великим Октябрем, — величайшая наша ценность. С ним несовместимы любые проявления национализма и шовинизма. Попытки к самоизоляции ведут в духовный тупик. Истинный интернационализм, истинная дружба народов возможны только при глубоком уважении к достоинству, чести, культуре, языку и истории каждого народа, широком общении между ними. Смысл ленинской национальной политики состоит в том, чтобы каждый человек, каждая нация могли свободно развиваться, чтобы каждый народ мог удовлетворить свои потребности во всех сферах общественно-политической жизни, в родном языке и культуре, в обычаях и верованиях, — так говорилось в обращении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева к трудящимся, к народам Азербайджана и Армении в связи с событиями в Нагорном Карабахе и вокруг него.

За минувшие годы произошли немаловажные изменения в национальном составе наших подразделений и частей. Они все более становятся интернациональными. Так, если еще недавно представители нерусской национальности составляли 30—40 процентов от всего численного состава, то сейчас эта цифра доходит в отдельных подразделениях до 60 процентов и более. В этих условиях задачи сплочения воинских коллективов, воспитания военнослужащих в духе дружбы народов становятся особенно актуальными. Вопросы эти всегда находятся в поле зрения политического отдела, партийных и комсомольских организаций.

Так, на сборах ротных политработников, как правило, происходит обмен опытом работы по воспитанию воинов в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма, дружбы и воинского товарищества. Эти же проблемы поднимаются на сборах секретарей первичных парторганизаций.

С учетом конкретных условий и задач каждого воинского коллектива, специфики дислокации мы определили основные направления, формы и методы патриотическо-

го и интернационального воспитания личного состава. Разработали тематику лекций, бесед, конференций, тематических вечеров, встреч со знатными людьми, проводив их методическими рекомендациями.

Чувство дружбы и братства народов, пролетарский интернационализм развиваются и крепнут на основе твердой идейной убежденности. Вот почему в интернациональном воспитании воинов особенно велика роль политических занятий, и успех здесь зависит прежде всего от идейно-теоретического уровня и методического мастерства руководителей групп.

Когда старший лейтенант Фаиль Керимов знакомился со своей группой, понял, что работа предстоит нелегкая — почти половина военнослужащих, особенно молодых, слабо владела русским языком. Трудности не смущали офицера. Индивидуальные беседы с каждым воином позволили ему составить полное представление об их возможностях, особенностях, наметить перспективные мероприятия по сплочению группы. Кружок русского языка помог преодолеть многим военнослужащим языковой барьер, и результаты не замедлили сказаться. Хорошие и отличные оценки по боевой службе, боевой и политической подготовке — подтверждение этому.

Приобщение к ленинскому идейно-теоретическому наследию благотворно отражается на политической закалке, росте активности воинов, воспитании чувства ответственности, мужества, смелости и товарищеской взаимопомощи. Военнослужащие с высокой сознательностью выполняют свой воинский, патриотический и служебный долг, бдительно несут боевую службу, крепят дисциплину.

Так, войсковой наряд в составе рядовых М. Курбелы и А. Горячева выполнял службу по охране общественного порядка. Один из граждан привлек их внимание развязными действиями. Когда его пытались задержать, он выхватил обрез и выстрелил в патрульный наряд. Второй выстрел произвести не смог, М. Курбела приемом самбо выбил оружие из рук преступника и с подоспевшим товарищем скрутил его.

Мужественно действовали наши солдаты в известных событиях в Сумгаите и Степанакерте. Однажды во время проведения специальной операции на заместителя командира батальона по политической части Л. Стрекина бросился вооруженный ножом экстремист. Ефрейтор Даулетов и рядовой Оразов, мгновенно оценив обстановку, смело защитили офицера.

Капитан Т. Хупения, увидев, что раненному в голову сержанту Г. Купче угрожает опасность со стороны вооруженного хулигана, пришел на помощь, отразил удар и, получив ранение сам, вынес пострадавшего сержанта в безопасное место. Или еще случай. Разъяренная группа зачинщиков беспорядка, захватив потерявшего сознание рядового Ф. Мамаджанова, пыталась бросить его под колеса авторанспортера. Офицеры Л. Стрекин, А. Невмержицкий, Н. Гадушкин и Т. Хупения отвлекли преступников на себя. Рядовой Н. Ибрагимов, рискуя жизнью, под градом камней и бу-

тылок с зажигательной смесью спас рядового Мамаджанова, оказал ему первую медицинскую помощь.

Глубоко не правы те, кто берет на себя смелость утверждать, что в войсках нет условий для развития своих способностей. Практика утверждает обратное: в сложной обстановке армейской службы человек познает самого себя, свои возможности, у него обостряются чувства собственного достоинства и вера в благородные идеалы патриотизма и интернационализма. И потому горько сознавать, что эти прописные истины кое-где недопонимают, и вдвойне горько, когда приходится иметь дело с людьми такого недопонимания.

Но когда такие «непонимающие» попадают в здоровый воинский коллектив, сплоченный единой важной задачей, их мировоззрение меняется. Примеров тому немало. Главное, что требуется в работе с ними: терпение, доброжелательность, способность воспитателя увидеть лучшее в человеке и помочь ему понять ошибки.

Известно, что национальный вопрос, оставшийся от прошлого, в стране решен. Тем не менее приходится и приходится сталкиваться с противоречиями. Бытует мнение, что в многонациональном воинском коллективе автоматически происходит процесс интернационального воспитания его членов. Считаю такое мнение ошибочным. Более того, при слабой постановке этого дела в подразделении могут складываться микрогруппы по национальному признаку с отрицательной направленностью. В них существуют свои правила поведения, свои лидеры. Результатом их существования являются круговая порука, отсутствие единого воинского коллектива. Как правило, и положение дел в этих коллективах неудовлетворительное.

Интернационализм и патриотизм — две важные стороны морально-боевых качеств воина. Вот почему так необходимо, чтобы, попав в воинский коллектив, молодой воин не терял контактов со своей национальной культурой, с заботами родного края, своих земляков. А здесь мы, к сожалению, оказываемся подчас плохо вооруженными. Например, у нас в целом неплохие библиотеки. Но удельный вес книг на национальных языках в них мизерный. Всего несколько экземпляров на украинском, белорусском языках, почти нет литературы на языках народов, скажем, Средней Азии, Прибалтики.

Или другая проблема. Ежегодно на каждое подразделение выписываются газеты союзных и автономных республик, причем в достаточном количестве. Но когда офицеры политотдела изучили порядок работы с этими периодическими изданиями, пришли к выводу, что в некоторых подразделениях газеты не доходят до своих подписчиков, я уже не говорю о какой-то целенаправленной работе идеологического актива с материалами, опубликованными в них.

Этот вопрос стал предметом обсуждения на совещании политотдела.

Большую роль в интернациональном и патриотическом воспитании воинов играют встречи с ветеранами Коммунистической партии, Вооруженных Сил, делегатами

съездов КПСС и ВЛКСМ, передовиками производства, деятелями литературы и искусства, работа по военно-патриотическому воспитанию пионеров и школьников. Все это способствует духовному росту, формированию интернационального сознания воинов.

Так, недавно наши военнослужащие совместно с педагогическим коллективом одной из школ провели вечер интернациональной дружбы «Союз нерушимый».

Заслуживает внимания опыт комсомольской организации роты, где секретарем бюро рядовой О. Гвоздев. Здесь создан клуб интернациональной дружбы «Глобус». Его активисты рядовые С. Зосимов, Н. Гилюк, Ю. Пролук по главе с комсомольским вожаком тщательно готовят занятия клуба, устраивают дискуссии.

Радио и телевидение одной из Закавказских республик в своих передачах неоднократно передавали репортажи, показывали сюжеты о ходе боевой и политической подготовки, о дружбе и войсковом товариществе.

Активное участие в передачах республиканского радио принимали старший лейтенант В. Кулиничков, прапорщик А. Калантарян, сержант А. Алтенс, рядовые О. Гвоздев, Н. Сафонов и другие. А в канун 66-й годовщины образования СССР у нас прошел тематический вечер «Пути отцов — дороги сыновей», на котором выступили приглашенные воины-интернационалисты, исполнявшие свой воинский долг в Афганистане, и ветеран войны, почетный гражданин г. Брянска подполковник в отставке Р. Агабабян.

Хотя и организуются экскурсии в музеи, исторические места городов, где служат воины, однако используем мы эти возможности недостаточно. Не проводятся в музее «Дружба народов СССР» Ленинские чтения, политические занятия, встречи со знатными людьми и другие формы из арсенала воздействия на чувства людей. Пока еще очень слабы связи с трудовыми коллективами предприятий. Или другая крайность. Как правило, основной акцент в агитационно-пропагандистской работе делается на разъяснении достижений только тех республики или края, в которых мы служим. Это просматривается, к сожалению, и в наглядной агитации.

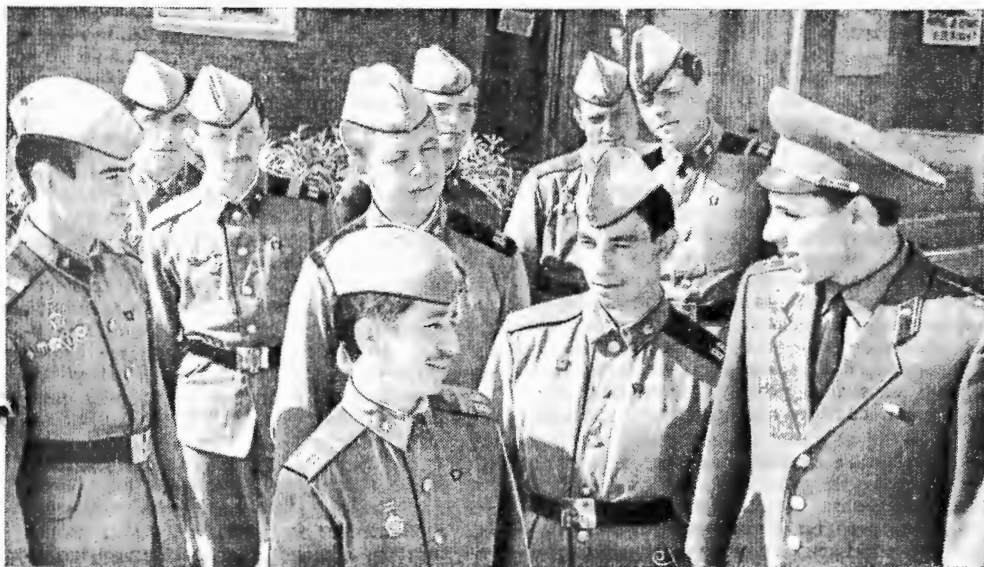
Не учитываем мы иногда, что наши коллективы многонациональны, и когда избирается актив в подразделениях.

Командиры, политработники, партийные и комсомольские организации видят свою задачу в том, чтобы на основе широкой пропаганды ленинской национальной политики, решений XIX Всесоюзной партконференции всемерно углублять патриотическое и интернациональное воспитание личного состава, настойчиво добиваться, чтобы патриотические чувства и интернациональное сознание воинов выливались в стремление бдительно стоять на страже нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик.

Полковник А. УКОЛОВ.

*Ордена Красной Звезды УВВ по
Северному Кавказу и Закавказью.*

Неизменно высоких результатов в службе, учебе и дисциплине добивается многонациональный коллектив подразделения, где заместителем командира по политической части старший лейтенант Н. Чуркин. Этому во многом способствует большая работа по воспитанию личного состава в духе дружбы и интернационализма.

Конечной целью реформы политической системы и главным критерием того, насколько нам удастся провести ее в жизнь, являются всестороннее обогащение прав человека, повышение социальной активности советских людей.

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. ГОРБАЧЕВА на XIX Всесоюзной конференции КПСС.

КОНЦЕПЦИЯ РЕФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

ЦЕНТРАЛЬНОЕ место в работе XIX Всесоюзной конференции КПСС занимал вопрос о реформе политической системы страны. Партия пришла к пониманию ее необходимости, даже неизбежности, не сразу. Подвели к этому и уроки прошлого, и сама жизнь, и опыт первых этапов перестройки.

Весной 1985 года КПСС начала решительную борьбу за обновление общественно-политических структур. Планы ускорения социально-экономического развития, радикальная экономическая реформа, другие начинания по совершенствованию общества могут получить прочную основу и гарантию необратимости только в том случае, если в работу включатся могучие силы демократии и социалистического самоуправления народа.

Речь идет о том, чтобы полностью преодолеть отчуждение трудящихся от власти, надежно закрепить их гражданские права, возможности реализации многообразных интересов, проявления и поощрения инициативы. Отметая сверхцентрализм, связанную с ним бюрократизацию, надлежит создать сильную центральную власть, без которой не может существовать ни одно современное общество. Но власть действительно демократическую, действующую в рамках четко определенной законами компетенции, подконтрольную народу. Власть, которой доверяет население страны и которую считает своей.

В этом и состоит главный смысл рефор-

мы политической системы. Реформы во имя построения подлинно живого, раскрепощенного, свободного от казенщины и различных бюрократических пут социализма в самом широком и глубоком понимании этого слова, такого, каким его предвидели классики марксизма-ленинизма.

«Социализм не создается по указам сверху, — говорил В. И. Ленин. — Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс» (Полн. собр. соч., т. 35, с. 57).

Принятая конференцией концепция реформы охватывает весь комплекс политических институтов, по-новому определяет роль и соотношение партии, Советов народных депутатов, административных органов, общественных организаций.

Но вначале ответим на вопрос: почему же сегодня выдвигается задача коренной реформы политической системы?

Дело прежде всего в том, что на известном этапе строительства социализма в нашей стране политическая система подверглась серьезным деформациям. В результате стали возможны и культ личности, и всевластие Сталина и его окружения, и волна репрессий и беззаконий. Сложившиеся в годы руководства Сталина партией командно-административные методы управления оказали пагубное воздействие на различные стороны развития советского общества. В эту систему уходят корнями многие трудности, которые мы переживаем и по сей день.

Решения XX съезда КПСС открывали возможности для преодоления нарушений ленинских принципов жизни партии и государства, однако они не были использованы в полную меру вследствие недо-

Статью рекомендуется использовать руководителям групп политзанятий при изучении темы «Развитие политической системы, социалистической демократии».

526
527

оценки и принижения значения социалистической демократии. И это вновь привело к рецидивам культурных явлений, к субъективизму и волюнтаризму в социалистическом строительстве.

Не принес обществу пользы и брежневский период руководства партией, именуемый ныне периодом застоя в хозяйственной и социальной жизни в начале 60-х и 70-х годах. А тогда, по злой иронии судьбы, он назывался «этапом развитого социализма». Это при Брежнев проводилась линия на непомерное раздувание, узурпацию реальной власти государством в ущерб обществу, аппаратом — в ущерб выборным органам. Число избранных в различные государственные и общественные органы достигало трети взрослого населения страны. При этом их основная масса была отстранена от реального участия в решении государственных и общественных дел.

В период застойных явлений управленческий аппарат, разросшийся почти до сотни союзных и восьмисот республиканских министерств и ведомств, практически стал диктовать свою волю и народному хозяйству, и политике. Именно ведомства и другие управленческие структуры держали в руках исполнение принятых решений, своими действиями определяли, чему быть, а чему нет. Советы народных депутатов, а во многом и партийные органы оказывались не в состоянии контролировать напор ведомственных интересов. Универсальным правилом было то, что орган, принимающий решения, не нес экономической ответственности за последствия своих действий.

Таким образом, действующая политическая система десятилетиями приспособлялась не к организации общественной жизни в рамках законов, а в основном к выполнению волевых распоряжений и указаний, что отрицательно сказалось на социальной активности масс.

Динамизм, присущий начальному этапу формирования многонационального Советского государства, был существенно утрачен и подорван отходом от ленинских принципов национальной политики, нарушениями законности в период культа личности, идеологией и психологией застоя. Абсолютизировались достигнутые результаты в решении национального вопроса, утверждались представления о беспрепятственности национальных отношений. Недостаточно учитывались потребности социально-экономического, культурного развития как отдельных республик и автономных образований, так и национальных групп. Немало острых вопросов, выдвигавшихся самым ходом развития наций и народностей, не находило своевременного решения. Это приводило к общественной неудовлетворенности, которая приобретала порой конфликтный характер. Негативные явления накапливались десятилетиями, долгое время игнорировались, загонялись внутрь, не получали должной партийной оценки. Перестройка, демократизация и гласность обнаружили эти явления и в то же время создали необходимые условия для их демократического преодоления.

Реформа политической системы нашего общества непосредственно связана с формированием и развитием правового государства. На Всесоюзной партийной конференции впервые по-настоящему поставлена эта серьезная проблема. Она будет решаться под углом зрения новых условий хозяйствования, гуманизации и демократизации общественной жизни, усиления профилактики правонарушений. Все это требует принятия эффективных мер по перестройке правового воспитания населения, организации юридического всеобщего образования. В связи с этим возрастает значение и роль занятий по советскому законодательству в системе командирской, марксистско-ленинской и политической учебы. Необходимо добиться также, чтобы освоение Правового минимума офицера осуществлялось на высоком идейном, научном и методическом уровне.

Конечно, реализовать идею правового государства нелегко, хотя бы потому, что будут сильно ущемлены интересы бюрократии. Ведь бюрократы манипулируют законом и этим живут. Они подчас реализуют незаконность в своих личных, корыстных целях и чувствуют себя при этом в безопасности, потому что ни за что не отвечают. Правовое же государство предполагает значительное повышение ответственности руководителя за свои действия.

Таковы в общих чертах проблемы реформы политической системы, прозвучавшие всю работу Всесоюзной партийной конференции.

Выступая на конференции, Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев говорил: «...Если политическая система останется неподвижной, без изменений, то мы не справимся с задачами перестройки» (Правда, 1988, 29 июня).

XIX Всесоюзная партийная конференция приняла крупные решения по углублению перестройки, реформе политической системы, дальнейшей демократизации партии и общества.

«Теперь, — записано в резолюции конференции «О демократизации советского общества и реформе политической системы», — задача состоит в том, чтобы советская государственность в полном объеме соответствовала этому понятию, чтобы все дела в стране решались народом и его полномочными представителями, находились под его полным и действенным контролем» (Правда, 1988, 5 июля).

Другими словами, важнейшая забота партии — обеспечение полновластия Советов народных депутатов. Основной принцип, всесторонне раскрытый в названной резолюции, можно коротко сформулировать так: без Советов не вправе решаться ни один важный вопрос государственной, хозяйственной и социально-культурной жизни. При формировании исполкомов, состава руководителей отделов и служб отныне должны стать правилом выдвижение нескольких кандидатур, тайное голосование, конкурентность, ограничение на занятие выборных, а также утверждаемых Советами должностей двумя сроками подряд. Решено существенно перестроить избирательную систему.

Конференция высказалась за избрание в местных, кроме сельских и поселковых, органах власти постоянно действующих президиумов и во всех без исключения Советах тайным голосованием — их председателей. Повышению роли представительных органов, отмечается в резолюции, способствовала бы рекомендация на должности председателей Советов, как правило, первых секретарей соответствующих партийных комитетов. Речь, таким образом, идет о поддержке авторитета возрождаемых Советов авторитетом партии.

Конференция сочла нужным провести реконструкцию высших органов государственной власти. Высшим ее органом должен стать ежегодный съезд народных депутатов СССР. По коллективному замыслу, он образует сравнительно небольшой по численности двухпалатный Верховный Совет СССР — постоянно работающий законодательный, распорядительный и контрольный орган, тайным голосованием избирает Председателя Верховного Совета. Это делается для того, чтобы устранить функциональную обезличенность палат, по-новому наладить работу постоянных комиссий и депутатов. Новые подходы рекомендуются использовать при формировании и организации деятельности Советов всех других ступеней.

Демократизация общества предполагает систематическую работу по упрощению структуры и совершенствованию методов функционирования всего государственного аппарата. Необходимо иметь аппарат нового типа. Конференция высказалась за ускорение его создания, за то, чтобы ни одно звено системы управления не осталось вне перестройки. Признано также целесообразным создать единую, подчиненную выборным органам власти систему общественно-государственного контроля.

Делом принципиальной важности названо формирование социалистического правового государства. Высоко оценивая деятельность общественных организаций, конференция выступила за демократизацию их жизни, повышение самостоятельности и ответственности, преодоление заорганизованности, формализма, других недостатков. Постоянно действующий механизм диалога, критики и самокритики, самоконтроля и самооценки в партии и обществе жизненно необходим.

На конференции подчеркивалось, что успех реформы политической системы в определяющей мере зависит от работы партии. Все ее организации, все коммунисты обязаны принять самое активное, творческое участие в решении новых задач. Инициатор и проводник реформы, КПСС на деле выполняет миссию политического авангарда всех трудящихся. Важно сполна реализовать ленинскую концепцию руководящей роли партии. А это требует отказа от подмены партийными комитетами государственных и хозяйственных органов, от командно-приказных методов работы.

Словом, без глубокой демократизации внутренней жизни партии невозможна авангардная роль КПСС в перестройке.

Предстоит в полной мере восстановить ленинское понимание принципа демократического централизма, предусматривающего свободу дискуссий на стадии обсуждения и единство действий, когда решения приняты большинством. Должны быть разработаны и осуществлены меры по углублению внутрипартийной демократии, чтобы все звенья КПСС действовали в атмосфере партийного товарищества, открытости, критики и самокритики, коллективизма и сознательной дисциплины.

Непреходящее значение конференции придала демократизации жизни первичных парторганизаций, повышению их самостоятельности. Надо избавить основные звенья КПСС от мелочной регламентации сверху, укрепить авторитет выборных органов, секретарей первичных организаций. Предстоит преодолеть пассивность известной части партийцев. Степень привлечения коммунистов к деятельности партийных комитетов, прямо говорилось с трибуны конференции, не соответствует потребностям коренной перестройки партийной работы. В демократизации нуждается и прием в КПСС новых членов.

Одно из ключевых направлений демократизации партии — это восстановление в полном объеме ленинского принципа коллегиального обсуждения и принятия решений. Недопустимы подмена партийным аппаратом выборных органов, сведение роли коммунистов лишь к присутствию на собраниях и голосованию за списки предложенных кандидатов и готовые проекты резолюций. Нужно менять характер собраний и пленумов, повышать их деловитость.

Партийная конференция высказалась за расширение участия членов ЦК КПСС в деятельности Политбюро ЦК, за регулярное заслушивание отчетов и информации Политбюро на пленумах Центрального Комитета, создание комиссий из членов ЦК по различным направлениям внутренней и внешней политики. Демократизация жизни партии требует максимальной открытости в работе всех ее организаций, их руководящих звеньев. Обращено, в частности, внимание на необходимость регулярных отчетов бюро райкомов, горкомов, окружкомов, обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик перед своими комитетами, а парткомов и партбюро — перед первичными, цеховыми организациями. При этом коммунистам дано право досрочно отзываться из выборных органов тех, кто не справляется с доверенными обязанностями или скомпрометировал себя.

Конференция наметила пути серьезного обновления кадровой политики партии в условиях демократизации. Формально-номенклатурный подход к подбору и расстановке кадров себя изжил. Основными методами работы партийных комитетов становятся здесь организация подготовки и переподготовки людей, их воспитание с учетом возможной рекомендации на руководящие посты при соблюдении демократических процедур.

Конференция считает вопросом первостепенного значения демократизацию из-

бирательного процесса в партии. Поставлена задача: при выборах членов и секретарей всех комитетов — вплоть до ЦК КПСС — обеспечивать широкое обсуждение кандидатур и тайное голосование, возможность внесения в бюллетени большего, чем имеется мандатов, числа претендентов на избрание. Признано право парторганизаций одновременно с выборами делегатов на конференцию или съезд предлагать кандидатуры в состав вышестоящего органа, оставляя последнее слово за делегатами конференции, съезда. Поддержано предложение о едином сроке полномочий — 5 лет для выборных органов, от ЦК КПСС до райкомов. Срок, что и говорить, не мал. Поэтому предполагается проводить через 2—3 года партконференции с правом частичного обновления состава комитетов.

Немало острых дебатов было о сроках пребывания на выборных должностях. Делегаты, взвесив все «за» и «против», посчитали целесообразным ввести в действие правило: все члены бюро и секретари партийных комитетов, включая членов Политбюро и Генерального секретаря ЦК КПСС, могут избираться на тот же срок не более чем на два срока подряд. Это — важнейшая гарантия от застоя в кадровом корпусе.

Намечено существенно усовершенствовать контрольно-ревизионную работу в партии. Конференцией для этого, а также для обеспечения надежных гарантий от субъективизма, самоуправства, влияния личных и случайных обстоятельств на партийную политику предложено создать единый контрольный орган — Центральную контрольно-ревизионную комиссию КПСС и подобные формирования на местах, упразднив КПК при ЦК КПСС и Центральную Ревизионную Комиссию КПСС, соответствующие комиссии на местах.

В рамках перестройки политической системы будут осуществляться назревшие меры по дальнейшему развитию и укреплению советской федерации на основе демократических принципов. Речь идет прежде всего о расширении прав союзных республик и автономных образований путем разграничения компетенции Союза ССР и советских республик, децентрализации, передачи на места ряда управленческих функций, усиления самостоятельности и ответственности в сфере экономики, социального и культурного развития, охраны природы.

Предстоит активизировать те институты политической системы, посредством которых должны выявляться и согласовываться национальные интересы. Первостепенное значение в связи с этим имеет повышение роли Советов народных депутатов, прежде всего Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Надо убедительнее раскрывать истоки дружбы наших народов, активно формировать культуру межнационального общения, воспитывать уважение к традициям, языку, искусству, истории народов страны, других народов мира.

Подлинной школой интернационализма должна стать служба в рядах Вооруженных Сил СССР.

127
528

Партийная конференция считает задачей исторической важности настойчиво утверждать и творчески развивать ленинские нормы и принципы национальной политики, решительно отщипывать их от искусственных наслоений и деформаций. Основа этого — выработанный XXVII съездом КПСС политический курс, сочетающий удовлетворение интересов всех наций и народностей с общими интересами и потребностями страны, интернационалистская идеология, несовместимая с любыми разновидностями шовинизма и национализма.

Конференция подчеркивает, что последовательное расширение гласности является неременным условием развертывания процессов демократизации всех сфер общественной жизни, обновления социализма. Без гласности нет перестройки, нет демократии.

Реформа политической системы, процессы демократизации в партии и обществе, гласность, развитие критики и самокритики, реальное вовлечение народа в управление обществом основательно подрывают позиции бюрократизма. Но вся борьба впереди. Борясь с бюрократизмом, надо вместе с тем беречь и укреплять авторитет руководителя. Скажем, в армейских условиях право командира принимать решения, приказывать — бесспорно. Но его нельзя отождествлять с одновариантностью, статичностью мышления.

Сегодня важнейшим показателем профессиональной и политической зрелости командиров и начальников является их способность работать, опираясь на партийную и комсомольскую организацию, на воинский коллектив. Они должны уметь мобилизовать подчиненных на активное, заинтересованное, ответственное решение задач боеготовности, боевой службы, боевой и политической подготовки, укрепления дисциплины, действительно поставить в центр всей армейской жизни человека, воина. Важно наиболее полно реализовать творческий потенциал всех демократических институтов наших Вооруженных Сил.

Необходимо утверждать в воинских коллективах авторитет добросовестного, самоотверженного ратного труда, стремление беречь и приумножать героические боевые традиции, неустанно заботиться о поддержании в частях здорового нравственного климата, обстановки войскового товарищества, прочной интернациональной дружбы.

Реформа политической системы, отмечается в резолюции конференции, — большая и напряженная работа. Она потребует принятия ответственных партийных решений и крупных законодательных актов, включая внесение существенных изменений в Конституцию СССР, конституции союзных и автономных республик, а также в Устав КПСС. Реформа должна носить комплексный, всеохватывающий характер. Осуществлять ее нужно скоординированно, в единстве с перестройкой экономики и всего общества. Надо помнить, что реформа политической системы — важнейшая гарантия демократизации общества, совершенствования социализма.

С. МОРОЗОВ,
кандидат исторических наук.

РАБОТАТЬ ВСЕМ КОММУНИСТАМ

КАПИТАН Виктор Николаевич Сухов воспитывался в рабочей семье, трудовую биографию начинал формовщиком на арматурном заводе в городе Уральске. Срочную службу проходил во внутренних войсках. По рекомендации партийной и комсомольской организаций был направлен в Высшее политическое училище имени 60-летия ВЛКСМ, там в 1979 году вступил в ряды КПСС. По распределению на Урале начал службу в одном из отдаленных воинских коллективов заместителем командира роты по политической части. Затем был инструктором политотдела, после этого его перевели на должность пропагандиста в часть, где и служит в настоящее время, возглавляя еще и ее партийную организацию.

ВРЕМЯ у Виктора Николаевича после возвращения из Москвы настало горячее. объезжал подразделения, рассказывал о конференции. Иными словами говоря, наступила пора живой, конкретной работы, обогащенной идеями конференции, стимулируемой мощным эмоциональным зарядом, полученным на партийном форуме. Естественно, главный вопрос делегату:

— Ваше самое сильное впечатление?

— Конференция стала открытым уроком правды. Такое — впервые на моей памяти. Необходим был такой разговор не просто для анализа нашей истории и постановки задач, как это было прежде, а для того, чтобы вызвать откровенный обмен мнениями.

Вот и другие ответы капитана Сухова на мои вопросы.

— Все мы видели на телеэкранах: конференция отличалась небывалой активностью делегатов. А как это ощущалось в зале?

— Я сидел в семнадцатом ряду партера, почти у правой стены, и хорошо видел реакцию зала. Это само по себе незабываемо. Все оттенки чувств, напряженную работу мысли выражали лица делегатов. Так, если одни делегации бурно аплодировали, то другие в это время пребывали в молчании, третьи — в растерянности. Зал нередко не принимал слабых ораторов, которые говорили «не по делу», сваливая все беды только на ста-

На снимке: капитан В. Сухов.

линщину, на мафию или прежнее руководство, сглаживали углы, не предлагали ничего конструктивного, конкретного, того, что делегаты ждали от каждого. Таких прерывали аплодисментами.

— То есть реакция была чуткой: малейшая фальшь, уход от конкретики вызывали неприятие?

— Да, реагировали сразу и очень быстро. Не было «истин в последней инстанции». Шел большой совет с коммунистами.

Поражал царивший на форуме дух партийного товарищества. Не существовало грани между делегатами. Пусть он министр, или генерал, или, как я, капитан, — здесь все партийцы. Полная от-

крытость разговора. Теперь и в своей секретарской работе не представляю иных подходов.

— Когда вы слушали острые или спорные выступления делегатов, у вас не возникало желания самому подняться на трибуну?

— Конечно, внутри порой все кипело. С чем-то был не согласен, хотелось вынести на обсуждение некоторые привезенные с собой наказания. Понимаю, подобных предложений было подано тысячи, вряд ли их могли вместить любые резолюции. Но главное — это всемерное расширение демократии, подотчетность всех выборных советских органов народу, «завязанность» всех выборных лиц на избирателей.

— Что еще запомнилось на конференции?

— Без сомнения, встреча с Министром внутренних дел. Беседовали около получаса. Передал я наказания, в том числе по проблемам контролерской службы, об обеспечении жильем. Здесь есть трудности — УВД и исполкомы не держат слова. Министр обещал оказать содействие, но отметил, что было бы желательно наладить более тесное взаимодействие по этим вопросам на местах.

Или вот была просьба — добиться обеспечения молоком солдат одного из подразделений, находящегося в неблагоприятных экологических условиях, так же, как обеспечены сотрудники ИТУ и... осужденные. Начал на месте пробовать — закутилась карусель: надо создать комиссию, разобраться... Затяжка самое малое на год, если вообще вопрос решится. Передал наказ Министру, он напрямую связался с директором комбината — и вопрос решен. Всегда бы так.

— Какие же наказания еще были приняты к исполнению?

— Например, по списанию транспорта. Сейчас машины выхаживают ие мыслимые сроки, многие практически негодны, а требуется с них, как с новеньких. Теперь процесс списания ускорен. Согласились привести нормы положенности снаряжения подразделений, несущих патрульно-постовую службу, в соответствие с выделяемым количеством личного состава, чтобы не создавалось ситуации «одна винтовка на троих».

В общем, все наказания переданы ответственным по направлениям, и ответ на каждый будет прислан письменно в нашу партийную организацию.

— Какие у вас сейчас планы? Чем занимаетесь в первичной?

— Разумеется, много езжу по подразделениям гарнизона, встречаюсь с людьми. Но мои первоочередные дела — непосредственно в своей организации. Для себя, для первичной считаю самым главным сделать упор на воспитание коммунистов, поднять авторитет каждого партийца, а отсюда и авторитет всей организации. Побудить их в полной мере выполнять требования Устава КПСС. Ведь этот документ — действительно средоточие мудрости коллективного разума партии. Только он длительное время редко открывался. Нам, партийным активистам, надо не подменять других должностных лиц, а, воспитывая коммунистов, воздействовать через них на коллектив. То есть заниматься чисто партийной работой.

— Какие основные проблемы стоят сейчас перед вашей парторганизацией? Как решаете их, вооруженные идеями и подходами конференции?

— Проблем много. Чего ни коснись — они кругом. Первое: добиться полной гласности в работе партийной организации. Чтобы вовлечь в нее не только актив, но весь коллектив. Она присутствовала, однако была усеченной, ущербной. Надо решительно избавиться от келейности, изжить кабинетный стиль: время не терпит этого. Добиться, чтобы деятельность организации отвечала интересам военнослужащих, а они жили бы ее интересами. И чтобы каждый коммунист относился к коллегам по-партийному, товарищески. Если обращается коммунист к коммунисту, то чтобы разговор этот был общением единомышленников и не переходил в рамки командно-административного стиля. Нелегко, понимаю, добиться этого, нужно многое менять в корне, переламаывать устоявшуюся психологию, привычки, традиции. И примером такого подхода послужила конференция.

И еще — мы не должны уходить в мелочи. Вопрос стоит наиважнейший: сумеем ли мы сохранить советскую организацию общества и при однопартийной системе обеспечить демократизацию общественной жизни? Да или нет? Если да, то как? И начало его разрешения в том, чтобы при сохранении социалистических принципов и устоев, при руководящей роли партии на деле обеспечить широчайшие возможности для демократизации, для социалистического плюрализма. Его развитие считаю и своей задачей.

Капитан А. НОВОСЕЛОВ.

УВВ по Уралу.

Офицеры — коммунисты, которых вы видите на этих снимках, служат в разных частях. Разнятся у них партийный стаж и должности. Но взгляните повнимательнее в их лица. Это лица людей, увлеченных своим делом, хорошо знающих, что требует от них нынешнее непростое время.

■ Для каждого найдет теплое слово, отеческий совет ответственный секретарь парткомиссии при политотделе соединения полковник А. Иванов.

■ Старший лейтенант Д. Житков — заместитель секретаря парторганизации подразделения. В части о нем отзываются как о грамотном специалисте связи, рационализаторе: дюжина его предложений успешно внедрена в практику.

■ Лейтенант И. Опар вывел свой взвод в отличные.

ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНОВНОСТИ

● «...Осужденный оклеветал меня, что якобы я вывел его из колонии за 1000 рублей... Здесь кто-то замешан из больших чинов, и потому все боятся...»

● Осужденный Коган за свои кровные... отделал хлебозерку ИТУ кафелем...

● Если бы в тот день, когда взяли Юсупова, его отдали оперативникам колонии, а не окружили полковниками — мы бы узнали правду. Не исключено, что с версией ему помогли.

● Основную борьбу приходится вести не с осужденными, а с людьми в погонах... Нет ни одного контролера, который не вступал бы в связи с осужденными.

● Каждый отказ Юсупжанова клеветать на прапорщика заканчивался водворением непокорного в штрафной изолятор.

БЕЗ СУДА И СЛЕДСТВИЯ

Сначала факты. Осужденного Юсупова хватились спустя несколько дней после побега. Задержали его работники милиции, совершенно случайно, даже не ведая, что за птица у них в руках. «Вернувшись» к месту восьмилетней прописки, Юсупов, немного поразмыслив, заявил, что отпустил его прапорщик Каримов за 1000 рублей.

Факты все. В ход пошли версии, догадки, предположения, показания. Полнейший плюрализм мнений, притом настолько полярных, что нелегко привести их к общему знаменателю. А нет единства — нет и истины. Ее, истину, проще провозгласить, чем доказать.

«...Осужденный оклеветал меня, что якобы я вывел его из колонии за 1000 рублей. Меня содержали на гауптвахте... Я перенес тиф. Был реабилитирован на основании протеста прокурора гарнизона (стилистика письма сохранена. — А. У.). Но хочу знать, кто же все-таки защитит контролеров... от клеветы со стороны осужденных? Способ побега Юсупова ему придумали... Его кругом опекают представители ИТУ... Предполагаю, что здесь кто-то замешан из больших чинов, и потому все боятся. Им легче посадить прапорщика, чем доказать, как мог Юсупов оказаться за пределами колонии... Я хочу знать, где справедливость? Если каждый осужденный будет говорить против контролеров все, что захочет, и ему будут верить, что же тогда будет?»

Нельзя было не откликнуться на этот зов прапорщика Баходира Каримова. Но откликнуться — еще не значит помочь. Помочь труднее.

Осужденный Юсупов: С Баходиром были братские отношения. Как-то играл, выиграл 7 тысяч. Каримов поймал, забрал семерку козырь, акт составил, тудыма-сюдума. Я двадцать дал — он акт порвал. После приклеился ко мне: дай десять, дай тридцать. Я пошутил: погода — ништяк, пешком бы в Коканд ушел. Зачем пешком, спрашивает, можно на машине. Вижу — серьезный. Ударил по рукам: если за десять дней в зоне хватятся — грузу на тебя, говорю. Если сам запахло — под пули пойду, не выдам. Договор дорожке денег, он не отмазал меня...

Я не хотел уходить в машине. Думал, штырем ткнут, тудыма-сюдума, у меня не две головы. Он уговорил. Ушел пятого... Вот говорят: нагнали меня на Каримова. Я мужчина — видишь, в брюках стою. Я честный человек. Играл? Да, но не один хавал, всем отстегивал, на общак давал, иначе бы в изоляторе сидел. Каримова командиры партийными билетами прикрывают. Но в чем я виноват? Мне дверь открыли — я ушел...

Две позиции, позиции главных участников инцидента — контролера Каримова и осужденного Юсупова. Да, монолог последнего, пересыпанный малоинтеллигентной «феней», подкрепленный своеобразной мимикой и выразительными жестами, был гладким, обкатанным, правдоподобным. И хотя правдоподобность и правда — понятия суть не равновеликие, поверили ему, известному кокандскому вору-картежнику, которому грозит четвертая судимость. Поверили многие. Более того, от его «исповеди» оттолкнулись, взяв ее за исходную точку.

А вот прапорщика Б. Каримова и слушать не стали, решив для начала наказать, а уж затем разобратся. Не прошло и часа, как его под конвоем сослуживцев-контролеров юркий «уазик» мчал к гауптвахте, где и провел он десять томительных суток, подорвав не только здоровье, но и веру в справедливость.

Майор Д. Михуткин, командир роты: Каримов — честный человек, вырос на моих глазах до заместителя командира взвода. «Отрицаловка» ненавидела его за неподкупность, принципиальность.

Подполковник внутренней службы Ю. Шулъга, заместитель начальника ИТК: Каримов мог взять деньги, он большой любитель до них. Мы как-то уже пытались его «спалить» (в смысле «разоблачить»? — А. У.). Чудом выкрутился.

Полковник внутренней службы В. Борисенко, заместитель начальника УИД: Каримов до сих пор в лицо не видел, но знаю — взяточник он и предатель. Из-за таких, как Каримов, мы не можем навести порядка. Его расстрелять мало. Я за свои слова отвечаю.

Из служебной характеристики на Б. А. Каримова: «К исполнению обязанностей относится добросовестно. Морально устойчив, к осужденным требователен».

Остается добавить, что в войска на контролерскую службу Баходир направлен по комсомольской путевке. Сын фронтовика, коммуниста. Заметьте, как разнятся мнения офицеров войск и сотрудников администрации. Но об этом позднее.

Чем же вызвана была столь ошеломляющая поспешность в изоляции прапорщика? Его социально опасной активностью? Тотальной верой в непогрешимость, искренность показаний преступника-рецидивиста? А может быть, горьким опытом? Свеж еще в памяти военнослужащих подразделение печальный пример с полным набором соответствующей негативной атрибутики и закономерным развитием сюжета: связь — взятка — отпуск из-под охраны.

Майор В. Коломийцев, назначенный тогда дознавателем, вспоминает, что прапорщик Ким, сержанты Майер и Селга, рядовые Дуреманов и Иванов способствовали неоднократным уходам осужденного

Когана за пределы объекта. Все они справедливо наказаны, приговорены к различным срокам лишения свободы. Администрация отделалась легким испугом и формальными оргмерами.

Коломийцева до сих пор удивляет то обстоятельство, что никто в ИТК не хватился отсутствующего Когана. Как будто его там и не должно было быть. Спрашивается, одни ли военнослужащие вершили темные дела, и так ли уж невинны в этой истории сотрудники администрации? Тем более, что Коган был хлебозером: должность заметная. Как ни странно, тревогу объявили работники бухгалтерии — «горела» отчетность, а данных по приходу-расходу хлеба не было. Другая «странность» — было отказано в возбуждении уголовного дела в отношении Когана; его даже в «склонники» не зачислили, напротив, перевели на УДО (условно досрочное освобождение). Почему? Чем вызвана неожиданная лояльность к преступнику? Главная причина, по мнению майора В. Коломийцева, — помощь влиятельных родственников: отец Когана работал управляющим трестом ресторанов столицы республики, мачеха — заместителем прокурора одного из районов города...

И еще одна неясность: зачем выходил Коган из колонии? Вопрос не праздный, он помогает разобратся, не замечали в ИТК отсутствия Когана (и Юсупова, ведь и его не было около недели) или не хотели замечать. Так зачем? Женщина? Нет, дознаватель выяснил, что медсестра, работавшая в колонии, скажем так, была к Когану неравнодушна. Продукты питания? Опять же нет. Коломийцев доказал, что сотрудник ИТК поставлял Когану все самое изысканное вплоть до икры и коньяка из лучших ресторанов города. Деньги? Да, Коломийцев считает, что именно они открывали дорогу Когану на волю и делали его невидимкой в колонии. К сожалению, это лишь мнение, ничем не подкрепленное. Кто ж сознается? А вот то, что осужденный Коган за свои кровные (чуть не сказал — заработанные) отделал хлебобрезку ИТУ кафелем — факт, установленный Коломийцевым доподлинно. Итак, цель побега — деньги.

Закономерен вопрос: какая связь между «командировками» Когана и «краткосрочным отпуском» Юсупова? Во внешней схожести сценариев, обилии невыясненных (и невыясняемых) обстоятельств и, как думают многие, безнаказанности лиц, оставшихся в тени. Не их ли имел в виду прапорщик Каримов, предполагая, «что здесь кто-то замешан из больших чинов»? Впрочем, и это тоже предположение, его, как говорят юристы, к делу не пришьешь. А все-таки не торной ли тропкой, проложенной Коганом, ушел Юсупов?

Выходит, Каримова арестовали, памятуя о взяточнике Киме, основываясь на том, что все они, контролеры, одним миром мазаны и подходить к ним следует исходя из дикой презумпции виновности(!). Забыв, что ложные обвинения не менее опасны, чем незаконные приговоры.

УРАВНЕНИЕ С ТРЕМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ

Первым, кто подал голос в защиту прапорщика Б. Каримова, был командир роты. Правда, был его, вспоминает офицер, несколько остудил начальник вышестоящего штаба полковник М. Салютин, предупредив, чтобы тот не лез не в свое дело, иначе пожалеез. Как же не мое, взвился майор Д. Михуткин, я как командир, как коммунист отвечаю за подчиненного. Ему указали... Кстати, Михаил Петрович Салютин этого разговора не помнит, как, впрочем, и многого другого, о чем не могут забыть вольные и подневольные свидетели его бестактности. Бывает...

Уже вскоре стало ясно: мало что в показаниях осужденного Юсупова соответствует истине. Он утверждает, что ушел пятого числа. Это опровергают объяснительные, взятые в ходе дознания майором С. Кузьменко. Прапорщик Ю. Олейник, начальник войскового наряда, и контролер младший сержант сверхсрочной службы Н. Сафонов видели Юсупова в ИТК седьмого числа. В это же время Юсупов попался на глаза и начальнику отряда капитану внутренней службы Х. Тураеву (уволен после побега официально за халатность, неофициально — за строптивость). Около десятка осужденных, часть из которых переведена в другие колонии (причем «не по умыслу, а по плану», как выразился подполковник внутренней службы Ю. Шульга), свидетельствуют, что встречались с Юсуповым неоднократно вплоть до десятого включительно. В том числе и осужденный В. Корсаков, который спал на втором ярусе кровати над Юсуповым. Так значит, побег был не пятого? Юрий Павлович Шульга убежден: все показания, что Юсупова видели в ИТК после пятого, — попытки обелить роту. И так, когда сбежал осужденный, достоверно не выяснено и поныне. И это первое неизвестное.

Теперь о роли, точнее, о доле, которая выпала прапорщику Каримову. Осужденный утверждает (и работники УИД, СИЗО и ИТК верят ему почти безоговорочно), что «во время погрузки готовой продукции на машину Юсупов спрятался в кузове с помощью прапорщика Каримова». Это выдержка из заключения, утвержденного министром внутренних дел УзССР и начальником УВВ по Средней Азии и Казахстану.

Материалы дознания говорят об обратном. Контролер прапорщик В. Карташов, дрессировщик служебной собаки ефрейтор А. Саттаров, часовой КПП рядовой М. Лунин и осужденный С. Баратов, грузивший автомобили, пятого числа Каримова у машин не видели. Весь войсковой наряд письменно подтверждает, что в предполагаемое время побега Каримов и близко не подходил к объекту, с которого ушел Юсупов.

Полковник внутренней службы В. Борисенко и некоторые другие сотрудники ад-

министрации не склонны верить этим показаниям. Но независимо от их «верю—не верю» показания есть, и люди, давшие их, несут за свои слова полную ответственность. А «во?» доказательства того, что Каримов помогал Юсупову спрятаться в машине, — нет. Начальник оперативной части ИТК старший лейтенант внутренней службы А. Шодиев кроме того поделился следующим соображением: не было еще такого, чтобы осужденный тут же «загружал» человека, который ему помог уйти. Значит, Юсупов имел на прапорщика «зуб». Вот они — «братские» отношения. Это второе.

И третье неизвестное в уравнении—способ побега. Помощник военного прокурора гарнизона капитан юстиции Г. Шустер утверждает, что подготовка к следственному эксперименту была проведена с нарушением правил: осужденному заранее позволили сориентироваться в обстановке. Юристу виднее... Но и он не понимает, как это вдруг споткнулись на ровном месте столь многоопытные сотрудники?

Далее: Юсупов заявил, что спрятался в кузове под металлоотходами. Ему предложили продемонстрировать это, создали аналогичные условия и... он категорически отказался (шутка ли, несколько тонн металла сверху!). Следующая версия—спрятался под сеткой-рабицей, производимой в ИТК. Провели следственный эксперимент. Заключение обтекаемо трактует, что подобным способом в принципе уйти можно, но «показания сотрудников ИТК, контролеров и осужденных о дате и способе совершения побега не дают оснований считать, что побег был совершен этим способом». Вывод из материалов дознания, подкрепленных подписью помощника военного прокурора, короче и определеннее: Юсупов не мог совершить побег пятого числа указанным способом.

Не удивительно, что за отсутствием состава преступления прапорщик Каримов был оправдан. Отсидев на гауптвахте.

И еще одна мысль, высказанная старшим лейтенантом внутренней службы А. Шодиевым: если бы в тот день, когда взяли Юсупова, его отдали оперативникам колонии, а не окружили полковниками, мы бы узнали правду. Не исключено, что с версией ему помогли. И не совсем удачно.

Обратите внимание: это мнение представителя администрации ИТК о действиях своего же руководства. Комментарии, думается, излишни. И пока способ побега Юсупова неизвестен — дорога с объекта на волю проторена. И где гарантии, что завтра по ней еще кто-нибудь не пройдет?

ВРАЖДА

Что такое взятка без свидетелей—объяснять не нужно. «Тудыма-сюдыма», как говорит Юсупов, и тишина. Следователи относят это преступление к разряду не имеющих судебной перспективы.

Очень беспокоит другое: взаимоотношения роты и ИТК, военнослужащих и администрации, действия сотрудников колонии в этой запутанной истории, их активная и не совсем честная борьба за честь мундира.

Подполковник внутренней службы Ю. Шульга весьма категорично заявил, что во всем виновато только подразделение. А их вина незначительна, они все-навсего неделю(!) не знали об отсутствии осужденного. Он не исключает напроць возможности того, что без участия сотрудников не обошлось. Но партию первой скрипки, безусловно, исполняли контролеры. Да и вообще Юрий Павлович особого доверия к ним не питает. Признается, что основную борьбу приходится вести не с осужденными, а с людьми в погонах. И заместитель начальника УИД полковник внутренней службы В. Борисенко высказывает примерно те же мысли, но в более резкой форме. Он считает: у начальника ИТК столько дел и подчиненных, что за осужденных он не отвечает. Виновники случившегося — контролеры, это однозначно. Явно перегнув палку, Вячеслав Николаевич, видимо, горяча заявил, что нет ни одного контролера, который не вступал бы в связи с осужденными. А в том, что Каримов стал на 1000 рублей богаче, — убежден.

Конечно, вина контролеров в побеге Юсупова налицо, никто и не оспаривает ее. В наказанных недостатка нет, досталось всем. Нескольких начальников войсковых нарядов тут же, под горячую руку уволили. Виноваты? Да, но в разной степени. А их всех под одну гребенку. Дабы другим неповадно было.

Справедливости ради следует сказать: часть в долгу перед администрацией не остается, противопоставляя данным — контрданные, мнениям — контрмнения, исписывая ворохи бумаг.

Подполковник Л. Никитенко, командир части: Мы виноваты, но Юсупов ушел не без помощи администрации. Почему она так заинтересована в том, чтобы обвинить прапорщика? Почему в книге содержания осужденных в штрафном изоляторе и в других учетах появились исправления во вред контролерам?

Справка: исправления эти обнаружены помощником военного прокурора и дознавателем части.

Действительно, к чему заниматься подчистками и очковирательством, если совесть чиста? Да, в пассивности сотрудников администрации не упрекнешь. Как только Юсупов показал на прапорщика, они начали разрабатывать эту версию, причем весьма оригинально. Бывший капитан внутренней службы Х. Тураев, чье мнение об обстоятельствах побега разошлось с мнением руководящего состава (это стоило Тураеву работы), вспоминает, что начальник колонии майор внутренней службы Э. Икрамов неоднократно вызывал для бесед осужденного А. Юсупжанова. Требовал от него материалов, поро-

чащих Каримова. Каждый отказ Юсупжанова клеветать на прапорщика заканчивался водворением непокорного в штрафной изолятор. Хотелось бы знать, с какой целью начальник ИТК пытался организовать эту провокацию? Выходит, кому-то (интересно, кому?) выгодно свалить всю вину за побег на роту.

Частный случай? А вот прапорщик Н. Жураев и некоторые его товарищи сетуют на то, что между контролерами и сотрудниками ИТК идет давняя и неприкрытая вражда. В чем это выражается? Не только в том, что военнослужащих отдают в квартиры. Тот же Жураев, отец пятерых детей, без малого двадцать лет ждет заветного ключа и не уверен, что дождется. Он делится наболевшим: «Контролеру руку сломал осужденный — виноват контролер. На контролера с ломом бросился осужденный — опять виноват контролер. Где защиты искать? Точно знаю: кто больше из администрации против контролеров скажет — возвышается, а кто совместно с контролерами работает — того давят или выгоняют, как Тураева». О каком уж тут взаимодействии вести речь, если каждый, как говорят, тянет одеяло на свою сторону.

Не союзники они, рота и ИТК, а соперники. И побег Юсупова обнажил застарелые конфликты, обострил их до нетерпимости. Даже то, что за отправную точку были взяты слова беглеца, — о многом говорит. Именно его версия положена в основу и приказа министра внутренних дел УзССР о наказании виновных, и совместного с региональным УВВ заключения по факту побега. Там так и сказано: со слов осужденного стало известно... Юсупов показал... Конечно, от сказанного осужденным отмахиваться не стоит только потому, что слова эти человека с несколькими судимостями. Надлежит проверять, уточнять, выяснять. Но ведь были и другие показания, в частности, категоричный отказ прапорщика Каримова от предъявленного обвинения, его уверения в абсурдности заявления Юсупова. Почему их никто не принял во внимание при подготовке приказов, заключений и докладных? Тем более, что были поводы усомниться в искренности осужденного и правомерности действий администрации. Поводы откровенно детективного толка.

Прапорщик Каримов вспоминает, что когда он попытался доказать, насколько требовательным было его отношение к Юсупову, выяснилось: акты по фактам изъятия запрещенных предметов исчезли. Не осталось следов и от книги регистрации этих актов, и от книги выхода автотранспорта с КПП, как только они потребовались дознавателю и командиру роты. Опять случайность?

Политработник подполковник В. Волокитин (переведен на другую должность) с горечью признает: взаимопонимания в решении общих задач нет. И подкрепляет свои слова характерным фактом: не так давно майор внутренней службы Э. Икрамов сообщил в УИД о том, что только за полгода контролеры около двадцати раз вступили в запрещенные связи с осужденными. Понятно недоумение

командования полка: на каком основании выдана непроверенная информация? Почему их оставили в слепом неведении? Есть ли у администрации доказательства противоправных действий контролеров? Оказалось, нет. Тогда зачем нужна буря в стакане воды? Видимо, чтобы показать, а вернее, обозначить свою работу. Мол, не сидим без дела, выявляем, анализируем, а то, что нет доказательств, не беда: повезет — появятся со временем, а на нет и суда нет. Не проливают ли подобные методы работы свет на то, как быстро прапорщика зачислили во взятчики?

За время, пока раскручивается подоплека побега Юсупова, дело обросло слухами, как тополя пухом. И подобно пуху они, эти слухи, вездесущи, прилипчивы. Администрация ИТК и представители УИД верят им, часть и подразделение, напротив, отмахиваются как от пустопорожных вымыслов. К примеру, утверждает, прежде всего самим Юсуповым, что на очной ставке прапорщик Каримов по-узбекски уговаривал не выдавать его. Маловероятно, ибо здесь же присутствовал капитан внутренней службы К. Узакон, представитель администрации ИТК. Сказал бы при нем Каримов те слова, что приписывают ему с подачи шулера-картежника — значит, подписал бы себе приговор.

Другой пример: прапорщик Каримов уверяет, что полковник М. Салютин во всеуслышание, сразу же после «исповеди» осужденного назвал его, Каримова, предателем. Круто. Михуткин добавляет: да, начальник штаба тут же по телефону доложил, что Каримов отпустил осужденного за тысячу. И Михаил Петрович Салютин признается: возможно, был излишне эмоционален, позднее извинился перед всеми, но предателем и взяточником никого не называл, ничего лишнего себе не позволил. За что же извинялся?

Да и с самим арестом далеко не все ясно: посадили-то за что, неужели только по подозрению, не имея ни малейших доказательств вины? Именно так. Конечно, потом были и извинения, и перевод Каримова в другое подразделение, но оправдывает ли запоздалое раскаяние командования его необоснованную, жесткую поспешность. Что же будет, если подобные превентивные меры станут практиковать широко?! Чуть пала тень подозрения на человека — за решетку его. Разобрались — невиновен, не беда, сказал короткое: «Прости, погорячились», — и совесть чиста. Так, что ли?

Прапорщик Б. Каримов спрашивает в письме, есть ли какие-либо гарантии правовой защищенности контролеров? Опасается, что завтра по наговору осужденных мы всех военнослужащих пересажаем. Уголовным кодексом предусмотрена статья за клевету, но, как сказал Юрий Павлович Шульга: «Вы когда-нибудь слышали, чтобы судили за клевету?»

Выходит, беззащитен наш контролер перед оговорами? Ткнет в него пальцем осужденный: брал, и командир, борясь за чистоту рядов, возбуждает уголовное

дело. А после реабилитации «за отсутствием состава преступления» — командир в стороне. Не его же оскорбили и унизили, а прапорщика. Пусть он сам и очищает с себя ошметки грязи, пусть доказывает, кому хочет, что ошибка вышла. Справедливо? Нет, справедливо было бы, если бы командир тоже принял участие в судьбе оклеветанного подчиненного и помог ему восстановить доброе имя. Чем не гарантия защищенности? А слово коллектива? А доверие к людям в сочетании с полным контролем? И конечно же, тесные, поистине деловые отношения в звене «рота — ИТК»: делить нам нечего.

Мало кто из тех, с кем встречался в этой командировке, удержался от вкрадчиво-предупреждающего: «А вот об этом лучше не писать». Те, кто погибче, дружески советовали: «Не торопись с выводами, сам понимаешь — Восток. Тут у нас в песках свои законы. Ясно?»

Было неясно. Соглашался, что пески, еще куда ни шло, могут быть свои, особые, но законы (помните у В. И. Ленина: «Законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая...») от географии не зависят. И тогда информация скудела, как арык под безжалостно палящим солнцем, сменялась прозрачными намеками, туманными и уклончивыми отговорками: «Что бы вы ни написали, я от всего откажусь». Дескать, гласность гласностью, но если слово — серебро, то молчание — золото. А серебро в этих краях не в цене.

В обществе так долго культивировалась правовая беззащитность, несвойственная природе социализма, что было бы удивительно, если бы процессы эти миновали войска. Нашли-таки кое-где благодатную почву и дали неплохие всходы. Да такие, что и сейчас, когда вроде бы можно все, что не запрещено законом, и вспомнили наконец, что у закона есть не только меч, но и щит, мы еще пожинаем горькие плоды.

Возможно, кое-кто втайне и тоскует по тем временам, когда по ложному навету человека увозили в черном «воронке» выколачивать нужные признания. Так и подмывает напомнить всем тоскующим: взгляните на календарь, ныне — год 1988-й, в стране — перестройка. И если кто-то по-прежнему верит, что в песках могут быть свои законы, — уходите. Уходите, если не считаетесь с тем, что необходимо, как сказал в докладе на XIX Всесоюзной партийной конференции Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, «обеспечить строжайшее соблюдение таких демократических начал судопроизводства, как... исключение всякой предвзятости, обвинительского уклона, неукоснительное проведение в жизнь принципа презумпции невиновности». Обратите внимание — невиновности! И далее о советских людях: «Их права должны быть надежно защищены от любого произвола власти и ее представителей».

«Что бы вы ни написали, я от всего откажусь...». Отказывайтесь.

Майор А. УШАР.

УВВ по Средней Азии и Казахстану.

РЕШИТЕЛЬНО, НО В РАМКАХ ЗАКОНА

КОММЕНТАРИИ К УКАЗУ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР «ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ И ПРАВАХ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР ПРИ ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА»

В СООТВЕТСТВИИ с решениями XXVII съезда КПСС и XIX Всесоюзной конференции КПСС в нашей стране последовательно осуществляется широкая правовая реформа, призванная обеспечить верховенство закона во всех сферах жизни общества и усилить механизм поддержания социалистического правопорядка. Существенным вкладом в решение названной проблемы и составной частью проводимой правовой реформы явилось обнародование, а затем и утверждение Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка».

В новом законодательном акте высшего органа власти на личный состав внутренних войск МВД СССР возложены задачи оберегать интересы Советского государства, быть готовыми к защите социалистического Отечества.

Определены также функции внутренних войск. На них возлагается охрана государственных объектов, специальных грузов, исправительно-трудовых колоний, воспитательно-трудовых профилакториев и другие обязанности, вытекающие из решаемых ими задач. Наряду с этим они призваны оказывать содействие органам внутренних дел в охране общественного порядка.

К основным обязанностям внутренних войск МВД СССР при осуществлении охраны общественного порядка отнесено несение патрульно-постовой службы в городах силами специальных моторизованных частей милиции, а при необходимости и частей оперативного назначения. Внутренним войскам предписано участвовать в обеспечении общественного порядка при проведении массовых общественно-политических, спортивных и иных мероприятий, карантинных мероприятий при возникновении эпидемий и эпизоотий в каких-либо регионах страны, а также при пожарах и стихийных бедствиях.

На личный состав внутренних войск возложено участие в пресечении нарушений общественного порядка, носящих массовый характер, представляющих угрозу жизни и здоровью граждан, дезорганизующих работу предприятий, организаций и учреждений, либо направленных на разрушение и уничтожение государственного, общественного и личного имущества. В случае возникновения беспорядков среди осужденных, отбывающих уголовное наказание в исправительно-трудовых учреждениях, а также групповых неповиновений указанных лиц подразделения внутренних войск обязаны принимать активные меры по их пресечению.

Первостепенное внимание необходимо уделить правовой защите личности, упрочить гарантии осуществления политических, экономических, социальных прав и свобод советских людей. Одновременно следует повысить ответственность каждого гражданина перед своим трудовым коллективом, государством и обществом в целом.

Из резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС «О правовой реформе».

В Указе подчеркнуто, что привлечение внутренних войск к выполнению перечисленных выше обязанностей осуществляется по решениям Министра внутренних дел СССР, а в особых случаях — по согласованию с Советом Министров СССР. При этом сохраняется их независимость от местных органов власти и управления, переход в подчинение к которым не допускается.

Для выполнения обязанностей по охране общественного порядка военнослужащие внутренних войск наделены специальными полномочиями.

Они могут проверять паспорта и другие удостоверяющие личность документы у подозреваемых в совершении преступлений лиц, доставлять в милицию граждан, совершивших административные правонарушения, в целях пресечения других нарушений, когда исчерпаны иные меры воздействия, либо для установления личности нарушителей.

Представители внутренних войск вправе входить в жилые помещения и помещения предприятий и учреждений при преследовании подозреваемых в совершении преступлений, а также для пресечения преступлений или нарушений, угрожающих общественному порядку, личной безопасности граждан. Им предоставлено право в неотложных случаях пользоваться бесплатно средствами связи предприятий, учреждений и организаций, их средствами передвижения для преследования преступников.

Представители внутренних войск не должны выходить за пределы перечисленных выше действий. Это означает, что такие меры, как задержание граждан, личный досмотр, досмотр вещей, изъятие вещей и документов, являющихся орудием или непосредственным объектом правонарушения, к их компетенции не относятся. Составления представителями внутренних войск специального протокола о доставке правонарушителей в милицию и применении других мер, на которые управомочены внутренние войска, не требуется.

Данное ограничение не распространяется на военнослужащих, злостно нарушающих общественный порядок. При отсутствии военных патрулей представители внутренних войск вправе их задерживать и передавать военным комендантам или командирам воинских частей.

Важное значение имеет законодательное закрепление способов действий внутренних войск при выполнении возложенных на них обязанностей. Предусмотрено, что в исключительных случаях для прекращения буйства и беспорядков задержанных правонарушителей, их бесчинств, а также при задержании и конвоировании преступников могут применяться наручники и другие меры для обеспе-

532
533

чения надлежащего поведения перечисленных лиц и предупреждения побегов. Имеются в виду экстремальные ситуации, когда необходимо быстрое и эффективное средство восстановления порядка и общественной безопасности.

В целях пресечения массовых беспорядков, групповых нарушений общественного порядка и иных антиобщественных действий представители внутренних войск в исключительных случаях вправе применять к правонарушителям специальные средства, которыми они обеспечиваются в установленном порядке (их перечень определяется МВД СССР по согласованию с Министерством юстиции СССР). При этом они используются в строгом соответствии с установленными правилами. Тем самым внутренние войска наделяются дополнительными полномочиями применять меры физического воздействия в отношении хулиганствующих либо экстремистских элементов, грубо нарушающих общественный порядок, не повинующихся законным требованиям представителей государственной власти.

Необходимость в предоставлении указанного права со всей очевидностью проявилась во время известных событий в Сумгаите и Ереване, когда нерешительность сил, привлеченных к охране общественного порядка, и отсутствие у войск полномочий по применению наиболее эффективных мер вывели ситуацию из-под контроля. В такой обстановке были спровоцированы массовые беспорядки, повлекшие серьезные последствия.

Следует иметь в виду, что действия, предпринимаемые в целях защиты интересов государства, общества и личности советского гражданина от противоправных посятельств путем причинения правонарушителю вреда, соразмерного со степенью опасности такого посяательства, признаются Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик правомерными. Это означает полное соответствие законодательных мер по применению активных и эффективных способов воздействия к злостным правонарушителям решению актуальных задач всемерного укрепления дисциплины и правопорядка в государстве и обществе.

С этих же позиций нужно рассматривать наделение личного состава внутренних войск правом применения оружия в качестве крайней меры при выполнении обязанностей и своего служебного долга по охране общественного порядка. В Указе записано, что личный состав внутренних войск может быть вооружен. Право применения оружия предоставляется представителям внутренних войск при защите граждан от нападения, угрожающего их жизни или здоровью, если иными способами и средствами такая защита невозможна.

Оружие может применяться для от-

ражения нападения на особо режимные и другие важные объекты, а также для отражения нападения вооруженных лиц на охраняемые объекты. Порядок применения оружия при нападениях на охраняемые объекты определен Уставом гарнизонной и караульной служб. Вместе с тем, поскольку применение оружия допускается по общему правилу при нападении на объекты, отнесенные к категориям особо режимных и важных, то эта категория должна быть указана в соответствующих инструкциях караулам по организации их охраны. Категория объекта, степень его важности определяется и устанавливается командованием внутренних войск. Соблюдение указанных требований позволит четко определить порядок применения оружия, исходя из категории важности каждого охраняемого личным составом внутренних войск объекта и исключить возможные инциденты, связанные с неправомерным применением оружия.

В качестве самостоятельного условия, допускающего применение оружия, предусмотрены случаи отражения нападения на работников милиции, народных дружинников и военнослужащих, когда их жизнь подвергается непосредственной опасности. Причем речь идет об обеспечении безопасности как представителей внутренних войск, так всех других военнослужащих, специально привлеченных для охраны общественного порядка, если они подверглись нападению, угрожающему их жизни. Тем самым законодательно закрепляется правовая защита жизни и здоровья личного состава Вооруженных Сил от преступных посягательств вплоть до применения оружия. Прежде такая мера допускалась лишь при нападении на работников милиции и народных дружинников.

Особо следует выделить предоставление личному составу внутренних войск права применять оружие для задержания лица, совершившего преступление, оказывающего вооруженное сопротивление либо застигнутого при совершении особо опасного преступления, когда другими способами и средствами задержать этих лиц невозможно.

На практике может возникнуть вопрос: в связи с совершением каких преступлений допустимо применять оружие при задержании? Критерием, очевидно, может служить степень соответствия причиненного задержанному вреда характеру общественной опасности преступления и опасности оказываемого при задержании сопротивления. Значение могут иметь и другие обстоятельства. Скажем, один из соучастников хулиганских действий, не попадающих под категорию злостных и не связанных с сопротивлением представителям власти, личности которого известна, при задержании его сообщников пытается скрыться. Вряд ли в подобных случаях следует применять

оружие. С другой стороны, при совершении преступлений, отнесенных законодательством к тяжким или особо тяжким, применение оружия в отношении оказывающего сопротивление либо пытающегося скрыться опасного преступника является правомерным и оправданным.

Всякому применению оружия должно предшествовать предупреждение об этом правонарушителя окриком и предупредительным выстрелом. Лишь при невыполнении им требований военнослужащего внутренних войск и продолжении нарушителем неправомерных действий в отношении него применяется оружие.

О каждом случае применения оружия оформляется соответствующий протокол и немедленно сообщается прокурору.

Законом специально оговорено, что запрещается применять оружие на многолюдных улицах, площадях, в общественных местах, когда от этого могут пострадать посторонние лица; в отношении женщин и несовершеннолетних, за исключением случаев вооруженного нападения с их стороны; в отношении граждан, имеющих при себе несовершеннолетних детей.

Конституция СССР наделяет граждан нашей страны широкими демократическими правами и свободами. Однако их использование должно осуществляться в рамках закона и не наносить ущерба интересам общества, государства, правам и интересам других граждан. Добросовестное исполнение обязанностей по соблюдению общественного порядка, требований советских законов, норм нашей морали и нравственности, выполнение основанных на законах предписаний органов государственной власти устраняет необходимость применять какие-либо меры принуждения. Однако поскольку в обществе еще встречаются отдельные элементы, пренебрегающие требованиями социалистической законности, совершающие правонарушения и антиобщественные поступки, государство должно располагать надежным механизмом пресечения любого противоправного поведения. Этим целям и служит законодательный акт высшего органа государственной власти — Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка».

Твердое знание всеми военнослужащими внутренних войск своих обязанностей по охране общественного порядка и предоставленных им законом прав будет способствовать повышению их личной ответственности и организованности при выполнении поставленных задач по пресечению и предупреждению противоправных действий.

Полковник юстиции В. БОБРЕНЕВ,

СЛУЖЕБНО-БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

■ КОМАНДИР О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ОБСЛУГЕ ■ ЗАКВАНКАЗЬЕ:
ВРЕМЯ ТРЕВОГ И НАДЕЖД ■ КОНТРОЛЬ, АНАЛИЗ, РЕШЕНИЕ
■ КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК — НА ВИДУ

ПОДТЯНУТЬ ТЫЛЫ

ПРОВОЗГЛАСИВ лозунг: «Боевая служба — наша главная задача!», мы как-то незаметно и постепенно перестали во всей остроте видеть другие, отнюдь не второстепенные задачи. До сих пор ведем «активную» борьбу за выполнение программ боевой подготовки, например, пытаясь, часто безуспешно, обеспечить полное участие в ней личного состава. Бесконечные плановые и незапланированные хозяйственные работы создают острый дефицит времени и людей, а все это, вместе взятое, негативно влияет на качество выполнения задач боевой службы. При этом главной причиной многих, если не всех, недостатков, с которыми встречаешься в подразделениях, офицеры выставляют нехватку людей. Любой командир роты, батальона, да и части на предложение поправить что-то в боевой службе, обучении или быте тут же задаст встречный вопрос: где взять дополнительные силы? Как же случилось, что личного состава в подразделениях осталось ровно столько, сколько необходимо на обеспечение охраны объектов, и ощутимо не хватает на жизнеобеспечение подразделений? И правилен ли лежащий на поверхности вывод — увеличивать, а не сокращать штат, добавлять людей?

Попробуем разобраться во всем основательней, как говорится, с карандашом в руке.

Не секрет, что в недалеком еще время разговоры о штатах, укомплектовании их относились к числу «закрытых», не подлежащих обсуждению вопросов. Решались они в узком кругу, зачастую без реальной оценки нужд частей и подразделений, а то и вовсе не решались. В результате чаще закрывали глаза на то, что усложняется хозяйство частей и подразделений, растет материально-техническая база, обеспечивающая выполнение служебно-боевых задач, которая без соответствующего совершенствования штатной структуры неизменно вела к перегрузкам, ста-

вила под угрозу срыва многие решения командира.

Наглядный пример: в нашей части довольствующихся в столовой в два с лишним раза больше, чем у соседей, но штат тот же. Тот же прапорщик — начальник столовой у нас вынужден делать двойную работу. Может быть, в соседней части ему просто нечего делать? Нет, работы хватает и у них, нагрузка и там немалая, однако всякому понятно, что за равную оплату эти люди делают неодинаковую работу. Но речь идет не только о социальной справедливости. Понимая, что качественно выполнять весь объем работ по должности начальника столовой просто не в состоянии, командир вынужден задействовать там дополнительные силы за счет того же отрыва личного состава от выполнения главной задачи.

Сегодня нужно признать со всей открытостью: тыл стал узким местом в службе, тормозом на пути повышения ее эффективности. Спросите командиров, и многие скажут: не хватает людей для обеспечения хозяйственной деятельности, обслуживания техники, оборудования.

Но зададимся вопросом: сколько нужно так называемой obsługi, чтобы успешно решать задачи на боевой службе? Теоретически этот вопрос не обоснован нигде, его не разрабатывают ни в училищах, ни в академиях. Хотя известно, что в некоторых армиях в боевых условиях на подразделения обслуживания приходится до половины личного состава. Чтобы солдат безукоризненно выполнил свою задачу в бою, а для внутренних войск и на боевой службе, его нужно снабдить, обеспечить всем необходимым, и на это должен работать еще такой же штат, если не больший. У нас же пока все наоборот: число личного состава, занятого обеспечением боевой службы, составляет незначительный процент от несущих службу на постах.

Давайте посмотрим на это с позиций се-

годняшнего дня, как требует время. А время требует делового, обоснованного мнения, доказательного утверждения нового и ниспровержения устаревшего. Не берусь доказывать, что все мои соображения абсолютны и единственно правильны. Но с кем поспорить, кто предложит контраргументы? Я убежден, что утвержденные много лет назад пропорции сил для непосредственного исполнения службы и ее обеспечения ныне устарели и требуют пересмотра, поправок на новые условия жизни.

Нужно учесть, что в частях совершенно другой уровень техники, механизации, энергооснащенности объектов быта и службы. Нельзя же «не замечать», что новая техника и бытовые приборы требуют не просто человека, а специалиста, что условия труда этих специалистов часто определяют потребности в двух-трех единицах там, где раньше была одна. Тот же электрик не может по правилам техники безопасности работать в одиночку, но что же заставляет командира в штатном расписании отставлять одну единицу?

Тыл требует решительно подтянуть, укрепить по-настоящему и всесторонне. Пока он первый терпит от всякого рода сокращений и перетрясок, чаще всего необоснованных волевых решений. Какие трудности и перекосы это создает, можно показать на нескольких примерах из жизни.

Скажем, в часть и из части через КТП у нас проходит в сутки до ста автомашин. Но штатного начальника КТП сократили. Выходим из положения, доверяя проверку автотехники перед выходом в рейс специалистам, имеющим свои, и немалые, должностные обязанности. Нужно ли говорить, что это не выход из положения, а полумера, приводящая к бессистемности в работе автослужбы?

Некоторое время назад в подразделениях были сокращены должности санинструкторов. Их обязанности взяли на себя фельдшер и врач. Но вот выяснилось, что снимать пробу, контролировать качество приготовления пищи в столовых они теперь не успевают.

О чем говорят эти два примера, как не о том, что порой механическое сокращение штата ставит под угрозу здоровье и безопасность личного состава, создает затруднения на жизненно важных для части участках.

В каждой части сейчас имеется тепловое хозяйство с километрами коммуникаций, тепловых и электросетей. А везде ли есть должности электрогазосварщика? Ведь отопительная система вещь капризная, каждый сезон требует подновления, а то и ремонта. Хорошо еще, если из призванных на службу попадет специалист-сварщик, а если его нет?

Усугубляет перегрузки в работе тыла, а следовательно, повышает отрыв личного состава от боевой службы положение в подсобных хозяйствах частей и подразделений.

Кажется, в войсках эта политика основывается на тех самых принципах, от которых уже отказываются в стране повсюду. Чем, как не пресловутым планирова-

нием «от достигнутого» можно объяснить, что каждый год нам увеличивают план по сдаче мяса от подсобных хозяйств? Никто не возражает, что нужно искать и находить способы для максимального увеличения производства мяса, молока, яиц и другой продукции. Но для этого должны быть обоснованы, четкие и рациональные, учитывающие все: количество личного состава и возможности кормовой базы, природно-климатические условия, в которых находятся подразделения, возможности приобретения кормов на стороне. Пока, к сожалению, все обеспечивается любой ценой за счет изворотливости командиров и работников тыла.

Сейчас мы подходим к тому, что во многих подразделениях выращивать скот на мясо становится экономически невыгодным. Приведу такой расчет: мясо мы всюду сдаем по государственной цене, а покупаем того же бычка для многих подразделений по кооперативной. Это значит — сколько ни корми, привеса едва хватает, чтобы расплатиться за молодняка, приобретенный для откорма. Если посчитать, во что обходится та же техника, арендуемая в хозяйствах на обработку угодий, кормопереработку, то становится видно, что кое-где наше подсобное хозяйство нерентабельно. И это уже не отдельные случаи, а тенденция, которую нужно видеть и вовремя принять предупредительные меры. Причем не на уровне войск. Части нужно оставить лишь вопросы согласования, утряски деятельности подсобных хозяйств с местными органами власти, на территории которых они находятся, установления хозяйственных связей с колхозами, совхозами, снабженческими организациями, без которых сейчас и в перспективе нельзя наращивать выпуск продукции.

Не говорю уже о том, что зачастую наше подсобное хозяйство тяжким грузом ложится на плечи личного состава, поскольку законных, утвержденных и согласованных с местными органами власти оснований для такого рода хозяйственной деятельности нет. Командир каждый раз вынужден сам нащупывать с ними связи.

Не решен вопрос и о том, кому доверить это подсобное хозяйство. Конечно, можно согласиться с тем, что присмотреть за двумя-тремя десятками голов свиней в роте человека найти можно, мы его и находим. Но вот начался опорос, нужно выхаживать молодняка. Какой пост на объекте командиру роты нужно снять, чтобы обеспечить постоянный уход за подсобным хозяйством?

Перечисляя все эти тыловые трудности, я отнюдь не нагнетаю обстановку и не ратую за беспредельное раздувание штата. Напротив, эти рассуждения нужны для того, чтобы стало ясно, что настало время искать и находить выход, который удовлетворял бы все потребности части, подразделений и давал их командирам возможность не ловчить и изворачиваться, а организовать выполнение всех задач на законных, приведенных в соответствие с возможностями и условиями в части основаниях.

А вывод из этих рассуждений может

534
535

быть только один: настало время всем — и командирам, и тыловым специалистам — подумать и принять комплексный план развития хозяйства части (и не только подсобного!), охватывающий все стороны ее деятельности: боевой службы и боевой подготовки, быта... Этот комплексный план хозяйственного развития должен быть утвержден для каждой части и обеспечен соответственно финансово, материально и штатно-организационно.

Сил у нас для их комплексного решения вполне достаточно. Об этом как раз и говорит то, что задачи повсеместно решаются и при сегодняшних штатах. Речь идет не об увеличении списочной численности, а о перераспределении обязанностей и штатов в соответствии с реальными нуждами частей.

Главная трудность сегодня не в том, что нет людей, а в том, что нет специалистов. Таких, скажем, как электрики и сантехники, сварщики и крановщики. В самом деле: получили мы автокран, нужен он постоянно. Но чтобы он работал, мы должны подготовить крановщика, стропальщика и ответственного за работу крана, обеспечить вручение всем трем соответствующих документов. А они выдаются не частью, а гражданскими учреждениями, причем разными. Их порой в одном пункте дислокации и нет. Опять волокита и хождения «с протянутой рукой». Но в каждой части нужны, кроме того, и кочегары, и повара, имеющие допуск к работе на газовых печах, и много других специалистов. Их в войсках никто не готовит, но без них обойтись невозможно.

Каков же выход? Он видится в том, чтобы в каждом регионе создать базовые

части, в которых для всех можно было бы учить солдат одной-двум специальностям, точно просчитав потребности. Пока мы надеемся на то, что вдруг «повезет» с призывом и специалисты появятся у нас сами собой, положение не изменится.

Выход и в том, чтобы в пределах численности командир, и только он сам, определял штатную структуру, должностные разряды и оклады работникам служб тыла, мог своим приказом увеличивать или уменьшать штат и объем обязанностей тому или иному должностному лицу. Другими словами, командир части должен получить некую хозяйственную самостоятельность, полновластно решать, какие должности ему нужны, а какие нет, и в соответствии с объемом работ определять тариф работникам служб тыла.

Знаю, что не со всем из предложенного мной можно сразу согласиться. Требуется время для проверки, для взвешенных решений. Наверняка есть другие мнения и иные подходы. Но в одном уверен: отстаивать все, как есть, двигаться по накатанному пути нельзя.

У командира единоличная ответственность за все стороны деятельности части. Немало у него и прав, возможностей для выполнения поставленных задач. Но совершенствование этих прав и возможностей в соответствии с изменениями условий службы, быта — дело необходимое. Инициатива, поиски, предложения в этом — прямая обязанность каждого, кому доверены права и ответственность.

Подполковник О. ЛАТЫШЕВ.

Ордена Красной Звезды УВВ по Северо-Западу и Прибалтике.

ИХ НАГРАДИЛА РОДИНА

Не первый год служит в штабе части подполковник П. Кобылинский. Командир взвода, замполит роты, командир роты, начальник штаба батальона, командир батальона — вот вехи на служебном пути этого добросовестного и трудолюбивого военнослужащего.

Отличительная черта коммуниста П. Кобылинского — близость к подчиненным, любовь к своей нелегкой командирской профессии. Быть всегда примером для подчиненных — от этого правила Петр Максимович никогда не отступался.

За добросовестное отношение к выполнению всенного долга подполковник П. Кобылинский награжден орденом Красного Знамени, имеет ряд медалей.

**Старший прапорщик
А. АЛЕКСАНДРОВ.**

«Армия и народ едины». Эта формула в дни беспорядков на отдельных территориях Азербайджана и Армении и ввода туда в связи с этим подразделений внутренних войск проходила испытание на объективность и реальность. Нельзя сказать, что отношение всего населения в обеих республиках к военнослужащим было неизменно радушным. Есть, к сожалению, немало свидетельств того, как экстремистски настроенные группы пытались противодействовать войсковым нарядам, допускали прямые нападения на них. Но были и иные факты, факты проявления дружелюбия, любви и уважения к военнослужащим, полного доверия к ним, понимания их роли.

ЗАЧЕМ ПРИШЛИ ВОЙСКА?

Начальник штаба одной из частей рассказывал:

— Наш войсковой наряд прибыл в село, где группа бесчинствующих азербайджанцев выселяла армян из их домов. Офицеры потребовали прекратить незаконные действия. Азербайджанцы подчинились требованию и покинули дворы. Солдаты начали помогать армянским семьям снимать с машин уже погруженное имущество и заносить его в дома. Но как только закончив эти дела, солдаты стали выходить на улицу, их встретили камнями.

Другой случай из рассказа того же офицера. Подразделение блокировало перекресток, чтобы остановить движение беснующейся толпы к центру города. Офицеры предложили собравшимся разойтись. В ответ в адрес военнослужащих послышались угрозы, оскорбления, а затем на головы солдат обрушились булыжники. Цель, прикрывшись щитами, двинулась на толпу, чтобы вытеснить ее. Отбежав назад, хулиганы хватали камни, пытались нападать и с тылу, прячась во дворах и забираясь на крыши. А в завершение всего на войсковую цепочку, набирая скорость, двинулся груженный камнями грузовик. Решительными действиями его удалось остановить, азербайджанец, управлявший машиной, бежал. Военнослужащие развернули ее поперек улицы, и она стала своеобразным исходным рубе-

жом и прикрытием для войскового наряда. Эта схватка, длившаяся не один час, завершилась в пользу войскового наряда.

Ясно, что распоясавшиеся молодчики — не весь народ и, конечно же, никак не лучшая его часть. Тем не менее, поднимая руку на войсковые наряды, на отдельных военнослужащих, они должны были как-то осознавать, что представители армии призваны в этот момент защищать от бесчинств все население, независимо от национальности. Однако здравое рассуждение не присуще агрессивно настроенной толпе, которая видит в противостоящей ей воинской силе лишь препятствие на своем пути. Вполне очевидно, что и сама толпа далеко не однородна, есть в ней и трезвомыслящие люди. И правильно поступали те офицеры, кто в первую очередь стремились нейтрализовать, казалось бы, неуправляемую стихию, не допустить толпу не только к объекту нападения, но и к войсковому наряду.

Политработник офицер П. Волошин вспоминал один из эпизодов:

— Подразделению требовалось пройти на площадь, чтобы оцепить ее и взять под охрану. Толпа блокировала наш путь и накалялась враждебностью и решимостью не пропустить нас к месту службы. Вот-вот дело могло дойти до схватки. И тут как озарило меня. «Кто служил во внутренних войсках, подойдите ко мне», — крикнул я в толпу. После некоторого замешательства из нее вышел азербайджанец, несколько лет назад покинувший наш строй. Переговорил я с ним, объяснил ситуацию. Он обратился к толпе на своем языке, и люди вняли его совету, расступились перед нами.

Как же все не просто, как непредсказуемо в условиях, когда безответственные личности, руководствуясь корыстными побуждениями, раздувают национальную рознь, сеют вражду между людьми, еще вчера мирно жившими бок о бок, когда еще так недавно, скажем, в Сумгаите они, благодарившие солдат за свое спасение, сегодня в Ереване или Степанакерте поднимают на них камень, плюют в лицо, обзывают фашистами, карателями, призывают не слушать приказы своих командиров. Как не понять горечь, недоумение рядовых, сержантов, прапорщиков, офицеров, видящих и слышащих все это? Разве худой слух бежит быстро, а добрый будто вовсе не движется? Неужели хоть кто-то из обвиняющих наших воинов в совсем не присущей им жестокости не слышал о другом?

Лежавший в госпитале после ранения в аэропорту «Звартноц» рядовой В. Бурлака задает себе и другим такие вопросы: «Как все это могло произойти? Почему в меня и моих товарищей кидали чем ни попадя? И это люди, земляков и родственников, которых мы спасали в Сумгаите, на руках выносили раненых, делились с ними пищей, водой».

Офицеры, рядовые, коммунисты, комсомольцы резонно спрашивали: «Как получилось, что члены партийных комитетов, многочисленный партийный и идеологический актив оказались неготовыми вести

556

откровенный принципиальный диалог с людьми, отступали, пасовали перед не особенно грамотными демагогами, крикунами? Почему в ряды тех, кто призывал к забастовкам и другим недемократическим действиям, попало немало рабочих и специалистов с партийными билетами в карманах?»

Офицер одной из частей с горечью констатировал: «Когда мы стояли на перекрестке, осыпаемые камнями, местная милиция бездействовала в сторонке, а то и вообще скрывалась из вида. О чем думали эти стражи порядка?»

Трудно ответить на все эти вопросы. Но надо. И ответ ищут.

Вот что пишет по этому поводу ереванская газета «Комсомолец»: «Армейские патрули снова появились на улицах Еревана. После печальных событий в аэропорту «Звартноц», преподавших всем нам суровый урок.

Этот урок нам еще надо осмыслить. Но давайте осмысливать его с позиции того, что для нас неизбежно: сегоднящее патрулирование на улицах направлено на укрепление порядка, и служат этому порядку наши советские ребята, наши сыновья. Армянский народ всегда питал глубокую любовь к родной армии, воинам и офицерам Вооруженных Сил Советской державы. У нас сложилась добрая традиция дружеских отношений с воинскими гарнизонами, расположенными на территории республики. И прежде, и теперь солдат, военнослужащий наш желанный гость в любой армянской семье. Как можно забыть об этом, как можно позволить в одночасье перечеркнуть идущую из глубины веков традицию!»

Нет, воины внутренних войск не обиделись на армянский народ. Они хорошо знают, кто хотел бы противопоставить их ему.

О дружелюбии личного состава внутренних войск, их готовности всегда помогать людям свидетельствуют многие факты. Подразделения, временно прибывшие в Закавказье, размещались, как правило, в школах, общежитиях ПТУ. И сразу же, чуть появлялось свободное от службы время, личный состав брался за ремонт помещений, за благоустройство, очистку территорий. Например, в средней школе Аскерана, что в Нагорном Карабахе, воины обновили классы, пищеблок, построили душевые. Одно подразделение здесь заменилось другим, но и пришедшие тоже, не откладывая дела в долгий ящик, продолжали штукатурить стены, красить двери и окна, прибрали в саду. Кроме того, капитан В. Рудник, старший прапорщик П. Назаренко нашли возможность объехать близлежащие села и довести до населения содержание листовок с постановлением Президиума Верховного Совета СССР.

Несколько десятков тысяч рублей освоили на ремонте школы-интерната подчиненные офицера А. Трикоза. Здесь под руководством коммунистов старших прапорщиков М. Павлова, А. Сибряева, М. Зембы бригады плиточников, каменщиков, штукатуров обновили кухню-столовую, построили душевые, детский авто-

дром. Силами личного состава вычищен фронтан, заасфальтированы дорожки, уложены тротуары.

В других местах воины помогали хозяйствам заготавливать сено, убирать урожай, выполнять другие работы. В Ереване в одном из районов комсомольцы воинского коллектива, где политработником офицер Н. Емельянов, совместно с молодежью района участвовали в субботнике по уборке территории. Они же организовали досуг детей прилегающих улиц: приглашали их на мультфильмы, устраивали для них веселые праздники, конкурсы, викторины, спортивные состязания.

— Поначалу, — рассказывают солдаты и офицеры, — дети, но особенно их родители, с недоверием относились к нашим попыткам завязать с ними дружбу, тем более совсем недавно не без их участия летели в наши окна камни. Теперь ходят без опаски. Сидим вместе, спорим о жизни, обсуждаем и их, и наши общие проблемы. К нам приходят ветераны, благодарят за добрые дела.

На митингах на ереванской площади у Матенадарана, с крыши магазина в Степанакерте раздавались голоса: зачем сюда пришли войска, кто их просил?

В телеинтервью с военнослужащими одной из частей журналист Виктор Бекетов задал эти вопросы. Офицеры В. Акинин, А. Трофимов, рядовой Е. Свидин ответили, что считают свое участие в восстановлении общественного порядка в городе выполнением интернационального, патриотического и воинского долга. Они пришли помочь народу.

И народ благодарен им. Вот свидетельство тому. В одном из городков недавно появился грузовик. Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета республики Халиам Аббасова, председатель местного колхоза, прислала в дар воинам мясо, фрукты, овощи, яйца, молоко.

А разве факт, когда солдата-водителя, избиваемого группой армянских экстремистов «обиженных» на армию, выручили и спрятали два молодых армянина, не говорит о многом? Или случай с сержантом, которого тоже спасли от расправы бесчинствующих земляков армяне же, не подтверждает, что далеко не у всех людей в Армении вдруг загорелась неприязнь к армии, к русским, якобы предавшим армян.

Правильно отмечали «Известия»: «...Трудные дни переживает республика. Но хотя провокаторам удалось сбить с толку многих, талантливый и трудолюбивый армянский народ, народ-интернационалист им никогда за собой не повести... Даже когда раздавались призывы бросать камни в солдат, во многих армянских домах для них находились и теплое слово, и кружка холодной воды, и ломоть горячего лаваша.

Дружба народов всей страны — это великое завоевание Октября. И никому не дано ее поколебать».

Да, формула «армия и народ едины» прошла испытание с честью. Да и что может порушить их кровное родство?

Майор В. КАЛИНИЧЕВ.

ТРЕЗВЫЙ РАСЧЕТ

ВРЕМЯ выдвигает в управленческие аппараты, штабы людей молодых, решительных, инициативных, властно требует от них не громких слов и многообещающих заверений, а конкретных действий. Это доброе знамение, ибо качественные перемены в жизнедеятельности войск нужны уже сегодня, завтра они могут безнадежно устареть и из катализатора процесса перестройки превратятся в ее тормоз.

Отдавая предпочтение офицерской молодежи, к которой, увы, не отношусь, радуясь ее смелости, напористости, воле, хотел бы заметить, что на одной лишь решимости и неутоленной жажде деятельности далеко не уедешь. Не считите за возрастное брюзжание, это — мнение, опирающееся на многочисленные факты. Сколько шишек понесли себе молодые и горячие! Конечно, и на ошибках учатся, и за одного битого двух небитых дают, все это так. Но даже беглый анализ просчетов некоторых командиров и штабов позволяет сделать вывод: многих ошибок и промахов можно было избежать. Как?

МЕТОД ПРОБ И ОШИБОК — ДАЛЕКО НЕ ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ДОСТИЧЬ НАМЕЧЕННЫХ РУБЕЖЕЙ В СЛУЖЕБНО-БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, И КОМАНДИРУ, И ОФИЦЕРУ ШТАБА НУЖЕН ТРЕЗВЫЙ РАСЧЕТ. НА ЧЕМ ОН ОСНОВЫВАЕТСЯ?

Сейчас мы заговорили о новом прочтении В. И. Ленина. Мысль Ильича, которую хотелось бы привести, ныне актуальна, как никогда: «сначала добиться изучения... того, где именно мы сделали ошибку, и лишь на этой основе исправлять делаемое. Поменьше приемов Тит Титыча («я могу утвердить, могу не утвердить»), побольше изучения наших практических ошибок». Вот он, проверенный жизнью совет: сначала учиться думать, а потом действовать. Чтобы сгоряча дров не наломать.

Выходит, решению, каким бы ярким, неординарным и привлекательным оно ни было, должен предшествовать анализ. А без контроля анализ и решение недорого стоят. Именно на эти три столпа, на мой взгляд, и следует опираться командирам и штабам частей, планируя свою деятельность и реализуя намеченное.

Нередко из-за огромного потока различной по характеру и содержанию информации офицеры штабов теряют из поля зрения наиболее важные вопросы, требующие обстоятельного и своевременного реше-

ния. В погоне за сиюминутным эффектом, в стремлении как можно быстрее проявить себя на новой должности, они «забывают» обдумать то или иное решение, проконтролировать качество его исполнения. А нередко решение принимается ради решения как такового. Чтобы заметили сверху.

Замечаем по мере сил и возможностей. Хорошо, если удастся вовремя поправить, подсказать. А если нет? «Персональные шишки» офицеров управленческого звена существенно и далеко не лучшим образом сказываются на служебно-боевой деятельности подразделений.

И еще одно соображение по этому поводу: стремясь объять необъятное, и не завтра, а сегодня же, сейчас, командиры и штабы в спешке многое упускают. А когда настает пора отчетов, не у всех, к сожалению, хватает смелости и решимости доложить об упущенном, несделанном. Как результат, необъективные доклады с мест, порождающие иллюзию всеобщего благополучия, а попутно и серьезные срывы в служебно-боевой деятельности.

Пример? Пожалуйста. На основании требований Устава внутренних войск и указаний начальника Приволжского УВВ штаб соединения определил комплекс конкретных мероприятий по подготовке сил, средств и объектов к несению службы в переходный период. Казалось бы, дело не новое, сроки установлены, ответственные указаны — словом, все предельно ясно, действуйте. Вскоре пошли доклады: выполнено, проведено, учтено... В том числе и из части, штаб которой возглавляет подполковник А. Киреев. А тут побег...

Анализируем причины и приходим к выводу, что звенья «анализ — решение — контроль» в части не всегда взаимосвязаны. Указания штаб добросовестно продублировал и не проверил, как они исполнены на местах. Обстановку не изучил применительно к каждому объекту, с учетом специфических условий несения службы и, следовательно, не получил объективных данных для принятия собственного решения и доклада командиру. Удовольствовались достигнутым ранее, заручились «телефонным» контролем и бодро отрапортовали. Явно поторопился.

Согласен, проверить ход выполнения каждого распоряжения невозможно, поскольку в последних недостатка нет, скорее излишек. Нужно уметь выделить главное, — рекомендация не нова и банальна, но она «работает». Определить то направление службы, которое нуждается в личном присутствии командира или офицера штаба. Это первое. Второе: контролировать действия подчиненных постоянно, до тех пор, пока они не убедятся в том, что вни-

536
537

мание старшего начальника к ним не носит эпизодический характер. И третье: контроль — это и знание людей в конечном счете, изучение их способностей и возможностей, взгляд за горизонты их роста.

Повторюсь: контроль без анализа — занятие пустое, никчемное. Именно регулярные проверки, разбор и оценка полученной в ходе них информации позволяют судить о том, на каких направлениях следует сосредоточить усилия, кто из офицеров трудится добросовестно и тогда, когда не нацелен на него строгий командирский глаз, а кто — вполсилы.

Иной раз приходится слышать сетования офицеров на то, что связаны они по рукам неослабным вниманием к ним командиров и начальников. И шаг им, видите ли, не дают ступить без присмотра и догляда. Требуя с трибун собраний и совещаний: дайте вздохнуть свободно, дайте самостоятельность! Я в таких случаях отвечаю: возьмите, пожалуйста, очень этим обижаете. Кто же против? Правда, не каждый в полной мере понимает, чего он хочет, ведь самостоятельность — не значит бесконтрольность, возможность работы в полной изоляции. Это во-первых. И во-вторых, к великому сожалению, совсем не многие рьяные поборники самостоятельности на словах оказываются таковыми на деле. Чуть что — к командиру, к начальнику или за телефонную трубку: «А что, если нам?..» или «Вы не возражаете, если?..». Действуйте, но думайте прежде, чем принять какое-либо решение. Ошибку легче предупредить, чем исправить. А самостоятельность предполагает многовариантность решений, те самые «или — или», к которым мы все только начинаем привыкать.

Не стоит спорить, что важнее, веселее для принятия и проведения в жизнь решения — анализ или контроль, что первичнее. Информацию для анализа дает контроль, а необходимость контроля порой диктуется выводами из анализа. Уже приведенный выше пример наглядно доказывает, чем оборачиваются разрывы в этой цепи. В минувшем году часть полностью выполнила задачи по обеспечению надежности охраны объектов. Благополучие, добытое нелегким трудом, пригупило контроль, как в части, так и к части. Отсюда — неглубокий анализ и общие, неконкретные решения. Да и мы посчитали их передовиками и вплотную занялись отстающими. И напрасно.

Кстати, об информации, дающей пищу для анализа и, следовательно, принятия решения. Практика показывает, что существует несколько способов ее получения. Пожалуй, самый оперативный — доклады командиров, политработников, начальников штабов частей о состоянии дел. Оперативный, но, увы, не всегда объективный. И не только в силу попыток отдельных руководителей выдать желаемое за действительное, нет. Случается, что и сами они в достаточной степени не владеют обстановкой, засиживаясь в кабинетах, или дают ей неправильную оценку.

Наиболее распространенным способом получения информации является работа комплексных и целевых групп. Он, конеч-

но, проигрывает первому в оперативности, но зато выгодно отличается большей глубиной анализа, реалистичностью, что ли. Правда, немалая трата времени и сил — не единственный минус этого способа, есть и другие. К примеру, отрыв — и порой довольно ощутимый — офицеров от выполнения своих функциональных обязанностей. Присутствие начальника отделения штаба соединения, безусловно, полезно для офицеров батальона или роты. Но в то же время он частично, а то и полностью изолирован от других, не менее важных дел, лишен возможности контроля за деятельностью других частей и подразделений. Не миримся с этим, ищем компромиссные, рациональные варианты, повышая мобильность, динамичность целевых групп, сокращая сроки их работы и сужая круг решаемых в командировках вопросов.

И еще одно «но» этого способа. Во время работы комиссии офицеры частей и подразделений, и это естественно, трудятся по максимуму, а не так, как обычно. Понятно, что это в определенной степени искажает получаемую информацию. Сопоставляем данные, полученные из различных источников (доверять, но проверять!), чтобы получить полную, объективную картину положения дел на местах.

Кому не знакома такая ситуация: поработала группа в одном-двух подразделениях, вышла на недостатки, и в результате сверху вниз выдаются общеупотребительные, обязательные для всех рекомендации. Потому-то и недоумевают отдельные командиры, докладывая об устранении недостатков, которых у них и не было, или дублируя уже проведенные ранее мероприятия в ущерб насущным задачам. Выход закономерен — нужны не общие решения, основанные на частных фактах, а конкретные, опирающиеся на типичные недостатки в том или ином направлении служебно-боевой деятельности. Вот тогда они действительно ценны и полезны.

Так, комплексная группа, которую возглавлял офицер штаба В. Хотин, изучив обстановку в одной из частей, пришла к выводу, что совместные тренировки рот и ИТК проводятся нерегулярно, на низком методическом уровне, для галочки в плане. Факты, как говорится, налицо, но их адрес — одна воинская часть. Можно ли судить по ним о состоянии этой работы в других? Нет, конечно же. И только после того, как стало известно, что недостатки типичны для многих подразделений, командир принял решение: разработав подробное методическое пособие для проведения учений «рота — ИТК», организовать инструктивные занятия с офицерами штабов, а в одной из частей — показательные учения.

Такой стиль работы штаба, ориентированный на дифференцированный подход к каждой части, опирающийся на постоянный контроль, глубокий анализ и обоснованные решения, — единственно верный. Утвердить его — значит сделать шаг вперед в совершенствовании служебно-боевой деятельности.

Полковник Ш. ГАСПАРЯН.
Приволжское УВВ.

«...ПОСТ ПРИНЯЛ». И СРАЗУ ЖЕ (2)
 ВСЕ ЛИЧНОЕ, ЕЩЕ МИНУТОЙ
 РАНЬШЕ КАЗАВШЕЕСЯ
 СУЩЕСТВЕННЫМ, — В СТОРОНУ.
 ТОЛЬКО ИНТЕРЕСЫ СЛУЖБЫ, А
 ЗНАЧИТ, ПРЕДЕЛЬНАЯ
 СОСРЕДОТОЧЕННОСТЬ,
 УДВОЕННОЕ ВНИМАНИЕ,
 БДИТЕЛЬНОСТЬ... РАССКАЗЫВАЮТ,
 РОДИТЕЛИ КАК-ТО
 ПОИНТЕРЕСОВАЛИСЬ У СЫНА,
 ЧТО У НЕГО ЗА АРМЕЙСКАЯ
 СПЕЦИАЛЬНОСТЬ? И ТОТ
 СЕРЬЕЗНО ОТВЕТИЛ: САМАЯ
 ВАЖНАЯ И ТРУДНАЯ —
 ЧАСОВОЙ.

■ Спросите у ефрейтора Ю. Улявичюса (на верхнем снимке), и он подтвердит, что это действительно так. Юлюсу можно верить, он часовой опытный: в служебной карточке ефрейтора несколько поощрений за бдительное несение службы.

■ А у телефониста рядового А. Пашука (снимок в центре) свой пост — АТС, свои обязанности в немалой степени способствует поддержанию боевой готовности караула. Никто не ста-

нет спорить, что без постоянной, бесперебойной связи — службы нет.

■ ...Через несколько минут помощник начальника караула сержант В. Василевич (на нижнем снимке) поведет на посты очередную смену. Для рядового Е. Абанина, стоящего рядом с ним, это далеко не первый караул, все привычно и знакомо, но каждый раз волнуется, словно новичок, произносятся такие простые и в то же время емкие слова: «...Пост принял». Слова, после которых караульный становится часовым.

Заместитель командира взвода сержант Алексей Иванов говорит убежденно: „От нас, младших командиров, зависит очень много. Ведь с кем солдат находится бок о бок двадцать четыре часа в сутки — в карауле, в казарме, на плацу, в поле? С сержантом. К кому первому он обратится за помощью и советом? К сержанту. С кем поделится известием из дому? С сержантом...“

А значит, считает Алексей, сержант везде и во всем должен быть на высоте. Сам он следует этому правилу неукоснительно. Хорошая личная подготовка, четкое соблюдение уставных положений, умелое сочетание требовательности к подчиненным с заботой о них, подтянутость — вот что характерно для сержанта Иванова (на верхнем снимке). Авторитетен в коллективе и командир отделения младший сержант С. Перминов (на нижнем снимке).

10 НОЯБРЯ —
ДЕНЬ
СОВЕТСКОЙ
МИЛИЦИИ

ЧАСОВЫЕ ПОРЯДКА

Обычные ратные будни солдат правопорядка — словом, служба. Служба днем и ночью. И ответственность, постоянная ответственность за жизни людей.

В эту пору улицы патрулируют рядовые А. Карпейчик, Ю. Кошлюнов, Ю. Камлевич, С. Балюк, награжденные знаком „За отличие в службе“. Они и их товарищи приняли район под охрану — значит, общественный порядок обеспечен.

■ Через полчаса сержант Ю. Синицкий, рядовой А. Тарасюк, старший сержант Ю. Анищик, рядовые И. Ляхов и И. Молдавский выйдут на маршруты патрулирования.

■ Служба продолжается. Растет смена: встреча с ребятами из кружка ЮДМ.

■ Рядовые И. Брин и Л. Качан подошли вовремя.

■ В минуты отдыха.

Военный водитель...
 Это не только ежеминутная готовность выехать в заданный район для выполнения боевой задачи. Это и постоянное содержание техники в исправном состоянии, и повышение классной квалификации, и кропотливая работа над тем, чтобы обеспечить безопасность дорожного движения. Но один в поле не воин: рядом командир, сослуживцы. И от того, как каждый из них выполняет свой служебный долг, во многом зависит боевая готовность части.

■ Контрольное занятие с военными водителями проводит майор Н. Лактионов.

■ С чего начинается марш? Со строя. Здесь молодые солдаты впервые постигают, что значит держать дистанцию, действовать слаженно.

■ Инструктор практического вождения прапорщик В. Пухтий — частый гость в автомастерской. Он не менее слесаря ефрейтора А. Суполкина заинтересован в продлении межремонтного пробега техники.

ДОБРО ДОБРОМ ОТЗОВЕТСЯ

ПРОШЕЛ год с небольшим, как я принял роту. До этого полтора года командовал взводом, столько же времени был заместителем командира роты по политической части. В общем, прошел все ступеньки и понял, что это хорошо и правильно. Во всяком случае благодаря именно такому постепенному продвижению мое становление в новой должности не затянулось и не было болезненным. Сейчас, если заходит речь о первых самостоятельных шагах в роли командира роты — организатора боевой службы, вспоминаю прежде всего, как налаживал взаимоотношения в коллективе.

Самыми трудными были для меня первые два месяца. Оно и понятно: новая рота, новые люди, новые обязанности, не испытанное ранее чувство хозяина подразделения. Выяснилось, что заместитель по политической части и командир взводов мои подопечные. Встретили они меня нормально, но как начальника восприняли не сразу. Обращались порой на «ты», могли позволить и другие вольности. В разговорах иногда приукрашивали положение дел в своих взводах, рассчитывая, видимо, на определенную поблажку с моей стороны. Логика тут незамысловатая. Дескать, если у подчиненных все хорошо, то зачем контроль и спрос с командира?

Особенно это проявлялось у старшего лейтенанта Е. Харина. Например, однажды на занятии по строевой подготовке, когда я прибыл на контроль, он нарочито вяло подал команду, с нарушением устава подошел ко мне и доложил, какая тема отрабатывается. Что тут было делать? Заставить заново подойти и доложить? Но ведь строй солдат стоит, десятки пар глаз наблюдают за нами. Замечание в адрес офицера не будет способствовать укреплению его авторитета. Так я понимал ситуацию. Оставляю неприятный разговор с

ним на потом и предлагаю взводу продемонстрировать умение выполнять строевой прием «Подход к начальнику вне строя». Ну, а как это сделать образцово, попросил показать командира взвода. Он, надо отдать должное, понял мою деликатность и в грязь лицом не ударил.

Позже мы, поговорили с ним один на один на известную тему: «Дружба дружбой, а служба службой». Беседовал и с остальными офицерами и не однажды. Старался не сорваться, не перейти на угрозы наказанием, не повысить голоса, а тем более не дать понять, что раз я начальник, то ты... несколько менее подготовлен во всех отношениях.

Мы еще и еще собирались для разговоров. Речь, в частности, шла о том, кто есть кто, и кто что может сделать полезного для роты, почему отдача от каждого при равных возможностях далеко не одинаковая. Да мало ли еще о чем мы говорили. К тому времени я уже достаточно хорошо знал людей. Знакомство происходило не только посредством личных встреч и бесед. Военнослужащих роты все стороны характеризовали мой предшественник, заместитель по политчасти, командиры взводов и отделений, секретари партийной и комсомольской организаций.

Неожиданностью явилось то, что оценки, которые дали подчиненным сержанты, во многом отличались от оценок офицеров. Меня, например, это не только насторожило, но и заставило искать ответ: а что за всем этим? Оказалось, что младшие

командиры, пользуясь бесконтрольностью со стороны офицеров, закрывали глаза на отдельные недостатки солдат, старались не портить с ними отношений. Позиция офицеров здесь тоже просматривалась — на частности не обращать внимания, лишь бы в главном все было нормально. Странная позиция.

В ходе личных бесед с офицерами, на совещаниях я настаивал на необходимости строгого контроля за подготовкой сержантов к занятиям, за тем, как они обучают и воспитывают подчиненных, насколько примерны на боевой службе. В общем-то получалось — требовал исполнять то, что им положено по службе.

Постепенно все становилось на свои места. Но если в организации боевой службы, боевой и политической подготовки изменения к лучшему обозначались быстро и зримо, то индивидуальная работа с людьми пребывала в застое. И не то чтобы сержанты не знали, как ее проводить. Одни не умели наполнить ее живым содержанием, другие не хотели этого делать.

Надо было расшевелить активность сержантов, побудить их постоянно заниматься людьми, привести таким образом в действие человеческий фактор. Но как? Может, не мудрствуя лукаво, просто показывать наглядно результаты непосредственной и живой, заинтересованной работы с людьми?

И вот замечаю, что рядовой А. Гоголев снизил активность на службе, на занятиях. Спрашиваю у командира взвода, почему? Офицер был «не в курсе»:

собирался поговорить с подчиненным, да времени не хватало. Командир отделения считал, что ничего особенного не происходит, все нормально.

Не стал я дожидаться, когда у них появится возможность разобраться, что же творится в душе солдата. Сам все выяснил. Оказалось, получил он от друга письмо, в котором тот сообщал о неприятностях дома. Вопрос, прямо скажем, деликатный. Как тут поступить? После некоторого размышления советую солдату написать письмо матери, спросить ее откровенно обо всем. Друг есть друг, а мать — родной человек, ее слово решающее. Гоголев так и поступил. Через неделю получил письмо, развеявшее все его опасения и досаду. Служба у солдата опять пошла отлично.

Или взять рядового Александра В. С ним я стал чаще встречаться после того, как узнал, что его отец бросил семью. И вот начал родитель добиваться раздела прежней квартиры, чтобы заполнить дополнительную жилую площадь. У них с матерью на этой почве произошел конфликт, о чем сын догадывался. Он переживал, менялся на глазах, стал несдержанным.

Говорю командиру взвода: надо что-то предпринять, чем-то помочь человеку. Офицер задумался, а затем посоветовал солдату поговорить с отцом по телефону, выяснить лично.

Это уже кое-что. С волнением ждали, чем закончатся переговоры. Через часа полтора солдат возвращается повеселевшим: все утряслось как нельзя лучше. А через неделю на маршруте патрулирования возглавляемый им войсковой наряд задержал по горячим следам угонщика автомобиля, за что солдат был награжден начальником УВД города наручными часами.

Стечение обстоятельств? Не исключено. А может, добро добром отозвалось? Во всяком случае мало кто станет отрицать зависимость успехов военнослужащего от того, в каком он настроении, как к нему

относятся командиры и свой брат солдат.

Этот случай заставил меня повнимательней изучить, каков микроклимат в коллективе. Есть ли в нем условия и предпосылки, чтобы каждый проявил свои лучшие качества. Не всегда все могут вовремя заметить офицеры, нужно, чтобы сами военнослужащие помогали им находить «болевые точки», своевременно реагировать на те или иные отклонения в поведении сослуживцев. Об этом не раз откровенно беседовал с подчиненными, на деле показывал, что их заботы и трудности для меня небезразличны. Чувствую и вижу, что теперь в роте у меня много единомышленников и помощников. Больше стало тех, кто отношения с окружающими строит на уважении достоинства, на доверии.

Позволю себе подтвердить привести пример. Служит у нас рядовой А. Пыхтеев. По отзывам непосредственного начальника, с которым еще кое-кто из офицеров согласен, солдат этот замкнутый, безынициативный, вялый. А тут взводу выпала ответственная задача. Решено было произвести самый строгий отбор людей. Обсуждаем каждую кандидатуру. Очередь доходит до Пыхтеева, единогласно вычеркивают его из списка, Присутствовавшие тут секретари партийной и комсомольской организаций, группкомсорг и агитатор высказали прямо противоположное мнение: мы знаем лучше, каков Пыхтеев, мы в него верим и просим оставить в списке.

Поверили и не сожалеем, что прислушались к мнению общественности. Вряд ли кто сегодня узнает в жизнерадостном, активном в службе, общительном солдате прежнего Пыхтеева.

Об этом маленьком эпизоде в роте знают: все происходило на глазах коллектива, каждый увидел, что делают с человеком доверие, забота, участие товарищей. И вот замечаем: если раньше солдат второго года службы мог позволить себе в обращении с молодым несдержанность,

менторский тон, то теперь этого нет. Зато обычным стало стремление передать накопленный опыт, предостеречь новичка от неверных действий.

Люди... Люди... Они стоят перед мысленным взором, когда анализирую состояние служебно-боевой деятельности, боевой и политической подготовки, воинской дисциплины. Каждый видится не в общей массе, а персонально. Помню, что у него по итогам месяца, квартала, полугодия и года. Это нужно не для отчета, а для того, чтобы на том же, допустим, дне начальника войскового наряда можно было предметно оценить каждого военнослужащего.

Знание людей помогает успешно решать проблему сменяемости начальников войсковых нарядов. Через полгода на место ушедших в запас прибывают новые солдаты и сержанты. И надо сделать так, чтобы процесс этой смены был безболезненным, чтобы качество патрульно-постовой службы не только не снизилось, а наоборот, выросло.

Надо самокритично заметить, что мы, закончив училище, имеем поверхностное представление о службе по охране общественного порядка. Это осложняет работу с людьми, организацию службы. Может, стоило бы на первом курсе на неделю хотя бы посылать курсантов на стажировку в милицейские подразделения, чтобы потренировались в выполнении обязанностей патрульных, начальников войсковых нарядов и патрульных групп? Более обширным, как я сейчас понимаю, должны быть и юридические знания, получаемые в училище. А то ведь ежедневно приходится решать трудные вводные, и не всегда оказываешься на высоте. Конечно, с годами приходят опыт и знания, но лучше все это закладывать в училище. Видимо, польза была бы. И подготовка личного состава к несению службы стала бы лучше, да и сама служба, наверно, тоже.

Старший лейтенант
М. ХАЙРУЛЛИН.
УВВ по Уралу.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ИНЕРТНОСТИ

РАБОТА в политотделе соединения позволяет мне встречаться с самым широким кругом людей. И пока не встретил ни одного человека, который на вопрос, поддерживает ли он перестройку, ответил бы отрицательно. А вот когда начинаешь уточнять, как тот или иной коммунист перестроил личное отношение к порученному участку работы, то нередко слышишь от него удивленное: при чем здесь я?

Дело в том, что, хотя люди и осознают необходимость обновления, застойный период многих стучил оценивать себя самокритично, по высшей мерке требовательности. Велика еще сила инертности, которая мешает освободиться от пут безынициативности, от равнодушного взгляда на проблемы коллектива, общества в целом.

И возникает парадоксальная ситуация: коммунист, призванный идти в авангарде перестройки, сам топчется на месте, не прибавляет в работе. Трудно человеку избавиться в таких случаях от устоявшихся привычек и стереотипного мышления. И тогда вся надежда — на воздействие товарищей по партии.

...Когда секретарь партийного бюро сообщил коммунисту подполковнику Н. Быкову, чтобы он подготовился к своему отчету на очередном партсобрании, офицер удивился: «Почему именно я? Или нет других кандидатур?» Чувствовалось, что Быков, привыкший руководить людьми, никак не предполагал, что со временем сам будет отчетываться перед коммунистами. Однако секретарь добавил, что после отчета будет принята характеристика, и пояснил, что в Уставе КПСС говорится: партия имеет одну дисциплину, один закон для коммунистов, независимо от заслуг и занимаемых ими постов.

Затем Быкову определили перечень основных вопросов, на которые предстояло отвечать. Одновременно один из членов партбюро изучал стиль работы подполковника, его отношение к партийным и общественным обязанностям.

И вот наступил день проведения собрания. Выслушав отчет члена партии и его

ответы на вопросы с мест, коммунисты — а их выступило пятеро — высказали свое мнение о работе сослуживца, указали на его упущения и недочеты. В принятой собранием характеристике были отражены как положительные, так и отрицательные стороны деятельности Быкова. Кроме того, определили сроки устранения недостатков.

Примерно через полгода на партсобрании управления части секретарь партбюро майор А. Паляница вернулся к характеристике Быкова, отметив, что тот значительно прибавил в работе, однако ему еще следует улучшить обучение и воспитание начальников служб войскового тыла. При этом коммунисту было подробно, с приведением фактов разъяснено, в чем конкретно заключаются его упущения. Не забыли также дать ему советы, как быстрее выправить положение дел.

Прошло несколько месяцев, и вновь собрание управленческой парторганизации обратилось к характеристике подполковника. На сей раз коммунисты единодушно констатировали: Быков не только устранил все недостатки, но и стал более чутко относиться к запросам и просьбам личного состава, нередко проявлял разумную инициативу. Товарищеская помощь и принципиальная позиция коммунистов окрылили офицера. Он энергично трудился на своем нелегком участке и вскоре был награжден орденом Почета. А недавно подполковник Быков получил продвижение по службе.

Этот пример оказался поучительным не только для Быкова, но и для многих других коммунистов. Люди воочию убедились в эффективности коллективного воздействия на человека, в силе партийного товарищества.

Не могу также не отметить и такое обстоятельство, как повышение партийного влияния на решение вопросов, связанных с социальным бытом. Так, накануне сдачи жилого дома возникли слухи, будто кому-то кто-то хочет выделить квартиру вне очереди. Получив эту информацию, секретарь партбюро майор Паляница внимательно

познакомился со списками очередников, уточнил составы семей, вник в отношение офицеров и прапорщиков к служебным обязанностям. После детального изучения всех вопросов партийный вожак пришел на заседание жилищной комиссии. Оно проходило в горячих прениях, однако приняло правильное решение. Командир согласился с мнением общественного органа, а само решение было предано гласности. И сразу все кривотолки исчезли, тем более, что люди были уверены: если в этом деле принимал участие секретарь партбюро, то не объективности не может быть допущено.

А вот пример иного рода. Коммунист А. Амелеченков на словах поддерживал гласность и демократизацию. Однако там, где мнение общественности расходилось с его взглядами, офицер порой заявлял, что в конце концов за все отвечает командир-единоначальник, поэтому он будет делать так, как считает нужным. Разумеется, подавляющее большинство личного состава, и прежде всего офицеры и прапорщики, хорошо понимали сущность единоначалия и стремились укреплять его. Но если за словами руководителя кроется его нежелание прислушиваться к мнению подчиненных в вопросах, касающихся их личной жизни и законных требований, то тогда людям только остается гадать: коснется ли нас когда-нибудь демократизация?

Наверно, этот вопрос у многих возникал после распределения новых квартир. Накануне получения жилья партбюро обратилось к офицеру Амелеченкову с предложением провести распределение квартир в

обстановке широкой гласности, чтобы избежать ошибок. Однако коммунист-руководитель заявил, что никто не вправе вмешиваться в дела жилищной комиссии. Последняя же приняла решение, которое породило немало пересудов, потому что члены комиссии работали по подсказке Амелеченкова. Естественно, такое расхождение между словом «гласность» и действительностью не могло не сказаться на моральном климате в воинском коллективе, на инициативе людей.

Политотдел соединения поправил коммуниста-руководителя, разъяснил ему, что подлинная демократия, гласность укрепляют авторитет офицера, служат ему надежной опорой в решении самых сложных задач. Амелеченков сделал правильный вывод. И теперь слово секретаря партийного бюро управления части майора Н. Антонца играет не последнюю роль, когда решаются кадровые или жилищно-бытовые вопросы.

Да, нелегко искоренить инертность в делах и мышлении, если она накапливалась годами. Не случайно XIX Всесоюзная конференция КПСС нацелила коммунистов на более решительную борьбу с отжившим, с бюрократизмом. И бороться надо за каждого человека.

Майор В. ЧИРВА.

*УВВ по Дальнему Востоку
и Восточной Сибири.*

Когда материал готовился к печати, в редакцию сообщили, что майор Чирва назначен на вышестоящую должность.

МУЖЕСТВО, БДИТЕЛЬНОСТЬ, БЛАГОРОДСТВО

ДЕЛО БЫЛО ВЕЧЕРОМ

Ефрейтор Раззарилов и рядовой Виданов несли патрульную службу в одном из густонаселенных районов. Зная, что в вечерние часы на улицах города становится особенно многолюдно, войны, как принято говорить, утроили бдительность. И не случайно.

В одном из дворов солдаты заметили группу подростков, которые что-то бурно обсуждали. Патрульные подошли ближе и увидели, что предметом их горячего спора был новень-

кий мотоцикл, а также лежащие рядом запасные части. На мотоцикл дзержинцы могли бы и не обратить особого внимания: мало ли их сейчас у подростков. Но большое количество запасных частей к нему вызывало подозрение.

На просьбу патруля предъявить техпаспорт и водительское удостоверение собравшиеся только развели руками, хотя один из них уверенно назвался хозяином мотоцикла. Тогда ефрейтор Раззарилов

предложил всем вместе пройти в ближайшее отделение милиции для установления истины. Те было заупрямились, но, видя, что солдаты шутить не намерены, подчинились.

В отделении милиции истина была установлена быстро. При проверке заводских номерных знаков на двигателе и раме мотоцикла выяснилось, что он был недавно угнан и находился до этой поры в розыске.

Так бдительные войны помогли в раскрытии преступления и в привлечении виновных к ответственности.

Рядовой Д. ЛЫСЕНКО.

НЕ ПРИЗЫВАТЬ, А ПОМОГАТЬ

«...Усиленная военная подготовка для серьезной работы требует, — указывал В. И. Ленин, — не порыва, не клича, не боевого лозунга, а длительной, напряженной, упорнейшей и дисциплинированной работы в массовом масштабе». Этот наказ вождя для армейского коммуниста имеет непреходящее значение. Потому-то и для офицеров политотдела повышение качества боевой и политической подготовки каждого солдата, сержанта, прапорщика и офицера — задача важнейшая, ей мы уделяем постоянное внимание.

В деятельности командиров, политработников, коммунистов, комсомольского актива ныне зримо проявляется организаторская сторона, активизируются прежде всего деловитость, открытость, стремление пробудить энергию людей, опереться в решении проблем боевой учебы на массы военнослужащих.

Отрадно, что поубавилось самодовольства и успокоенности достигнутым, попыток ряда коммунистов-руководителей прикрыть собственные просчеты ссылками на нехватку людей для несения боевой службы, а потому, мол, и отрываем от плановых занятий.

Импульс для ускорения таких перемен дал февральский (1988 г.) Пленум ЦК КПСС, который рассмотрел актуальные проблемы обучения и воспитания трудящихся, вопросы идеологического обеспечения перестройки. Так, у нас пересмотрена структура рабочего времени — большая часть его теперь отводится не на составление различных справок и донесений, как это было раньше, а на организацию исполнения принятых решений, обучения и воспитания, инструктирование партийного и комсомольского актива. Офицеры политотдела стали больше трудиться непосредственно в подразделениях, глубже вникать в учебно-воспитательный процесс, эффективнее воздействовать на него

прежде всего через партийные организации. По нашей рекомендации они регулярно оценивают личный вклад каждого коммуниста в обучение и воспитание воинов. Причем оценка дается открыто на заседаниях партбюро, собраниях партгрупп и парторганизаций, при заслушивании отчетов.

Надо отметить, что политотдел особо обостренно реагирует на перестройку методической подготовки офицеров, причем не только нештатных пропагандистов, а в самом широком плане, я бы сказал, курс держит на подлинную универсализацию каждого командира, политработника, чтобы все они могли грамотно провести занятие. С партийных организаций мы требуем, чтобы коммунист не только показывал пример в совершенствовании своей боевой выучки, но и ответственно готовился к занятиям с подчиненными. Ясно, когда работаем в подразделениях, изучаем уровень, организацию того же учебного процесса, то непременно доходим до роли в этом деле партийного коллектива. Бывает, что он ничтожно мало интересуется таким вопросом, тогда приходится и спрос предъявлять, и помогать наладить дело.

Вот примеры. В конце минувшего года батальон, где заместителем командира по политчасти офицер В. Щеголев, был отстающим и по состоянию воинской дисциплины, и по боевой учебе. В политотделе решили, выяснив причины отставания подразделения, помочь коммунистам-руководителям устранить недостатки. Туда выехала группа офицеров управления части. Установили, например, что командование из-за личной нетребовательности и слабой ответственности не смогло четко организовать учебный процесс, в подразделении растеряли почти все, что там когда-то имелось из материальной базы. Не регулярно велась плановая учеба офицеров, сержантов. Конечно, каких-то значительных результатов при такой обстановке и быть не могло.

К сожалению, очень далека от всего этого оказалась и партийная организация батальона. Никак она не реагировала на запущенность учебы в ротах, батальоне. Поэтому, принимая меры к наведению порядка с постановкой боевой подготовки в подразделении, политотдельцы особо позаботились о повышении боевитости коммунистов в этом деле. Секретарю партбюро старшему прапорщику Н. Боеву рекомендовали конкретнее спросить с коммунистов, закрепленных за отделениями и взводами, за недостаточное влияние на людей. Помогли партбюро подготовить отчеты перед парторганизацией членов КПСС командира батальона, его заместителей, других коммунистов.

Свою работу офицеры завершили открытым партсобранием подразделения, где и были обсуждены все проблемы, определены пути исправления ошибок. Получив заряд деловитости, партбюро, бюро ВЛКСМ батальона стали оперативнее, острее реагировать на случаи и даже попытки отрыва личного состава от занятий, упрощенного подхода к их организации и проведению, усилили спрос с тех, кто не любил напрягаться в службе, учебно-воспитательный процесс пускал на самотек, устранился от него.

В настоящее время обстановка в батальоне улучшилась. Однако коммунисты политотдела, штаба этим не довольствуются, продолжают помогать офицерам, партийному коллективу совершенствовать стиль деятельности, трудиться с большей конкретностью, целеустремленностью, практической направленностью на индивидуальное воздействие на личный состав.

Не секрет, уровень профессионального мастерства напрямую связан с политической закалкой военнослужащего. Поэтому политотдел всячески добивается упрочения единства обучения и воспитания личного состава. А для этого в первую очередь стремится поднимать мастерство руководителей занятий. Тут остановилось на том, как политотдел заботится о повышении качества и действенности политической подготовки личного состава.

Конечно, непосредственно отвечая за политическое образование военнослужащих разных категорий, мы, политотдельцы, помимо, так сказать, повседневного организационного влияния на него изыскиваем и берем на вооружение все то, что может способствовать более результативному воздействию на умы и сердца людей. И сколько-нибудь новое, передовое непременно доводим до нештатных пропагандистов, на семинарах, сборах с ними «обкатываем» незнакомые приемы.

В части вот уже почти два года в политучебе используются опорные конспекты, опорные сигналы. В середине минувшего года в ходе сбора руководителей групп политических занятий разгорелся у нас большой спор, столкнулись две точки зрения о целесообразности внедрения этого метода. Кое-кто из офицеров был против него. Но куда больше оказалось тех, кто не без оснований утверждал, что новаторский подход к политподготовке означает коренную перестройку в ней, замену в будущем традиционного метода «рассказ-беседа». Энтузиасты офицеры И. Морозов, В. Муха, Ф. Прытков, С. Ермоченко убеждали сослуживцев: использование опорных сигналов и конспектов создает хорошие условия для полного раскрытия возможностей пропагандиста в проведении содержательного занятия, повышает интерес слушателей к проблемам, рассматриваемым на нем.

Второй год группы, которыми руководят упомянутые выше офицеры, занимают по системе известного педагога-новатора В. Шаталова. Бывая у них на занятиях, не раз замечал, с каким увлечением трудятся там слушатели. Подлинный интерес к учебе ускоряет процесс превращения знаний в убеждения, а затем и в практические дела. На протяжении всего этого времени группы по всем показателям боевой и политической подготовки отличаются стабильно высокими результатами.

Работая в подразделениях, анализируя занятия, на которых используются опорные конспекты, удалось подметить некоторые моменты: такой опыт должен внедряться не стихийно, а при активной помощи старших товарищей, да и голыми призывами к проявлению творчества, поиску неизведанного тут ничего не достигнешь — передовую методику нужно убедительно показывать. Валовой подход здесь ни к чему. И конечно, многое зависит от профессиональной подготовки руководителя. Поэтому мы в политотделе пошли по такому пути: аттестовать всех руководителей групп и тем, кто действительно готов для работы по шаталовскому методу, разрешили им пользоваться. Далее вот таким пропагандистам всячески помогаем наладить учебу по-новому, а на очередных сборах для распространения опыта передовиков широко практикуем открытые уроки. И дело движется.

Важное значение в повышении уровня обученности личного состава, боеготовности подразделений политотдел придает усиление роли нашей управленческой парторганизации. Видя недостатки в боевой подготовке

военнослужащих, мы сочли неотложным решительно поднять ее влияние на ход боевой учебы. Секретарю партбюро капитану В. Каменковичу посоветовали заслушать на заседании партбюро коммунистов офицеров штаба о их помощи командиру в организации боевой подготовки личного состава. Так, член КПСС В. Глушаков отчитался о том, как он лично влияет на состояние боевой учебы, изыскивает меры ее улучшения. Кроме того, вопрос повышения организованности в боевой и политической подготовке был вынесен на повестку дня партсобрания управления части. Принципиальной критике подвергались коммунисты, которые мало участвовали в проведении занятий и контроле за ними. И это не стало эпизодом в деятельности нашей управленческой парторганизации. Все больше уверенности и активности обретает партбюро в борьбе за высокое качество учебного процесса, все решительнее оно поднимает ответственность коммунистов офицеров-управленцев за предметную помощь подразделениям в организации учебы.

Среди форм такой помощи широкое распространение получил обмен передовым опытом. В числе лучших за первое полугодие в части оказалась рота, где командиром капитан В. Тру-

дов, а политработником старший лейтенант И. Морозов. Здесь со знанием дела поставлен учебный процесс, действительно контролируется ход каждого занятия, обеспечен их четкий ритм, принципиально оценивается вклад в ратную выучку каждого коммуниста. Политотдел помог секретарю парторганизации этой роты подготовить выступления ряда коммунистов по разным аспектам накопленного в подразделении передового опыта. Люди на сборах, семинарах, собраниях подробно рассказали, как достигали высоких показателей.

Самокритично надо сказать, что не все еще проблемы мы разрешили, требуется усилить партийное влияние на выполнение задач боевой готовности, значительно ужесточить партийный спрос за организацию обучения и воспитания воинов. Недостатки в этом свидетельствуют, что механизм торможения в боевой учебе окончательно не сломлен. Значит, офицерам политотдела, всем коммунистам части есть еще над чем работать.

Майор Ю. БОБЧИК,
заместитель начальника политотдела
части.

*Ордена Красной Звезды УВВ по
Северному Кавказу и Закавказью.*

Майор А. Добрянец настойчиво совершенствует свои знания и навыки, является специалистом первого класса. Потому занятия и тренировки, проводимые им, всегда проходят живо, интересно, на высоком методическом уровне.

На снимке: идут занятия. Внимательно слушает Александр Васильевич ответ рядового В. Родыгина.

ОБУЧЕНИЕ И ВОИНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

■ ИНИЦИАТИВА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ — ЗАЛОГ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ■ ДЛЯ ЧЕГО ОН — ЗНАК КЛАССНОСТИ? ■ ЕЩЕ РАЗ О ВОИНСКОЙ ДИСКВАЛИФИКАЦИИ

ТВОРЧЕСКИ ВНЕДРЯТЬ НОВОЕ

СЕГОДНЯШНИЕ требования к высшей школе, особенно в вопросах интенсификации учебного процесса, как никогда прежде, предполагают настойчивый поиск новых методов преподавания. Возникла насущная необходимость овладения (разумеется, во взаимосвязи) различными способами интенсификации и оптимизации обучения.

В нашем училище ведутся поиск, разработка и внедрение наиболее приемлемых методов обучения, которые нацелены на активизацию деятельности курсантов. Приведем несколько примеров. Так, на кафедре марксизма-ленинизма (начальник ее — кандидат экономических наук майор Н. Лизогуб) в практике предметно-методической комиссии (ПМК) используют эффективные формы активизации работы курсантов по изучению марксистско-ленинской философии и основ научного атеизма (руководитель ПМК — кандидат философских наук подполковник М. Циденков).

ПМК прежде всего систематизирует накапливаемый опыт. Сюда относятся приемы, направленные на уяснение и запоминание курсантами категорий марксистско-ленинской философии, проблемный метод, «практикум» — решение логических задач и упражнений, семинары методом малых групп, пресс-конференции, контрольные работы. Преподаватели, не переставая, продолжают творческий поиск новых форм проведения занятий. Например, семинарское занятие сочетает в себе элементы теоретической конференции, вопросно-ответного метода и дискуссии с выходом на учебно-проблемную пресс-конференцию, суть которой в том, что 5 — 8 курсантов выступают представителями по отдельным узловым вопросам темы, а остальные задают им вопросы, подготовленные самостоятельно и преподавателем.

Заслуживают внимания семинарские занятия малыми группами по опыту преподавателя кафедры майора А. Гука. Семинар, как положено, состоит из подготовительной, основной и заключительной частей. Однако подготовительная может проходить в несколько этапов: подготовка преподавателя (анализ темы, подбор литературы, 2 — 3 консультации с курсантами, ориентировка на методику проведения семинара и т. п.); подготовка курсантов (т. е. разделение взвода на несколько групп — 2, 3, 4 — по интересам, взглядам и т. д.). Избираются так называемые «лидеры», которые возглавляют эти группы и контролируют подготовку к семинару.

Подготовительная часть заканчивается проверкой преподавателем готовности групп к семинару методом малых групп за один-два дня до семинара.

В ходе основной части рассматриваются проблемы семинара. Преподавателем дается задание, единое для всех групп, которое в течение 10 минут обсуждается в группах. Затем представители (по 2 — 3 от каждой группы) раскрывают заданную проблему. Например, если отвечает представитель 1-й, то 2-я и 3-я группы после ответа задают по 2 контрольных вопроса. При ответе 2-й вопросы задают 1-я и 3-я группы и т. д. Ответы и вопросы контролируются и анализируются преподавателем и так называемым жюри из 3-х курсантов. На контрольные вопросы отвечают уже курсанты, не являющиеся основными оппонентами. Вопросы могут задаваться и преподавателем, и составом жюри. Каждая из отвечающих групп должна стремиться как можно глубже раскрыть проблему, определить свой подход, найти научное объяснение проблемы. То есть идет соревнование за лучший ответ, что и позволяет сразу же завязать после ответа пер-

513
544

вой группы творческую дискуссию, активизировать мышление курсантов, поставить проблемные ситуации. В ходе семинара предполагается всемерная опора на произведения классиков марксизма-ленинизма, материалы XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партконференции, пленумов ЦК КПСС, дополнительные издания по философским проблемам. Но, конечно, с выходом на практику.

В заключительной части преподаватель подводит итоги, определяет места группам в зависимости от объема и глубины раскрытия проблем, уровня их подготовки.

Оценки, выставленные курсантам, влияют на общий балл группы. В ходе двухчасового семинара может быть оценено от 10 до 15 курсантов.

Постоянно ведется поиск прогрессивных методов обучения на кафедре партийно-политической работы, педагогики и психологии (начальник кафедры полковник В. Гульбинский). Здесь коренным образом пересмотрели соотношение лекций, семинаров, самостоятельной работы, практических занятий, деловых игр. Накоплен опыт проведения политезанятий во взводе.

Вот уже второй год с большим интересом для курсантов проводится военно-педагогическая игра «Этика взаимоотношений командиров и подчиненных», разработанная подполковником З. Багшаевым. Тема ее и продолжительность (4 часа) предусмотрены тематическим планом. Цель — формирование у военнослужащих умения анализировать педагогические ситуации и принимать по ним решения; поддержание уставных взаимоотношений с подчиненными, начальниками и товарищами; использование передовых методов воспитания.

Военно-педагогические ситуации сгруппированы по трем разделам: этика взаимоотношений военнослужащих; педагогика действий; психология контакта начальника с подчиненными. Рассмотрим порядок проведения игры.

В начале занятия руководитель в течение 10 минут напоминает курсантам сущность и значение психолого-педагогических факторов в организаторской деятельности офицеров по руководству воинскими коллективами, раскрывает цели и содержание занятия. Курсанты вспоминают общие обязанности военнослужащих, взаимоотношения между ними, положения устава о воинской вежливости и поведении, общие обязанности командиров рот и взводов. Затем взвод разыгрывает, обсуждает и анализирует психолого-педагогические ситуации: руководитель с помощью видеоманитона (или зачитывая ситуацию) ставит задачу и приглашает курсантов выступить в различных ролях.

После обсуждения каждой ситуации он критически анализирует предложения и позиции участников игры и экспертов и обосновывает свой вариант решения. А в заключение подводит итоги военно-педагогической игры, обращает внимание курсантов на вопросы, требующие более глубокого теоретического осмысления и практического действия.

На кафедре ИТСО (начальник кафедры

полковник К. Копьев) продолжается дальнейшее совершенствование и внедрение в обучение учебно-тренировочных и маршрутных карт, технических средств обучения, что обеспечивает возможность применения фронтального метода отработки практических вопросов и активизации мыслительной деятельности. Это тем более важно, так как в условиях перестройки происходит решительный поворот от массового («валового») обучения к усилению индивидуального подхода, развитию творческих способностей. В связи с этим только за последний год дополнительно к имеющимся четырем спецклассам прибавилось два (основ вычислительной техники и высшей математики). Оборудовано еще семь учебных мест, причем удалось сделать это в, казалось бы, далеко не лучшем месте — коридоре учебного корпуса.

Большое внимание уделяется учебно-тренировочным картам. По существу внедрена система «читай—делай—анализируй». При разработке учебного пособия «ТСО в схемах и учебно-тренировочных картах» учитывался также и фактор экономии: 38 страниц вместо 250! К составлению УТК привлекаются курсанты.

Заслуживает внимания применение маршрутных карт. Составляя их, курсанты работают с руководящими документами, изучают технические средства охраны на реальном объекте, анализируют их состояние. Здесь качество обучения во многом зависит от преподавателя. Полковники Ю. Захарчук, Е. Комаринов и В. Ярыш умело создают с учебной целью различные неисправности.

«Почему выпускник военного училища неинтересно проводит занятие?» Да потому, что новая методика еще медленно внедряется в практику обучения курсантов...

На кафедре применяется новая организация контрольного занятия и зачета по техническим средствам охраны. Смысл ее в точном соблюдении распорядка дня, исключении хождений, перемещений, непроизводительной траты времени, в увеличении заданий, исходя из отводимого времени. Например, на зачет отводится 6 часов. Каждый курсант по традиционной методике работает 30 минут, а преподаватель все 6 часов без перерыва. Сейчас же курсант работает 4 часа. Взвод делится на две подгруппы, на каждый билет готовится учебное место (всего 15 по числу курсантов). Билет включает задание из трех пунктов. Практическая часть билетов рассчитана на два часа работы (составить, начертить схему блокирования комнаты хранения оружия, измерить сопротивление резистора, подключить и настроить луч аппарата «Комар—Сигнал—12АМ» и т. п.) Через 25—20 минут после начала зачета преподаватель обходит все 15 учебных мест и оценивает ответы по первому вопросу, затем обходит вторично и производит оценку по второму вопросу и далее по

третьему. После перерыва подгруппа отчитывается по теории в классе взвода, по другим билетам, ответы слушает вся подгруппа. Опыт подтверждает жизненность этой формы.

Мощным рычагом перестройки учебно-воспитательного процесса является его компьютеризация. Новая программа предусматривает изучение основ информатики и вычислительной техники, работу на ЭВМ и развитие у курсантов нового типа мышления. Компьютеры позволяют наглядно видеть процедуру оценки вариантов решения той или иной теоретической или практической задачи.

«Рычаги перестройки учебно-воспитательного процесса...» — не громко ли звучит? Но все же, что конкретно приемлемо для военного училища?

Большое внимание этому направлению уделяет командование училища. Создан учебный класс, оборудованный комплектом учебно-вычислительной техники «Корвет», состоящий из 12 рабочих мест учащихся и 1 рабочего места преподавателя. Ввод программ возможен с клавиатуры, кассетного магнитофона или с дисковода.

В настоящее время старший преподаватель кафедры вычислительной техники подполковник Г. Булыкин совместно с преподавателями кафедры тактики и общевойсковых дисциплин (ОВД) разрабатывает комплексные задачи для ЭВМ с вариантами их решений, фрагментами действий противника и своих подразделений, что, несомненно, намного повысит интерес курсантов к занятию не только как к игре, но и как к объективной проверке своих знаний и навыков по управлению боем.

Принято решение о создании центра цветного телевидения с использованием телецентра АСБ—ЦТ (5 телеканалов), позволяющего вести съемки одновременно пяти сюжетов.

Тактическая подготовка — ведущая дисциплина, составляющая основу военно-профессиональной подготовки офицера. Каждый курсант должен получить в училище полевую выучку с тем, чтобы воспитывать и учить подчиненных по принципу «Делай, как я». Главное внимание поэтому уделяется совершенствованию тактических знаний и практических навыков. «...Умение управлять, — указывал В. И. Ленин, — с неба не валится и святым духом не приходит... зрелость свидетельствуется не прописью или удостоверением, она удостоверяется опытом, практикой» (Полн. собр. соч., т. 40, с. 252—253). Какую же практику в организации боевых действий получают курсанты? Хронометраж практических занятий показывает, что при существующей методике курсанты за каждый учебный час получают практику в управлении подразделениями в среднем... 5—7 минут. Причины:

1. Неэффективно используется время непосредственного действия в составе подразделения — остается не более

50 мин. из отводимых 6 часов. Остальное затрачивается на переходы, вводную часть, заключение и подведение итогов рассмотренных учебных вопросов, организацию боевых действий.

2. Существующая методика обучения не обеспечивает активную, познавательную деятельность всех курсантов на занятии, ибо большинство — в роли наблюдателей.

3. Тренировки по управлению боем проводятся редко, а без них приобретенные навыки быстро утрачиваются. К тому же между занятиями допускаются большие разрывы.

Практика проведения групповых занятий, зачетов и экзаменов развивает и проверяет лишь мнемоническую деятельность курсантов, допускает дублирование учебных вопросов и шаблонов в тактической обстановке. Курсантам редко ставятся вопросы, требующие не запоминания, а мышления. Нехватка учебной техники на полевых занятиях не позволяет проводить их в динамике современного общевойскового боя. Однако преподаватели кафедры тактики и ОВД (начальник кафедры полковник В. Забазной) настойчиво внедряют новые формы и методы в процесс обучения по военным дисциплинам. Так, в училище систематизированы полевые выходы. Курсанты совершают длительные марши, проходят обкатку танками, преодолевают полосу психологической подготовки, водные преграды на различных средствах, выполняют задачи с использованием средств защиты. Такие занятия приучают курсантов к распорядительности, решительности, прививают наблюдательность, выносливость, умение быстро ориентироваться в обстановке, близкой к боевой. На практических занятиях больше времени уделяется управлению подразделениями в бою. Нельзя не сказать теплое слово в адрес старших преподавателей полковников В. Трубицына, И. Бобрывшева, преподавателей подполковников В. Васина, А. Царенко.

Большую работу по созданию опорных конспектов и разработке методики их применения проводит подполковник В. Паршиков.

Специфика училища и дисциплины кафедры требуют творческого отношения к подобной методике. И отрадно, что все больше преподавателей подключается к этой работе. Применение опорных конспектов, учебно-тренировочных карт и других приемов активизации познавательной деятельности курсантов стало рассматриваться на партсобраниях и методических совещаниях.

Выбирая сегодня пути и средства перестройки обучения, мы помним, что осуществлять ее нужно прежде всего для того, чтобы каждый курсант полнее и лучше усвоил учебный материал, овладел навыками самостоятельной работы, которые могут и должны помочь ему в практической деятельности в войсках.

Полковник В. БУГРОВ,
заместитель начальника кафедры
Саратовского
высшего военного командного
Краснознаменного училища имени
Ф. Э. Дзержинского МВД СССР.

ПОКАЗАТЕЛЬ МАСТЕРСТВА

Не секрет, что эффективнее труд того командира, который лучше подготовлен в военном отношении.

В нашем коллективе таких немало. Офицеры М. Афонин, П. Коваленко, С. Пономаренко и другие показывают пример в учебе и службе, овладении техникой, оружием, уверенно обучают и воспитывают подчиненных. Всякий знает, что офицер, прапорщик, сержант, имеющий повышенную классность, как правило, интересно и доходчиво объясняет учебный материал, грамотно ведет занятие, тренировку.

И наоборот, когда сталкиваешься с недостатками в боевой учебе личного состава, с низким качеством боевой службы, нарушениями воинской дисциплины, знаешь — срывы и промахи исходят от руководителя. Поинтересуешься деятельностью офицеров и убедишься, что среди них царит самоуспокоенность, они халатно относятся к повышению своего профессионального мастерства, используют лишь старый багаж знаний, к занятиям готовятся на скорую руку, индивидуальной работой с подчиненными занимаются поверхностно. О какой классной квалификации в этом случае может идти речь? А она — показатель профессионального мастерства. Не случайно в руководящих документах, определяющих подготовку специалистов, подчеркивается, что классная квалификация направлена на повышение боевого мастерства, надежности охраны объектов, укрепление воинской дисциплины, на безаварийную и безотказную работу инженерно-технических средств охраны. Следовательно, приобретение и получение более высокой квалификации — долг офицера, его обязанность. Тем более в наше время, время перестройки, когда требуются от руководителя и компетентность, и энергия, и смелость взять на себя ответственность.

Как ни прискорбно, а ведь нет-нет и раздаются голоса о том, что классность — личное дело, мол, хочу повышаю ее, хочу нет. Откуда такие мысли? Наверное, оттого, что для иных старших начальников

повышение классности ничего не значит. При таком отношении к ней могут и не заметить желание повысить квалификацию, и не упрекнуть за то, что офицеры не стремятся к вершинам мастерства. При выдвижении на должности, представлении к воинским званиям, направлении на учебу в военную академию, как ни странно, порой классная квалификация или не учитывается, или вспоминают о ней в последнюю очередь. Так до недавнего времени было и в нашей части. Чтобы поправить положение дел, мы пошли по такому пути. Взяли на строгий учет всех офицеров, кому по должности положено быть классными специалистами. Спланировали, кто из них и когда должен сдать испытание на классность и подтвердить ее. Изучили с ними соответствующие требования, распределили по группам и назначили старших — майора А. Часенко, подполковника С. Шавлохова и других опытных специалистов.

На период обучения штаб разработал перспективный план подготовки классных специалистов — как приложение к плану боевой и политической подготовки. В нем указали фамилии офицеров, имеющих класс, и на какой они рассчитывают к концу учебного года, кому, по какой специальности и какие темы предстоит изучить, предусмотрели тренировки в работе на аппаратуре, консультации лиц, контролирующих занятия, и т. д. С планом ознакомили офицеров подразделений.

Однако и хороший план останется на бумаге, если не будет подкрепляться ежедневной организаторской работой, направленной на повышение качества учебы офицеров. Поэтому штаб постоянно держит в поле зрения подготовку классных специалистов, занятия по отработке практических навыков офицеров в умения готовить вооружение, технику к действию, обслуживать их, устранять неисправности и выполнять нормативы.

Уделяется внимание и самостоятельной учебе в интересах подготовки к сдаче на классность: офицерам дают задания, закрепляют для оказания помощи опытных товарищей, проводят консультации, подбирается справочная литература. В части установлены единые часы самостоятельной работы офицеров и осуществляется контроль за ней.

Существенную помощь оказывают нам и специалисты ИТУ, местного радиозавода,

близлежащей части Советской Армии. Все это способствует росту интереса людей к изучению запланированных тем.

Используются и хорошо проверенные формы работы: обмен опытом классных специалистов, технические конференции, семинары, конкурсы, состязания...

Для проведения испытаний на присвоение (повышение) классности выделяются необходимое вооружение, военная техника, инженерно-технические средства охраны, оборудование и моторесурсы. Этой же цели служат учебные объекты, оборудованные ИТСО, учебные классы, тактическое поле, войсковое стрельбище. Порядок и место проведения испытаний объявляется военнослужащим, допущенным к сдаче на классность, заранее.

Как правило, в первую очередь проверяется знание вооружения, военной техники и инженерно-технических средств охраны, а также правил ведения технической документации. Затем проверяется умение готовить вооружение и ИТСО к действию, обслуживать их, управлять, устранять неисправности, выполнять установленные нормативы.

Престижна ли классность в той мере, какой требуют интересы боевой службы, боеготовности сегодня? К сожалению, нет. И мотивируют отдельные офицеры это тем, что спрос со специалиста 1-го класса строже, чем с того, у кого 3-й класс. Стоит ли «высовываться»? Так, например, рассуждает старший лейтенант Н. Николаев.

О чем это говорит? В первую очередь, о том, что слаба еще воспитательная работа, направленная на повышение классности. Мол, если бы офицерам платили за классность, тогда появился бы стимул, говорят некоторые, и если солдату, сержанту, прапорщику есть смысл бороться за классность, то офицерам незачем... Что ответить на это? До чего же надо не любить свою профессию, специальность, чтобы так говорить? И если человек рассуждает о «добавке» к своему должностному окладу, значит, что-то утратил он в оценке своей офицерской деятельности. Классная квалификация — важный показатель отношения военнослужащего к выполнению служебного долга. Только с таких позиций и надо рассматривать вопрос ее повышения.

Но в целом проводимая в части работа дает неплохие результаты. Многие военнослужащие заслуженно носят на груди значки классного специалиста. Особенно отменно, что есть они у молодых офицеров, например, у лейтенантов В. Воскобойника,

Е. Чучерилова и других. Получив в военных училищах классную квалификацию и прочные знания по военно-техническим дисциплинам, они продолжают совершенствовать их, активно участвуют в технической пропаганде, развитии учебно-материальной базы, грамотно и поучительно проводят занятия по боевой подготовке.

Классность нужна и прапорщику, например, контролеру.

В части стало традицией, что на должность начальника войскового наряда назначаются прапорщики, имеющие квалификацию специалиста 1-го класса контролерской службы. Это, как правило, коммунисты с большим жизненным и служебным опытом.

При назначении в смену принятого контролера начальник войскового наряда, другие контролеры стремятся к тому, чтобы новичок как можно быстрее изучил назначение, тактико-технические характеристики, общее устройство радиостанции и инженерно-технических средств, положения исправительно-трудового законодательства и правила внутреннего распорядка ИТУ, наиболее вероятные места совершения преступлений и каналы проникновения запрещенных предметов к осужденным, заперенные участки жилой и производственной зон, подземные коммуникации, маршруты движения и места погрузки (разгрузки) транспортных средств.

При подведении итогов службы каждый начальник войскового наряда подробно разбирает действия подчиненных. После объявления оценки каждому контролеру дает задание на отработку слабо усвоенных приемов самбо и нормативов по тактике внутренних войск.

Такая организация боевой службы позволяет почти каждому контролеру стать классным специалистом. О подготовке классных специалистов активно заботится штаб. Подполковник С. Шавлохов, к примеру, много внимания уделяет подбору, подготовке, воспитанию начальников войсковых нарядов, повышению их классной квалификации.

Поставить дело так, чтобы на груди каждого офицера и прапорщика был почетный знак мастера, специалиста 1-го класса, чтобы в борьбе за высокую классную квалификацию активно участвовали все те воины, которым положена классность, искоренить формализм, послабления и упрощения — значит повысить боеготовность, качество боевой службы и учебы.

Майор А. ТУЧКИН.
УВВ по Западной Сибири.

„ДЕЛАЙ, КАК Я... СКАЗАЛ..“

НАВЕРНОЕ, у каждого из нас остался в памяти такой командир. Не только потому, что человек был заботливый, душевный, что, конечно же, немало важно. Но запомнился и тем, что на дистанции кросса — первый, из автомата поражал цели с первых очередей. В общем, меньше говорил, а больше показывал, как надо делать. Именно так и влиял на нас офицер А. Бураков — личным примером, ревностным отношением к делу.

По-другому и быть не должно. Ведь в наших ратных буднях давно утвердился метод обучения «Делай, как я!»

Для капитана А. Кацага этот метод — основной. Высокое методическое мастерство позволяет ему образцово продемонстрировать приемы, метко стрелять, показывать отличное время на дистанции кросса и лыжне. Офицер всегда подтянут, опрятен, что, безусловно, оказывает воздействие на подчиненных. Он хорошо знает, что рассчитывать на достижение подчиненными ощутимых результатов в боевой и политической подготовке может только тот командир, который имеет среди сержантов и солдат авторитет, основанный прежде всего на добросовестном личном отношении к овладению служебным мастерством.

Известно, что В. И. Ленин придавал исключительно большое значение личному примеру командира. Н. И. Подвойский вспоминает, что, выслушав его доклад о состоянии красногвардейских отрядов, Владимир Ильич спросил его: «Вот вы сказали, что на таком-то заводе хорошая боевая организация, в Красной гвардии... есть винтовки, есть патроны и даже пулеметы... А кто там командир, вы знаете его?! А какова его военная квалификация? Сам-то он умеет бить без промаха, хотя бы из револьвера? К пушке подойдет сможет, если потребует-ся?.. Умеет ли управлять автомобилем?» (Н. И. Под-

войский. «Год 1917». М., 1958; с. 100—101).

Но на каком-то этапе мы заметно ослабили внимание к личному примеру командира, роли его подготовленности, мастерства. Не буду вдаваться в причины, они, возможно, кроются в той общей атмосфере, царившей в стране, когда многие жили по принципу «сойдет и так». Появились и в нашей среде люди, не желавшие повышать свою профессиональную подготовку, кстади, как и иные начальники, особо не требовавшие этого. Иначе бы откуда взялся таким, как лейтенант В.? Тринадцать лет службы за плечами, а он все командует взводом, не стремится к овладению знаниями и навыками. Если коротко: дисквалифицируется как военный человек. Вот и становится для поданных офицеров основным «принципом» обучения такой: «Делай, как я... сказал!»

Почему теряют офицеры профессиональные навыки? Однозначного ответа быть не может. Ведь в нашей жизни все взаимосвязано. Как было долгое время с командирской подготовкой? О многих руководителях не хочу сказать ничего плохого, они отлично разбирались в вопросах службы, но вот к учебе относились легкомысленно. Потому занятия подчас не давали ничего ни уму, ни сердцу.

Есть трудности иного плана. Например, обеспечение методической литературой. Видимо, для крупных городов, где есть возможность побывать в магазине военной книги, это проблема не столь остра. Но где взять нужное пособие офицеру роты, расположенной в таежной глубинке?

Многое зависит и от служебной нагрузки офицеров. Велика она в лесных частях. У нас выделяется большое количество караулов для выполнения задач боевой службы в отрыве от места дислокации подразделений. Поэтому офицеры рот основной части служебного времени проводят непосредственно на объектах, возглавляют наиболее удаленные караулы. Времени на самостоятельную учебу почти не остается.

Вот и получается: вроде бы офицер знает, что и как объяснить и показывать подчиненным, но сделать это методически грамотно не умеет: или не успел обрести опыт, или, того хуже, — разучился.

Такой упрек можно адресовать капитану В. Черненко. Порой ни он сам, ни командиры взводов не готовы на должном уровне провести занятие, и особенно по тактике внутренних войск. Откуда же у подчиненных появится интерес к учебе? У отдельных офицеров такое равнодушие к своему профессиональному росту, что они и строевые приемы пытаются объяснять на пальцах.

Сталкиваясь с такими случаями, всегда привожу подчиненным примеры из практики видных советских военачальников. Так, в воспоминаниях о Г. Жукове, К. Рокоссовском, И. Коневе и других полководцах немало места уделено их заботе о своей профессиональной выучке. В широко известной книге А. Шарипова о Черняховском есть строки о том, как, будучи молодым офицером, он стрелял только на отлично, но тем не менее регулярно тренировался. И вот каким образом. В вытянутой правой руке

вместо пистолета держал уют, чтобы рука во время стрельбы была твердой. Результат упорных тренировок—первое место в округе по стрельбе из пистолета.

Или еще. Черняховский никогда не забывал о спорте. Считал, что физически слабый боец будет отстаивать во всем. Сам был заядлым спортсменом. Неплохо ходил на лыжах, играл в футбол. И батарея, которой он командовал, считалась самой спортивной в дивизионе, а по стрельбе — даже лучшей в округе. Причем, чем выше поднимался будущий полководец по ступеням служебной лестницы, тем требовательнее относился к себе, своей профессиональной подготовке.

Недавно по телевизору шла передача о прославленном партизанском командире Д. Н. Медведеве. Невероятно, но факт: чтобы умело бить фашистов, он проводил плановые занятия в отряде и придавал огромное значение спорту. И это в то необыкновенно тяжелое время!

У нас как подчас бывает? Первые годы службы офицер еще стремится к самосовершенствованию. Но потом остывает, становится равнодушным, и в конце концов забывает даже то, что знал. А должен вдвое, втрое быть подготовленнее, помнить и о личной физической подготовке, и о том, чтобы потренироваться самостоятельно в выполнении приема или упражнения, и с карандашом в руках изучить публикацию в военном издании, ибо это и есть слагаемые высокой профессиональной выучки.

В чем видится выход из положения? На мой взгляд, прежде всего необходимо резко усилить практическую направленность обучения в военных училищах. Ведь там хорошая учебно-материальная база, опытные преподаватели, то есть все для того, чтобы обучать будущих командиров по новейшим методикам. Но, видимо, преобладают пока теоретические занятия. Потому, думается, и случаются проколы, подобные тому, как было с

лейтенантом С. Шулеповым. Проверяющий остался недоволен организацией и проведением занятия. А ведь у молодого офицера, казалось бы, свежие знания, навыки...

Далее. Покончить с недооценкой обучения именно практическим навыкам непосредственно в подразделениях. Прибыл молодой офицер в коллектив и какое-то время, естественно, чувствует себя неуютно: сталкивается с такой спецификой выполняемых задач, о которых имел представление в лучшем случае по схемам учебных пособий. И потому нужна лейтенанту помощь. А ее-то чаще всего нет. Так, лейтенант О. Безручко, прибыв в отдаленное подразделение, столкнулся с откровенным равнодушием к себе. И вскоре последовали серьезные ошибки в выполнении должностных обязанностей. И только после того, как офицеры управления и командования части помогли, у него появилась уверенность в своих силах. Но вопрос-то остался: почему старшие товарищи на первых порах оказались безучастны к становлению молодого офицера? Этот случай заставил нас еще раз обратить внимание на отношение к лейтенантам, и особенно со стороны непосредственных начальников—командиров рот. Ведь откуда берутся офицеры, что ни стрелять, ни строевым пройти не могут? Как раз из числа тех, к чьим первым шагам отнеслись равнодушно. Преодолеть первые неудачи, а они неизбежны, под силу тому, с кем рядом будут опытные и заботливые сослуживцы.

Каждый из нас должен на новую ступень поднять свое ратное мастерство, методическую подготовку. И тогда не будет раздаваться на строевом плацу или в учебном городке нелепая команда: «Делай, как я... сказал!», искажающая суть одного из основных методов обучения.

**Подполковник
А. МАТЮНИН.**

*Ордена Красной Звезды
УВВ по Северо-Западу
и Прибалтике.*

**ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ**

...на статью «Со многими «но» прошли учебные сборы по подготовке молодых солдат» [1988, № 4].

Критические замечания, факты, изложенные в ней, обсуждены на командовании и в политическом отделе части. Меры по улучшению подготовки молодых солдат на учебных сборах обсуждены на собрании партийной группы политического отдела.

Намечены сроки и ответственные за исправление выявленных недостатков. Партийное бюро первичной организации управления заслушало коммунистов И. Назаренко, А. Ивакина и В. Мокрушина, И. Сыромятникова о подготовке учебных сборов и учебно-материальной базы к приему, обучению и воспитанию молодых солдат.

В казарменных и подсобных помещениях произведен ремонт, в учебном корпусе оборудована ленинская комната, построен новый туалет. Отрегулирован вопрос отправки личных вещей прибывших.

Вопросы ввода молодых солдат в службу обсуждены в подразделениях со всеми категориями офицеров и сержантским составом.

ТАМ, ГДЕ ЦВЕТЕТ БАГУЛЬНИК

ЗАБОТЫ ЛЮДЕЙ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГАРНИЗОНА

1

СОЦВЕТИЯ багульника ярко-фиолетовыми костерками то там, то здесь полыхают в мелколесье. Июнь только-только принес лето в эти края, одел в сочную молодую зелень лиственницы и березки. Словно боясь, что тощий слой земли, под которой таится вечная мерзлота, не удержит их, они вырастают здесь непривычно для тайги хрупкими, тонкоствольными. Но их изнеженность обманчива, выстаивают они и против 50-градусного мороза, и безжалостных порывов метели. И сейчас наконец дождалась короткого лета, заневестились среди подлеска, оживили бесконечную цепь сопок, со всех сторон окаймивших горизонт.

А в военном городке, кажется, не замечают пробуждения тайги — сегодня парково-хозяйственный день, и каждый солдат оказался при деле. Повар несет из теплицы охапку зеленого лука и редиски. Несколько солдат подсаживают на аллее сосенки вместо тех, что не прижились с осени. Кто-то освежает покраску снарядов в спортивном городке. Стучит молотком плотник на постовой вышке. Из трубы котельной вьется дымок — надо подготовить к вечеру баню. Мерно гудит насос водозаборной станции, качая воду из глубокой скважины.

Военный городок построен по типовому проекту. Двухэтажная казарма и все другие постройки выложены из белого кирпича. Вдоль зеленого деревянного забора, слепя глаза блестящим металлом, которым защищена теплоизоляция, на невысоких подпорках проложены от котельной трубы. Здесь их не закапывают — вечная мерзлота не терпит инородных тел, выталкивает их из себя.

— Основательно обустроились, — невольно вырвалось у меня. — Да и красиво здесь.

— Хозяйство крепкое, — согласился полковник Владимир Афанасьевич Васюк, который знакомил меня с жизнью этого подразделения. — Своими силами личный состав построил теплицу, ледник да еще что по мелочам.

Командир роты старший лейтенант Евгений Клевцов воздержался от комментариев, хотя его молчание можно было истолковать по-другому: для кого-то они, воз-

можно, и мелочи, а мне ой-ой как достались. И все же через минуту он сказал:

— Будь моя воля, я бы построил городок не здесь, а... — его голос заглушил железнодорожный состав, гулко проходивший по мосту через реку.

— Прав Клевцов, — согласился полковник Васюк. — И надо, чтобы об этом знали «наверху» — не исключено, что подобная ошибка может повториться при приеме под охрану других объектов.

Мне поясняют: подразделение находится в километрах шести от ближайшего поселка. Там — детсад, школа, больница, магазины и т. п. Еще год назад туда ходил рейсовый автобус, потом его кто-то отменил. И эти злополучные шесть километров, особенно зимой, обострили многие проблемы в семьях офицеров и прапорщиков. Семьи к тому же молодые, почти в каждой — малолетние дети. К примеру, у политработника старшего лейтенанта Вячеслава Синяева два сына: Дениске — год и семь месяцев, Вадику — полгода. Детям, можно сказать, повезло больше, чем соседским: их мать, Зульфия Камилловна, по профессии медсестра, а значит, может реже возить сыновей на консультацию к врачам.

Встречался я с этими семьями. Живут они в кирпичном доме, что сразу за забором военного городка. Подразделение обеспечивает их водой, теплом. Короче, всех устраивает жилье, а вот другие условия, составляющие полный объем соцкультбыта, остались в поселке.

МНЕ ДОКАЗЫВАЮТ: если бы казарму для личного состава и дом для семей военнослужащих построили в поселке, большинство неурядиц исчезло бы само собой. Называют и экономические плюсы: отпала бы необходимость в насосной станции, не исключено, что стала бы не нужна своя котельная и многое другое. А экономленные средства вполне покрыли бы строительство караульного помещения возле охраняемого объекта, куда раз в сутки доставлялся бы караул.

По мнению полковника Васюка, в этом же поселке могла бы разместиться и соседняя рота, до которой чуть меньше двадцати километров. Тогда вместо двух военных городков потребовалось бы строить один. Да и транспортные расходы сократились бы: сейчас в роты возят и продукты, и

иные материальные ресурсы, а можно было ограничиться одной поездкой в день — сменить караул.

— Нередко мы сами создаем трудности, которые потом приходится героически преодолевать, — горько шутит Владимир Афанасьевич. — Почему? Причины разные. Но чаще всего встречается одна, закостеневшая: плохо прислушиваемся к «низам», медленно избавляемся от негодного... Сейчас, к слову сказать, комсомольцы готовятся к своим отчетам и выборам. А еще раньше, на собраниях в подразделениях, они предложили: дайте нам возможность самим выбрать секретаря комитета ВЛКСМ, не рекомендуем нам его. И сейчас три молодых офицера местной части встречаются с комсомольцами, рассказывают, как они работали бы, если кого-то выберут вождем. Честно скажу, пока не знаю, что из этого получится, но думаю, что комсомольцы не ошибутся.

Я тоже склонен думать, что выбор комсомольцев будет правильным. Тем более, что в этой части офицеры поверили в объективность мнения воинского коллектива. Так, здесь, прежде чем принять окончательное решение на поощрение людей, командиры подразделений собирают общее собрание и спрашивают: кто достоин знака «За отличие в службе», кто честно заслужил отпуск и т. д. И пока не было случая, чтобы какой-нибудь военнслужащий осмелился с трибуны призвать людей отдать голоса лишь из-за того, что кто-то его друг или земляк. Выдвигают действительно самых достойных. Кстати, среди поощренных реже стали встречаться фамилии писарей, командирских водителей. Уточняя у Васюка, везде ли считаются с мнением подчиненных.

— Нет, — признается политработник. — В соседней части пока больше говорят о демократизации, чем поддерживают ее на деле. И все же сейчас, после Всесоюзной партконференции, многое должно измениться. Разве не так? — поворачивается он к командиру роты.

— Меня уже критикуют солдаты, — улыбается Клевцов. — Сами, наверное, видели.

Да, видели в ротном «Комсомольском прожекторе». В одной из его заметок говорится, что в выходные дни личный состав части привлекают к хозяйственным работам, и призывает: «Просим командование роты и батальона положительно решить этот вопрос, чтобы мы могли нормально отдыхать».

— А я, если говорить начистоту, — продолжает Клевцов, — уже запланировал на завтра, на воскресенье, ремонт инженерного городка. Сейчас прочитал заметку и думаю: надо выкручиваться с ремонтом среди недели. Трудно, но надо.

Слушаю командира подразделения, а сам наблюдаю за его заместителем. Вячеслав Синяев, опустив глаза, делает вид, что его вовсе не интересует отношение Клевцова к «КП». Но что-то выдает в политработнике его причастность к заметке — вероятно, та тщательность, с которой он стал вытирать с козырька несуществующую

пыль. Невысокий, смуглый, он внешне заметно отличается от рослого русоволосого Клевцова, а вот в работе они оба не щадят себя, вывели подразделение в отличные. Казалось, им бы лишь поддерживать достигнутое, выслушивать похвалу в свой адрес и не портить отношения с начальством. Однако оба не скрывают своего мнения, когда оценивают те или иные указания. Разумеется, выполняют их, как и предписано уставом, не обсуждают, но именно оценивают, что в духе нашего времени, отвергнутого противоположный принцип: человек — пешка, он должен исполнять, а думать за него есть кому.

— Не так давно, — рассказывает Синяев, — помощник начальника караула ефрейтор Исаев предотвратил аварию. Он проверил посты и на обратном пути, переходя железнодорожное полотно, заметил трещину в рельсе. Мы сразу же позвонили железнодорожникам. Они движение остановили, заменили рельс. Теперь Исаева собираются поощрить, обещали премию в сто рублей. А один приехавший из штаба офицер спрашивает нас: «Неужели всю сотню солдат отдадите? Ему не положено больше тридцати. Лучше на эти деньги купить что-нибудь для роты». Не понимаю я: заслужил один человек, почему же вместе с ним поощрять других?

Вероятно, сам того не подозревая, старший лейтенант задал риторический вопрос, порожденный застойным периодом, когда труд обезличивался, превращался не в средство прогресса, а в нечто аморфное. В итоге утвердились иждивенчество, нравственная опустошенность и, самое страшное, безразличие к судьбе страны. Можно было делать вид, что работаешь, и за это получать деньги. Иначе говоря, новое экономическое мышление предполагает, что любой труд должен каким-то образом сказываться на общем благе, умножать его, проявляться в конкретных конечных результатах.

Позволю себе что-то вроде маленьких казуальных примеров. Солдат-водитель сэкономил зное количество горючего, то есть его вклад оценивается определенной денежной суммой. Надо ли поощрять шофера? Экономисты и социологи говорят: надо, и желательно материально... Иной вариант: в каком-то подразделении старшина настолько усерден, что за счет произведенных ремонтов помещений, мебели (в них нет необходимости) и т. д. и т. п. появилась круглая неиспользованная сумма. Зададим прежние вопросы, и вновь ответы будут теми же. А вот как получается в жизни? Часто ли рубль, поощрение которм общество еще вчера лицемерно называло стяжательством, используется в войсках там, где экономятся реальные, имеющие свою цену материальные средства? Согласитесь, эти суждения звучат довольно непривычно. Почему? Потому, что изменениям в жизни должны предшествовать изменения в сознании.

Между тем новое в практической деятельности обнаруживает себя в самых неожиданных сферах. «Винювата» в этом

инициатива, вызванная XIX Всесоюзной партконференцией. Убедился вновь в этом буквально в нескольких шагах от военного городка.

II

В ОДНОМ из своих очерков о людях заполярного гарнизона я высказался в поддержку мысли о том, чтобы в низкоплодородных регионах вместо худосочных мелких подсобных хозяйств создавать крупные, специализированные. И вот — приятная неожиданность: здесь, в Забайкалье, пошли дальше, найдя путь своеобразной кооперации.

Накануне поездки в роту офицер А. Бакаев рассказывал мне:

— Надоело нам, в штабе, выжимать из подразделений мясо, производимое в подсобных хозяйствах, тем более, что планы его производства растут и выполнять их мы обязаны. В наших условиях мясо — это свиньи. Поэтому задумали построить крупный свиноплекс. Нашли подходящее помещение, сейчас реконструируем его. Встал вопрос: где и на какие средства закупить сотни поросят, где изыскать корма? Если ориентироваться на поставки кормов через окружное УМТ и ВС, то дело не поднимем — они мизерны. Обратились в управление местной железной дороги. Там ухватились за наше предложение, потому что им тоже нужно мясо. Заключили договор: железнодорожники выделяют материалы для реконструкции здания, закупают поросят и комбикорма; мы берем на себя заботу об откорме.

— А как будете делить мясо? — интересуюсь я.

— Обе стороны получат поровну. В успехе мы уверены. Поставим дело на промышленную основу. Через месяц-два получаем на откорм четыреста свиней. Подобрали опытного прапорщика-фельдшера, решили и другие организационные вопросы... Вообще-то, свиноплекс будет как раз рядом с ротой, куда вы едете...

Здание свиноплекса внушительно. Офицер квартирно-эксплуатационной службы лейтенант И. Бубенов, который руководит ремонтно-реконструкционными работами, показывает помещения. Оказывается, несколько лет назад здесь размещалась котельная строительной воинской части. Когда стройбат перебросили на другие объекты, здание пришло в запустение, стали понемногу рушиться стены. Теперь же оно как заново построенное. Внутри произведена перепланировка помещений, отвечающая технологическому процессу по мясопроизводству. От роты подводят электричество, вода, теплосеть. Короче, воинский коллектив графика не нарушает. Железнодорожники также не бросают слова на ветер: подвезли комбикорма, стройматериалы и в любой момент готовы доставить из племсовхоза животных.

— Своевременно подумали о свиноплексе, — рассуждает стоящий с нами Евгений Клевцов. — Мы в своей роте давно уже исчерпали все возможности с кормами для свиней и задание еле-еле тянем. — Офицер усмехнулся, будто что-то вспомнив: — Когда читаешь указания по

развитию подсобных хозяйств, руками разводишь: где нам косить траву, где сажать корнеплоды?

Действительно, где? Травы в окрестностях столько, что одну корову не прокормишь. А ту же картошку не сунешь в мох или в расщелину между камней, навечно вмерзших в то, что язык не поворачивается назвать почвой. И разве это не образчик формального, бюрократического планирования? А мы изумляемся: неужели так далеки от жизни там, где рождаются уравнилельные задания по подсобным хозяйствам, где устанавливаются различные нормативы и нормы положенности?

III

ВИДНО, много наблело, накопилось в душах людей за застойные годы.

Да и как не возмущаться, если из этого могучего края министерства и ведомства буквально выгребают киловатты, тонны и кубометры, мало что предлагая взамен. Так, к примеру, житель Красноярска оказавшись, по сравнению с таким же тружеником европейской территории Союза, в худших условиях: по жилью он числится в пятом десятке, по продуктам питания на душу населения — в шестом. Хотя производственная отдача сибиряка примерно в полтора раза выше, чем у такого же «среднестатистического» труженика-европейца.

Для чего, может спросить читатель, привожу эту «раскладку»? Для того, чтобы внести ясность; местные проблемы не обходят стороной наши части и соединения. Ведь армия — это сколок общества. Потому-то офицеры и прапорщики, проходящие службу в Сибири, острее ощущают свои беды, в частности хроническую нехватку жилья. К примеру, в управлении части, по словам полковника Васюка, много семей военнослужащих снимают квартиры, ютятся в вагончиках, которые порой сами же покупают. И не говорить об этом во весь голос — значит лукавить с правдой, с действительностью.

Разумеется, и офицеры, и прапорщики понимают, что одним махом всех проблем не одолеть. А вот ускорить их решение можно и нужно. Нельзя же в конце концов забывать простую истину: «То, как удовлетворяется потребность в жилье, может служить мериллом того, как удовлетворяются все остальные потребности...» Это писал Ф. Энгельс (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 302). И здесь серьезная неотложная помощь, реальная поддержка требуются со стороны регионального управления войск и ГУВВ.

Кстати, есть и другие вопросы, относящиеся к компетенции двух последних инстанций. Остановлюсь лишь на нескольких.

Автомашина, эксплуатируемая в низкотемпературных условиях, должна иметь двойные лобовые стекла. Сам наблюдал зимой в Якутске, что все транспортные средства, включая общественные, оборудуются именно так. В результате между стеклами образуется воздушная подушка, предохраняющая их от замерзания. Замечу, что в военном округе это обстоятельство учтено

соответствующими нормативными документами. Однако части и подразделения внутренних войск почему-то снабжаются по «европейским» нормам. Так где же приобретать дополнительные стекла для сотен машин? Опять «доставать»?

Или такая неурядица. В свое время, когда определялись места постройки казарм отдельно дислоцированных подразделений, ни представители войск, ни хозорган, ни проектировщики не задумались, осуществим ли здесь прием телепередач. И вот только в одной части несколько сот человек не охвачены телеинформацией. Трудно представить, что в наше время молодой человек, привыкший к телевизору, как к обыденной вещи, два года (не беру уже в счет офицеров и их семьи) будет обходиться без него. Конечно, выход есть — нужно в каждой роте, оказавшейся в подобных условиях, установить телетранслятор. Но его-то забыли в проектных сметах, а в нормах положенности политпросветимущества он не предусмотрен.

Вообще же разъяснений, указаний, распоряжений здесь получают много. Перелистал несколько пухлых папок и убедился: большая часть бумаг излагает факты различных отступлений от уставов и инструкций и требует не допускать аналогичного. Как сократить их поток — задача не только созревшая, но и перезревшая. Из-за неразрешенности ее страдает работа с людьми.

Что же касается действенности бумаг «сверху», сошлюсь на справку экономиста: «Сфера управления изготавливает ежегодно сто миллионов листов документов, то есть примерно по листу на душу населения в день. Из них по меньшей мере 90 процентов бумаг бесполезны — их попросту никто не читает». Но если их не читают в сферах народного хозяйства, то где гарантия, что их читают в войсках — ведь здесь тоже живые люди! Конечно, читают те, которые надо исполнять, а после доносить о предложенном. Если пойти по принципу обратных донесений на каждую бумагу, то скорс никому будет заниматься перестройкой. Вот и получается замкнутый круг, разорвать который, полагаю, можно, только решительно отказавшись от порождения новых документов.

А один из офицеров управления части полусерьезно подал такую мысль: для каждого офицера полка уставы четко определили круг обязанностей, и если какой-нибудь вышестоящий орган дает дополнительные распоряжения, то пусть одновременно с ними направляет в войска своих работников, чтобы помочь людям в реализации тех документов, тогда-то, вероятно всего, зряшные бумаги исчезнут.

Еще более категорично насчет неистребимого потока спускаемых сверху документов высказался с трибуны XIX Всесоюзной

партконференции генеральный директор Ивановского станкостроительного производственного объединения В. Кабаидзе. Безнадёжно, сказал он, бороться с бумагами, надо убивать их авторов... Вот как невыносима для человека, занимающегося конкретным делом в коллективе, бумажная лавина!

МНОГО встреч подарила мне командировка в Забайкалье. И, как никогда, люди без обиняков говорили о наиболее, не стеснялись признаваться в своих просчетах, смело высказывали мнение о недоработках УВВ и ГУВВ. А смело говорили потому, что сами уже начинают находить и осваивать пути перестройки.

А сколько деловых предложений! Образовать комсомольские «копилки» для удовлетворения здоровых увлечений молодежи; пересмотреть отдельные нормы довольствия для районов с суровым климатом, не принимать под охрану новые объекты, пока не будет создан комплекс соцкультбыта; шире применять экономические, материальные стимулы... И все это не блажь, а много раз обдуманное, как подчас говорится, человеком от станка.

Нельзя умолчать и о таком обстоятельстве, как усиление партийного влияния на процессы, возникающие в воинских коллективах. Но это отдельная, большая тема. Замечу только одно: в ходе каждого собрания партийного актива проводится анонимное анкетирование среди коммунистов, позволяющее выявить узкие места, активизировать человеческий фактор. Именно знание партийцами истинного положения дел помогает им правильно направлять поиски и инициативу людей. Люди в Забайкалье заряжены перестроечным настроением, начинают чувствовать себя непосредственными участниками доселе необычных преобразований, предпринимают первые шаги к обновлению, заряжаются оптимизмом. И самое главное сейчас для них — поддержка их поисков. Пусть далек тот гарнизон от Москвы, но в нем налаживается новая жизнь.

ИЗ ЧАСТИ до ближайшего аэропорта почти ночь ехал поездом. Ранним утром замелькало за окном таежное редколесье. Порой чудотворная тайга менялась тундровой картиной: снег в распадках (и это в июне!), скрюченные ветрами лиственницы, сочно-зеленый стланник, ни одной березки окрест. Видел несколько небольших военных городков. Последний запомнился особо: поезд вырвался из, казалось, бесконечного тоннеля и вдруг въехал в восходящее солнце. Оно выходило из-за сопки и стало багряным фоном, на котором застыла строгая фигура часового.

Полковник В. УСКОВ.

*УВВ по Дальнему Востоку
и Восточной Сибири.*

«МНЕ СВЕРХУ ВИДНО ВСЕ...»

Среди послевоенных эстрадных сценок была и такая. Встречаются два фронтовика, вспоминают свою юность, боевые эпизоды. Разговор происходит в служебном кабинете. Один из героев сценки просит другого подписать бумагу. Тот отказывается: «На войне бомбежки не боялся, а бумажку подписать, так, запросто, не могу, извини».

Бумажка, бумажка... Как сильно порой она мешает нам в работе, как много отнимает драгоценного времени!

На сборах политработников соединения начальнику политотдела Центрального УВВ генерал-майору А. Ходакову мы задали вопрос: так ли необходим отчет по дисциплине, в котором так легко запутаться? В нем, кроме анализа дисциплинарной практики, включая и участие в ней начальника УВВ, надо указать время совершения проступка (днем, ночью, в сурочном наряде, на занятиях, при чистке овощей и т. п.) и ряд прочих многочисленных данных. В ответ мы услышали:

— Зачем такие анализы? Все равно они приходят к нам, чтобы лежать мертвым грузом. И вообще надо до минимума свести ведение учетов, планов.

Мы согласились: нам, в подразделениях, нужны планы партийно-политической работы и личный ежедневный план. А как на деле? Ведем книги, журналы, дневники и т. д. А если все эти последние документы сосредоточить в какой-нибудь одной книге? Скажем, вместо дневников индивидуальной воспитательной работы, которые заполняют офицеры роты, собрать воедино все сведения о личности, чтобы всесторонне охарактеризовать человека. Здесь же можно записывать и результаты заслушивания отчетов военнослужащих на собраниях, совещаниях сержантов или актива.

Словом, участники сборов облегченно вздохнули: наконец-то не будем подолгу вечерами заполнять бумажки. Ведь нам порой некогда посмотреть телевизор, поинтересоваться молодежными течениями, узнать о новинках литературы, современной музыки да еще о многом, что необходимо для повышения своей политической культуры.

Но прошло какое-то время, приезжает в роту офицер политотдела и спрашивает... анализ дисциплины аж за пять месяцев. Молча смотришь на старшего политработника и думаешь: неужели политорганы и политаппараты созданы только для сбора, обобщения и подшивания бумаг? Или для того, чтобы выкинуть, как в низах идет перестройка, помочь коммунистам проводить на местах политику обновления?

А вот еще пример. Не так давно нам рекомендовали завести учет предложений, высказываемых слушателями на политзанятиях. Может, проще было бы не записывать их, а взять да сразу реализовать?

И вспоминаются слова песни из популярного кинофильма: «Мне сверху видно все — ты так и знай!»

Но все ли видно?

Старший лейтенант А. СОКОЛОВ,
заместитель командира роты по политчасти,
Оршанско-Хинганское Краснознаменное
Центральное УВВ,

ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ

...на статью «Подлог» (1988, № 6). Обстоятельства и причины проступка прапорщика А. Жлобницкого, о котором рассказывалось в материале, внимательно изучены с офицерами и партийным активом части. Коммунисты были единодушны в своем решении об исключении его из рядов КПСС.

Военный прокурор гарнизона капитан юстиции А. Деменко провел расследование. Учитывая, что содеянное не представляет общественной опасности, а материальный ущерб, причиненный государству Жлобницким, им возмещен, уголовное дело против него не возбуждается.

Факт присвоения денег Жлобницким рассмотрен судом чести прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы, по ходатайству которого он назначен на должность с понижением.

Лица, виновные в проступке прапорщика, наказаны в дисциплинарном порядке. Офицерам В. Махно и В. Халину вынесено прокурорское предостережение.

РЕШАЕТ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

КТО ВОЗГЛАВИТ комсомольскую группу? Кто войдет в состав бюро ВЛКСМ, станет комсомольским секретарем? «Как кто? Тот, за кого проголосуют комсомольцы», — ответите вы и будете совершенно правы. Но кому не знакома вот такая картина.

Отчетно-выборное собрание переходит к рассмотрению организационного вопроса. Слово предоставляется комсомольцу со списочком в руке. Он подходит к трибуне, подносит к глазам «шпаргалку» и бесстрастным голосом начинает читать: «Есть предложение избрать в бюро ВЛКСМ следующих товарищей...»

XX съезд ВЛКСМ помог нам наконец-то взглянуть на роль и место комсомольского актива. Время «покладистых», угодливых и потому нередко не избранных, а навязанных «сверху» молодежных вожakov миновало. Однако наши изначальные вопросы не только остались, но еще и более заострились: «Кому по плечу возглавить комсомольскую группу? Кто способен сказать свое слово в бюро ВЛКСМ? Кто истинный лидер в «первичке»? Не ответив на них, нам нечего и ждать, что комсомольская организация сумеет по-настоящему выполнить свое предназначение.

Практика показала: отказ от предварительной аналитической работы, изучения и обсуждения кандидатур будущего состава бюро ВЛКСМ приводит к тому, что к руководству комсомольской организацией приходят люди, мягко говоря, случайные. Избегать ошибок или, по крайней мере, сводить их число к наименьшему помогает выявление общественного мнения, анкетирование.

У себя в части мы начали с простого. «Каким я вижу молодежного вожакa? Каковы его основные черты?» — на эти вопросы предстояло ответить комсомольцам. Как и предполагалось, мнения во многом сходились: ребята импонируют деловитостью, принципиальностью, инициативностью их лидеров. Один из ответов хочу привести полностью.

«По-моему, — писал молодой солдат, — сегодняшней секретарь бюро ВЛКСМ должен быть, во-первых, человеком неглупым, способным ориентироваться в любой жизненной, служебной ситуации; во-вторых, смелым, твердо отстаивающим правоту дела; и в-третьих, таким, что мог бы связать заботы командира роты с нашими молодежными желаниями и устремлениями.

В том, что такие люди есть в молодежной среде, никто не сомневается. Но кто это конкретно в нашем взводе, роте? Кто самый достойный?

Раздав анкеты, мы предложили на этот раз каждому члену комсомольского коллектива заполнить следующие графы: «Кто, на Ваш взгляд, пользуется авторитетом во взводе, в роте, а кто нет? Кого бы Вы хотели видеть в составе бюро ВЛКСМ подразделения?» Казалось, анализ полученной информации все должен был расставить по своим местам. Ан нет.

Например, в подразделении, где молодежным вожаком прапорщик П. Куц, фамилия комсомольца В. Дубровского, буквально накануне опроса нарушившего воинскую дисциплину, встречалась и среди тех, кто не пользуется авторитетом, и среди тех, кого следовало бы включить в состав бюро ВЛКСМ. Как же так? Беседуем с людьми. Оказывается, некоторые до сих пор просто не осознали роль комсомольского активиста как маяка, человека с чистой совестью. Кое-кто высказался за кандидатуру данного комсомольца, исходя из того, что он принимает участие в художественной самодеятельности.

Можно было бы привести и другие примеры, когда в актив прочились комсомольцы, хоть и пользующиеся симпатией определенной части военнослужащих, но в силу личных качеств просто неспособные возглавлять комсомольскую организацию. Все это говорило нам, что принципиальности и взыскательности кое-кого еще надо учить и учить. Однако подчас возникают и такие непростые ситуации.

Иной бойко выступает на собраниях, критикует недостатки, сыплет предложениями. Товарищам это нравится, они готовы поддержать его на очередных выборах. А на поверку он же первый, кто дальше слов идти не желает, его активность чисто показная, а то и конъюнктурного характера.

Сталкиваемся и с тем, когда кандидатура молодежного вожакa называется с оговоркой: мол, лучшего во взводе не знаю. Но знать-то надо! Однако, рассадив военнослужащих за отдельные столы, выдав по листку бумаги, объяснив, что анкеты можно не подписывать, вправе ли мы рассчитывать на стопроцентный успех? Опыт свидетельствует: нет, не вправе. При постановке вопросов, как говорится, в лоб не всегда приходится надеяться на искренний ответ. А бывает, что при всем желании военнослужащий не может ответить, почему отдает предпочтение этому сослуживцу и не приемлет другого. Что же делать?

В одном из подразделений мы попросили комсомольцев поразмышлять: «С кем бы вам хотелось остаться в роте, если она будет переформировываться?» Естественно, каждый расположил сослуживцев в поряд-

ке предпочтительности. Затем через несколько дней этим же комсомольцам мы предложили оценить товарищей по каждому из предлагаемых достоинств. Например: «Можно ли с тем-то или тем-то поделиться своими чувствами?» «Стоит ли от того-то ждать помощи в трудную минуту?» и т. д. и т. п.

Но и после такого опроса ставить точку рано. Круг претендентов сужается, однако целенаправленное изучение не заканчивается. В дальнейшем предполагаются индивидуальные беседы, наблюдения, обобщенные независимых характеристик, составленных на основе мнений командиров, сослуживцев, пробные поручения, при выполнении которых проявляются задатки лидера...

Думается, важно будет комсомольцам услышать и мнение на этот счет старших товарищей — коммунистов. Ведь партийное руководство и в том, чтобы подсказать, посоветовать, а отнюдь не навязать свою волю. Как пример внимания и заботы со стороны парторганизации и при формировании комсомольского органа могут привести роту, где командиром капитан С. Карапетов. Здесь последовательно превращают бюро ВЛКСМ из объекта воспитания в воспитателя других. Взаимоотношения отличаются благожелательностью, стремлением помочь членам бюро ВЛКСМ осознать свою ведущую роль в роте, почувствовать ответственность за ее дела, научить организаторским навыкам, поднять авторитет комсомольского актива. И не случайно по итогам минувшего года подразделение победило в социалистическом соревновании. И в этом трудится упорно и с подъемом.

Большое значение в формировании комсомольского актива имели прошедшие от-

четно-выборные собрания. На них в ходе откровенных дискуссий рассматривался вклад каждого в достигнутые результаты по укреплению боеготовности, воинской дисциплины, выполнению задач боевой службы, отработке учебных программ.

С секретарями бюро ВЛКСМ и группкомсоргами провели сборы. Старались на них как можно больше дать молодежным вожакам практических навыков. Поэтому упор делался не на лекции и беседы, а на деловые игры, инструктивные и показательные занятия. Передовые политработники части поделились опытом проведения политической работы в караулах, индивидуального подхода к солдатам, сержантам. Сегодняшние задачи коммунистического воспитания молодежи разъяснил секретарь горкома комсомола. Члены бюро ВЛКСМ подразделения во главе с рядовым А. Асиным показали, как они готовятся к викторине, устному журналу. В другом передовом коллективе комсомольцы во главе со спорторгом демонстрировали программу спортивного праздника роты.

Подбор, обучение и воспитание комсомольского актива — кропотливое дело. Сдвиги к лучшему у нас наметились, но активность в первичных организациях еще далеко не одинакова, по-прежнему недостаточен персональный спрос с каждого комсомольца за выполнение обязанностей члена ВЛКСМ. Однако мы уже хорошо знаем, что нужно делать.

Старший лейтенант А. ШЕМЯКИН,
помощник начальника политотдела
части по комсомольской работе.

*Ордена Красной Звезды УВВ по
Северо-Западу и Прибалтике.*

Постоянно встречаться с комсомольцами, разъяснять политику партии, касаться самых острых вопросов жизни, службы считает своим долгом коммунист майор Евгений Гусев.

РУКУ, ТОВАРИЩ ПОДРОСТОК!

В ПАЛАТОЧНОМ лагере, разбитом на территории военного городка, призывно пропел горн, напоминая о том, что наступило время обеденного перерыва. И хоть полуденное солнце нещадно палило, ребята, быстро заполнившие центральную линейку, казалось, вовсе не замечали жары. Настроение у них было приподнятое. Еще был Который день подряд с ними проводят занятия не какие-то там гражданские люди, а самые настоящие сержанты и солдаты воинской части. Как тут, рядом с воинами, не почувствовать себя причастным к выполнению почетной обязанности защитника Родины!

Закончилось построение, отзвучали доклады командиров групп о наличии личного состава, и вот уже строевым шагом отряд подростков направился к солдатской столовой...

Ежегодно по традиции, установившейся в результате тесных связей комсомольской организации дивизии имени Ф. Э. Дзержинского и РК ВЛКСМ, воины-дзержинцы организуют у себя военно-спортивный лагерь, в котором на время летних каникул собираются ребята до призывного возраста. Среди них немало мальчишек, состоящих на учете в детской комнате милиции.

Работа с подростками не проста и хлопотна, но результат ее переоценить трудно. В прошлом году, например, по итогам смотра военно-спортивных лагерей для молодежи города наш коллектив занял первое место, а его воспитанники, считавшиеся в основном «трудными» подростками, в дальнейшем не допустили ни одного правонарушения.

Забота о подрастающем поколении — дело всеобщее. Недаром на XIX Всесоюзной партконференции Михаил Сергеевич Горбачев подчеркнул, что «на наших глазах растет и формируется новое поколение — поколение перестройки. Подготовка новой смены — важнейшая задача нашей партии, всего нашего общества».

В КОМСОМОЛЬСКИХ организациях дивизии имени Ф. Э. Дзержинского работа по военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения ведется уже не первое десятилетие. Правда, бывали в ней отливы и приливы, но все же в целом можно сказать, что родник молодежной инициативы не пересыхал никогда. В ее основе — обращение «И в запасе останься солдатом!», с

которым военнослужащие, завершившие службу осенью 1969 года, обратились ко всем воинам внутренних войск.

«Мы остаемся солдатами нашей великой Отчизны, — говорилось в нем. — Уволившись в запас, активно включимся в работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Станем во главе отрядов красных следопытов, будем прививать ребятам любовь к Вооруженным Силам. Примем активное участие в обучении населения правилам гражданской обороны, возьмем шефство над трудновоспитуемыми подростками, передадим им знания, полученные в армии, создадим новые оборонные кружки и секции...» Этот патриотический почин был одобрен XVII съездом ВЛКСМ, нашел широкую поддержку не только в наших войсках, но и во всех Вооруженных Силах.

С той поры, покидая родную часть, дзержинцы уносят с собой комсомольский наказ: оставаться защитниками нашей великой Родины!

И хотя, заметим, принять активное участие в работе с мальчишками, с теми, кому вскоре предстоит встать в солдатский строй, удается не всем, многие все-таки находят в круговерти житейских дел и забот время для занятий с подростками в школах, ПТУ, техникумах, на предприятиях. Среди них делегат XXVII съезда КПСС, кавалер ордена Трудовой Славы, машинист локомотивного депо «Юдино» Казанской железной дороги ефрейтор запаса А. Логинов, берущий на практику далеко не шелковых парней из железнодорожного ПТУ. Анатолий Алексеевич закончил службу в 1970 году, но связи с частью не теряет.

Немало среди уволившихся в запас воинов-дзержинцев и тех, кто решил непосредственно связать судьбу с воспитанием подрастающего поколения.

Так, отслуживший срочную в 1977 году член комитета ВЛКСМ части старшина запаса Владимир Парпура за активное участие в общественной работе был избран у себя на родине в состав райкома комсомола. Ныне он инструктор отдела спортивной и оборонно-массовой работы Свердловского обкома ВЛКСМ. Заведующим этим отделом Ивановского обкома ВЛКСМ работает тоже бывший член комитета ВЛКСМ части Евгений Лебедев.

Многие из воинов-дзержинцев продолжают служить в органах внутренних

дел. Есть среди них и инспекторы по делам несовершеннолетних. К слову, 9 января «Красная звезда» писала об одном из них — старшине милиции Сергее Бучине, смело вступившем в схватку с вооруженным преступником.

ПРИМЕРОВ тому, как, уволившись в запас, воины-дзержинцы остаются верными солдатами Родины, немало. Но в то же время жизнь показала, что одного желания принимать участие в работе с подростками бывает недостаточно. Для этого нужны педагогические навыки, умение расположить к себе пацанов, сплотить, повести за собой. Кроме того, надо владеть основами организаторской работы с молодежью (уметь, например, провести военизированную игру «Зарница» или поход по местам революционной, боевой и трудовой славы народа и т. п.). Вот почему при комитетах ВЛКСМ частей были организованы школы нештатных инструкторов начальной военной подготовки, патриотического воспитания и оборонно-массовой работы.

В комсомольских коллективах, где молодежными вожакими молодые коммунисты А. Гошко и В. Касюлин, такие школы действуют практически круглогодично. В них по рекомендациям первичных комсомольских организаций зачисляются военнотруженики, прослужившие полтора года, имеющие только хорошие и отличные результаты в боевой службе, боевой и политической подготовке, дисциплинированные, проявившие организаторские способности, активно участвуя в общественной жизни рот.

Занятия проводятся по два часа в неделю. Их программа утверждена комитетом комсомола части. Преподают офицеры-политработники, партийные и комсомольские активисты, работники местного РК ВЛКСМ, учителя подшефной школы, носящей имя воспитанника дивизии, Героя Советского Союза А. И. Сережников. По окончании занятий со слушателями проводятся собеседования и успешно сдавшим зачет выдаются свидетельства.

Уже первые выпуски школ показали, что комитеты ВЛКСМ на верном пути. Свидетельством тому — и отзывы из местных комсомольских органов, и письма самих наших бывших однополчан.

Вот, например, что написал в комитет ВЛКСМ части выпускник школы прошлого года старший сержант запаса А. Некряч: «Я решил продолжить учебу в Киевском педагогическом институте, а по вечерам занимаюсь при ДЭЗе с «трудными» подростками. Ребята относятся ко мне с уважением и доверием, прислушиваются к советам, а я стараюсь быть для них не столько наставником и учителем, сколько просто старшим товарищем».

Подобное письмо прислал и старший сержант запаса Ю. Кривошеев. Он со-

общает, что занятия в школе, а потом в пионерском лагере помогли ему в выборе профессии. Юрий твердо решил стать педагогом, поступил в Новосибирское областное педагогическое училище.

Не пропали даром приобретенные знания и для старшего сержанта Олега Евтушенко, ефрейтора Владимира Синицына. Они оба были рекомендованы для работы во Всесоюзный пионерский лагерь ЦК ВЛКСМ «Орленок» пионервожатыми.

ДВА часа в месяц — это, согласитесь, совсем немного, чтобы чему-то обстоятельно научиться. Вот почему это время используется в основном для приобретения слушателями теоретических основ, усвоения наиболее сложных вопросов, таких, например, как «Работа комсомольского актива по выявлению лидеров «неофициальных» групп», «Профилактика наркомании, пьянства среди молодежи допризывного возраста», «Организация патриотических объединений, оборонно-спортивных лагерей, клубов «Юный дзержинец». Практические же навыки они получают, участвуя в свободное от службы и учебы время в шефских связях со школами, детскими домами, ПТУ, заводскими клубами и Домами культуры.

Помогают военрукам, участвуют в военно-спортивных играх «Зарница» и «Орленок», рассказывают мальчишкам о службе, дружбе солдатской.

Так, старшие сержанты В. Гуцин, С. Локтев, сержанты Р. Маслий и В. Шмонин, которым в этом году увольняться в запас, участвовали в проведении с подростками уроков мужества, месячника оборонно-массовой работы, занимались начальной военной подготовкой. Старший сержант А. Новиков, ефрейторы Ю. Терешин, Д. Корнейчук, В. Вальмус, А. Каржановский организовали тематический вечер «Музыка и современность» для ребят, чьи родители трудятся на заводе «Машиностроитель», шефствующем над воинской частью. Рядовые Д. Никонов, В. Ковалев провели соревнования по легкой атлетике, футболу, наладили досуг в том самом военно-спортивном лагере, с которого я начинал рассказ. Что же касается результатов проделанного, то, судя по отзывам секретаря РК ВЛКСМ, нынешнее лето запомнится мальчишкам не только тем, что выдалось щедрым на солнце, но и увлекательным, богатым на спортивные состязания, игры. Оно приобщило ребят к простой, без излишеств, но насыщенной солдатской жизни. А значит, помогло им стать более зрелыми в суждениях, благородней в поступках, добрее и человечнее.

Капитан А. СИМОНОВ.

Орден Ленина и Октябрьской Революции, Краснознаменная дивизия имени Ф. Дзержинского внутренних войск.

ОСТАЮСЬ С ВАМИ

Перестройка в войсках — это и обновление кадров. Естественный процесс смены одного поколения офицеров другим ныне ускоряется. На командные, ключевые посты в частях и подразделениях приходят молодые, хорошо подготовленные и энергичные офицеры. А те, кто уходит в запас, какой след оставляют они в воинских коллективах!

Большинство из них честно исполнили воинский долг, внесли посильный вклад в укрепление боевой готовности, совершенствование боевой выучки, сплочение воинских коллективов. С них еще долго будут брать пример те, кто займет их место в строю. С почетом и грустью провожают их сослуживцы на заслуженный отдых.

Об одном из таких офицеров, полковнике Игоре Александровиче Ракульцеве, до недавнего времени командире части, и рассказывает наш корреспондент.

БЫЛ март, вовсю сияло молодое ослепительное солнце, отражаясь в снегах, на Волге уже начиналась навигация, а на малых ее притоках, таких, как Которосль, еще лежал обглоданный ветрами лед. Из окна были видны черные точки рыбаков, расположившихся над невидимой подо льдом водой.

«Все, на следующую зиму сам возьму удочку, порыбачу впервые за тридцать лет, — мечтательно подумал полковник Игорь Александрович Ракульцев. — Хотя где тебе, пойдешь работать. Без работы ты не можешь», — возразил он сам себе.

Да, командир части полковник Ракульцев собирался на пенсию, выслужив установленный срок. В части об этом знали, пожалуй, все. И ждали, каждый по-своему. Когда меняется руководитель такого ранга, все ждут перемен, обновления, одни с надеждой, другие с сожалением. Что же касается самого Ракульцева, к которому теперь приглядывались особенно внимательно, испытующе, надеясь заметить перемены в нем самом, в поведении, отношении к делу — обычные, естественные перемены, когда человек поставит точку в своей военной биографии, то он, кажется, не думал о предстоящем увольнении.

Но, конечно, это было не так. Хочешь, не хочешь, а мысли о грядущей и близкой теперь перемене в жизни всплыва-

ли, разбуженные порой невольным предлогом. Вот и сегодня, когда пришлось беседовать с лейтенантом, командиром взвода, чью должность сократили, и вакансии в части не оказалось. Ему предложили должность в другой, но лейтенант написал рапорт об увольнении, так и не хлебнув офицерской жизни.

Он попытался осмыслить новую ситуацию: лейтенант, да любой офицер может сейчас вот так запросто написать рапорт на увольнение и... Немыслимое еще несколько лет раньше решение! Чем оно вызвано у лейтенанта? Только ли нежеланием покидать понравившуюся уже часть? И чего можно ждать от такой свободы выбора, не побегут ли офицеры из войск, столкнувшись с трудностями службы, быта, самоутверждения — их еще немало в подразделениях на пути офицера?

Им, его сверстникам, выбирать можно было только один раз — поступая в училище. А дальше — что бы ни случилось, в службе, обязан был выстоять, выдержать любые перегрузки и остаться в строю. Попытка уйти от службы расценивалась всеми, да и им самим, как дезертирство, чуть ли не предательство.

А тут личное желание лейтенанта — хочу или не хочу служить — должно быть принято им, командиром, как самый веский довод.

Игорь Александрович задумался, пытаясь представить себя на его месте, тем лейтенантом, каким он начинал службу в внутренних войсках много лет назад. Были ли у него самого такие моменты, когда хотелось написать рапорт на увольнение?

Пожалуй, были. И неустроенность: служба никогда не баловала его городами и благоустроенными квартирами, и несправедливость, предвзятость начальников — все это было, но все как-то перетерпелось, переломалось, и он выстоял, поборол в себе малодушные побуждения бросить все и начать другую, гражданскую жизнь. Теперь он видел, что другой жизни у него не могло быть, он нашел себя здесь, в войсках, утвердил себя как офицер и как человек.

«И все-таки с каждым годом работать труднее, — подумалось снова Игорю Александровичу, — время сложное. Да,

557
552

может быть, это только для меня, годы берут свое?»

Что говорить, бытует еще мнение, что с годами человек вырабатывается на должности, перестает искать новое. Мол, к пенсии подходят люди, как самолет на посадку, с выключенными двигателями, продолжая полет по инерции, набранной где-то в начале пути. Некоторые откровенно «дотягивают», их скорость тормозит тех, кто рядом. Не раз приходилось слышать об офицере, подходящем к увольнению в запас, такое: все отдал человек для службы, все взял от нее, дослуживает. Им иногда и прощают многое, из прошлого уважения, а порой стараются от них поскорее избавиться.

Но Игорь Александрович не из таких, оборотов не сбавляет. Об этом говорят не только стабильно высокие результаты служебно-боевой деятельности части, но и люди, окружающие его, те самые, которые присматриваются к нему сейчас особенно пристально.

— Могу привести один пример, он в этом смысле показательный, — говорит его заместитель подполковник Николай Иванович Безжон. — Родилась у нас тут идея построить спортзал для солдат. Все для этого есть, нет места. Нужно «выбить» хоть две сотки территории, да ведь в городе стоим, вокруг все занято, застроено. Решить может только председатель горисполкома, а как к нему подыхать? У меня не получилось. Командира сначала и занимать этим не стал: спортзал-то наверняка построим, когда он уже на пенсию будет, какая ему от него слава? Не каждый возьмется хлопотать для других, портить отношения с местным начальством. А Игорь Александрович все взял на себя. Уговорил высокое руководство приехать с представительной комиссией, все показал, убедил. И вот результат — решение получено. Спрашивается, нужны ли человеку лишние, не свои уже, хлопоты, если о себе больше, чем о деле, думает?

...И все-таки мысли о том, что оставляет он после себя в части, чем будет памятен он здесь лет этак через... не давали покоя командиру. Так уж устроен человек, что свыкается с работой, прирастает к ней душой, особенно если она беспокойная, требует многих сил, выдержки, выжимает из тебя все, на что способен. Даже чем труднее работа, тем она притягательней. Трудности, которые порой клянешь, от которых стремишься избавиться, преодоленные, обретают романтическую окраску и кажутся прекрасными, западают в память. Не потому ли так привязаны первопроходцы к неуютным заброшенным поселкам, так тянет ветеранов к местам боев?

Мог бы сказать он себе без похвальбы, что немало сделано в части за время, прошедшее с того дня, когда он вступил в командование ею. Вон как преобразился военный городок, еще не потускнел кирпич новых зданий, значительно улучшивших быт солдатский. Но не этим одним, даже, наверное, совсем не тем должен гордиться офицер-руководитель. Правда, бытует еще и такой взгляд на де-

ловые качества командира: если умеет строить, улучшать быт, наводить лоск, то уже и способный руководитель. Слов нет, это качество — хозяйская хватка — для командира необходимо. Без него не прожить, имея такое обширное, многотрудное хозяйство со многими военными городками, учебными объектами, стрельбищами. То же жилье для офицеров и прапорщиков, попробуй, найди подходы к местным властям, выбей, как это приходится еще делать. Все должен уметь командир, обо всем заботиться. И то, что в части нет бесквартирных, и офицеры и прапорщики в целом удовлетворены в жилье — немалая заслуга Ракульцева, высоко ценяемая подчиненными.

Однако самым главным Ракульцев считал то, какой моральный климат создает командир в части, с какими идеями и настроением служат здесь люди. Он уверен, что в части, подразделении все начинается с командира, все от него зависит. Поэтому так пристально приглаждался к самому себе, своим подчиненным — командирам рот и батальонов.

* * *

В БАТАЛЬОН подполковника Николая Федоровича Малеваного Ракульцев прибыл под вечер. Удивительные эти вечера у водоемов Поволжья. Небо как бы переворачивается, падает на водную гладь, и звезды колышутся, переливаясь, уже и под ногами, и над головой. Если долго смотреть в промежуток над настоящим, реальным небом и отраженным, закружится голова, и вдруг покажется, что исчезает сила притяжения земли и теряешь точку опоры.

Зыбкое это состояние только что испытал Игорь Александрович, разбирая «дело» офицера, провинившегося перед службой.

А вина его была такой: назначенный на проверку в одно из подразделений, офицер там не появился. Говоря языком штатским (а в военном лексиконе и нет такого слова, означающего «невыход на службу»), — прогулял.

Собственно, за многолетнюю командирскую практику у Ракульцева это был первый случай среди офицеров. Прапорщики — да, бывало. Разбирались, наказывали. А вот с офицерами не случалось. И с каким офицером! Только что он, командир, направил на него представление на очередное воинское звание, оно еще на верняке и до Москвы не дошло.

Когда Ракульцеву доложили о проступке, он внутренне смешался: вот от кого не ожидал! А считал ведь, что знает этого человека, внимательно следил за его служебным ростом. В чем же тут его, командирский, просчет? Было отчего потерять почву под ногами.

Кстати, не многие еще командиры видят в проступках своих подчиненных отражение собственных просчетов в воспитании. И сам Ракульцев не сразу, годами вырабатывал в себе это непростое свойство: думать не только о том, как спросить с подчиненного, если он провинился, но и о том, что изменить в самом себе, в своем отношении к делу, к людям.

Ракульцев вызвал старшего лейтенанта для беседы. Но кроме заученного и сухого «виноват», никакой информации он не получил, как ни пытался разговорить виноватого.

Одного правила он старался придерживаться всегда: не спешить с наказаниями. В части знали, что Ракульцев бывает крут, но никогда эта крутость не бывает поспешной.

— Напрасно не покайся, — говорили старшему лейтенанту сослуживцы, — повинную голову меч не сечет. Может, помягче обойдется командир...

Холопская, рабская эта поговорка, оставшаяся пока кое у кого в принципах поведения, только раздражала Ракульцева. Дело ведь не в покаянии. Признался, не признался — что за этим? Важнее для Ракульцева было другое: не получилось доверительного разговора с подчиненным. Почему? Давно усвоил командир: первый признак падения дисциплины — недоверие, неискренность офицеров между собой, особенно в отношениях с командиром. Уходит человек от откровенного разговора, значит, перестал доверять, а следом можно ждать многих недоразумений.

Что и говорить, точило его самолюбие это недоверие, и шевелилась где-то глубоко мыслишка, что откровенность можно бы и стимулировать, намекнув на обстоятельство: вот снимет он сейчас трубку, и отложат дело о присвоении звания по крайней мере на полгода-год.

Но каждый раз, размышляя, кого наказать, а кого поощрить, видел командир перед собой не только того, чью участь решал, но и тех, кто был вокруг, потому что, воздействуя на одного, он влиял на целый коллектив. Тонкое это дело. Не разделял Ракульцев мнения тех, кто строгость командира оценивает по тяжести раздаваемых им взысканий. Не верил и в необходимость неотвратимости наказания как меры профилактической. Не раз убеждался, что нельзя методы работы с преступниками переносить на людей оступившихся, ошибающихся. Иной раз простить, не заметить лучше, чем наказывать. Совестьливый человек поймет этот жест командира, сам осудит себя строго, зарубит в памяти крепкую зарубку и не повторит ошибки никогда.

Решая такие воспитательные задачи, Ракульцев никогда не оглядывался на так называемое общественное мнение, считая в армейском коллективе это совершенно недопустимой слабостью командира. Сейчас, в пору гласности и демократизации, много пошло разговоров, а то и споров на этот счет. Мол, руководителю нужно изучать мнения в коллективе, это поможет наладить лучшее взаимопонимание с подчиненными, развить их активность. Кое-кто такие принципы переносит и на армейский строй, в нашу войсковую среду. Вроде жизнь требует от командира перестройки, переоценки привычного, в том числе и того, что было испокон веку присуще командиру. Даже поощрять и наказывать — командирская прерогатива — теперь желательно, посоветовавшись с коллективом, ну хотя бы с партийным бюро. В этом осуществляется якобы тре-

бование сегодняшнего дня, демократизация: опираться на мнение коллектива.

Ну, конечно, опираться можно и нужно. Только умелый командир это мнение формирует еще до того, когда оно будет коллективным и коллективом высказано. А неумелый прислушивается, что там говорят за спиной, и корректирует свое поведение и решение в соответствии с одобрением или неодобрением массы. И чаще не угоджает ей, командир всегда должен оставаться единоначальником, его дело — вести людей за собой.

***

НО СЕГОДНЯ он занимался другими людьми. Людьми дела, которому служат всей душой. Тот же Николай Федорович Малеваный, офицер опытный, бывалый, но в новой должности еще необкатанный. К нему у Ракульцева особое отношение. Вообще командир части комбатом выделял, ставил их выше остальных своих офицеров. Комбат — командир, полномочие его в своих пределах не должно сдерживаться. Как сам Ракульцев испытывал подчас неудовлетворенность из-за того, что в чем-то его ущемил или обошел старший начальник (а чаще это случилось не по вине начальника, но по активности его окружения: от вторых, третьих, а порой пятых лиц в должностной иерархии), так и у себя в части не позволял никому вмешиваться в дела, принадлежащие компетенции комбата. Все недоразумения и проблемы с ними решал лично, ставя их мнение впереди мнений даже многоопытных офицеров из своего штаба. Почему? Тут у него была целая философия, суть которой сводилась к тому, что командир — хозяин. Если ему доверили дело, значит, не надо мешать исполнять его по своему разумению. Возможны ошибки? Конечно. Со стороны — порой виднее. Иной узкий специалист заметит, попытается вмешаться. А комбат сопротивляется. Ракульцев обычно поддерживает этого строптивого своего комбата: пусть себе и длиннее и тернистее путь выбирает, но свой, пусть даже шишек набьет из-за упрямства. Но иначе как воспитать самостоятельного и ответственного офицера, командира? Бесконечные поправки, мелкие вмешательства, вожжи старшего начальника могут только приучить к лакейству и отбить инициативу.

Не все в штабе понимали и разделяли эту точку зрения Ракульцева, кто-то даже возмущался, когда он принимал сторону комбата, в чем-то даже откровенно неправого. Ракульцев в таких случаях не объяснялся: как объяснишь, что человек ищет свой почерк, учится свою позицию отстаивать, а без этого поиска и ошибок командир не состоится?

Вот таким строптивцем, желающим показать свое, проявить себя в деле самобытно, и был Николай Федорович Малеваный.

Заслушав доклад о делах в батальоне, Ракульцев первый день в бумаги не заглядывал. Вместе с комбатом обошел и объехал все объекты, склады, мастерские, казармы, заглянул на подсобное хозяйст-

во, встретился с офицерами, сотрудниками взаимодействующей стороны. Беседовал с людьми как бы без цели и программы. Но уже к вечеру накопилось у командира части немало вопросов к командиру батальона, ответ на которые мог, конечно, дать и сам, но хотел проверить, как думает Малеваный.

Несколько месяцев назад Ракульцев знакомил Малеваного с хозяйством, ввездил, как принято это называть, в должность. А теперь уже заметна разница между тем, что было в батальоне тогда и что сейчас. Без шума, без авралов новый комбат сумел заметно подтянуть батальон. Невыразимо это пока в цифрах и внешне почти неуловимо: те же офицеры, те же солдаты, а что-то изменилось в их настрое, как-то уверенней держатся люди, появилось что-то вроде самоуважения, гордости за свой батальон.

Ракульцеву нравилось, как командует Малеваный. Без внешнего нажима, интеллигентно, без «яканья», так свойственного порою начинающим.

За много лет офицерской службы заметил Ракульцев, как постепенно и неотвратимо меняется облик командира. Новая волна офицеров на командных должностях — из военных академий, с образованием и культурой, воспитанной с детства, принесла в части новые принципы отношений, новый климат. Куда девались любители крепкого словца, с зычным голосом и замешанным на сапожной мази «казарменным» юмором? Как-то незаметно оказалось, что подчиняться командиру можно не под давлением окрика, угрозы наказания, а сознательно, следуя логике командирской требовательности.

Именно такие офицеры были у него в части. Те же его заместители — подполковники Геннадий Поликарпович Торопов и Николай Иванович Безжон. Кто из них займет его место, он пока не знал, но готов был рекомендовать каждого. Не смущало его и то, что оба они не скрывали желания стать командиром. И это тоже черта сегодняшнего дня: люди перестали стесняться претендовать на руководящую должность, даже предлагают себя на нее. Свои Боссерты появились и в войсках, и Ракульцев не спешил осуждать людей за это. Плохо ли, что человек заранее готовит себя к более ответственной и объемной работе, примеряется к ней не тайком, а открыто? Разобраться в этом ему, воспитанному в другом духе, было трудно, но он знал, что время рассудит. В одном он был убежден твердо: соревнование, сопоставление людей при отборе на выдвижение всегда на пользу.

Вы заметили, что стройные сосны не растут в одиночку? Одинокое дерево коряво, малоросло, сучковато. Зато чем теснее лес, чем больше скученность, жестче конкуренция за клочок земли и луч солнца, тем выше и выше стремятся стволы, наливаясь звонкой силой струны.

Не то ли происходит и с человеком? В отрыве от коллектива, без соперничества, состязательности не достигает он кондиции в своем деле, не растет ввысь, не тянется к свету.

552
553

Так вот, оценивая их, наследников, Ракульцев видел, что смена идет достойная. В последнее время он чувствовал, что где-то и в чем-то уступает им. На партийном собрании недавно услышал критику за то, что нарушил план работы, утвержденный им же неделей раньше. Поначалу возмутился: на то и командир, чтобы учитывать обстановку: изменились обстоятельства — меняй планы, не держись за бумажку, пусть и утвержденную тобой. Какое тут может быть другое мнение?

Но, поостыв, поразмыслив, согласился, что стиль его: немедленное упреждающее вмешательство, дополнительный, по обстоятельствам контроль, незапланированные выезды — все-таки уже не воспринимается как современный и единственно верный. Современный офицер-руководитель уже видит альтернативу: хорошо продуманный план, учитывающий все вероятные обстоятельства, сам по себе обеспечит нормальную, без срывов и перегрузок работу коллектива.

В принципе не возражая против этой точки зрения, Ракульцев в душе считал ее приверженцев идеалистами. Все предвидеть нельзя, подкашивал ему опыт. Но то, что делали его заместители, вгоняя, втачивая, вработывая в план, говорило ему другое: план может быть оптимальным, но тогда ты, командир, как бы отстраняешься, становишься рабом плана. А это было противно самой идее его понимания единоначалия. Командир должен был распространять свою власть и на план, а не подчиняться плану, пусть и утвержденному им самим.

Но новые взгляды, как бы ни казались они ему непривычными, им не отклонялись, что называется, с порога, хотя и не принимались безоголдно. Что ж, возраст есть возраст, он учит осторожности, и эта, по мнению некоторых, несвоевременная черта во многих случаях помогала командиру без потрясений вести свою часть к успеху.

• • •

ПРОВОЖАЛИ командира светлым летним днем. С утра сияло горячее солнце, и легкая дымка размывала линию горизонта за Волгой. В последний раз он пришел в часть как командир, и все еще хотелось сделать замечание, увидев непорядок, и трудно было освободить себя от мысли, что это уже дело другого человека. Но по-прежнему светлел его взгляд, когда четким строем шли его солдаты, и не уходило чувство, что сам он — неразрывен с ними.

— Я всегда с вами, дорогие мои однополчане,— сказал он, простившись с Боевым Знаменем воинской части, чести которого не запятнал.

В эти простые слова верили все, кто стоял в строю. И не потому только, что привыкли верить командиру. Просто знали: сколько бы лет ни прошло, как бы ни сложилась у них судьба, память о командире останется навсегда, и, вспоминая о службе, каждый из них скажет о нем: «Мой командир».

Полковник В. ЛОСЕВ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

■ ТРУДНЫЕ ДНИ 53-ГО ГОДА (ОКОНЧАНИЕ ПОВЕСТИ) ■ МАШИНОЙ СБИТ СОЛДАТ — НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ИЛИ?.. (НОВАЯ ОСТРОСЮЖЕТНАЯ ПОВЕСТЬ) ■ НИТЬ ПАМЯТИ — ИЗ ТРУДНОГО ДЕТСТВА (ПОЭМА) ■ ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА: НАДО ЛИ КРАСНЕТЬ ЗА ВОЙСКА?

Овидий ГОРЧАКОВ,
Владимир ПАВЛОВ

СОВЕСТЬ КОММУНИСТА

Документальная повесть

Не забыл он и о Строкаче. Он не любил пустых угроз. Каждая его угроза была приговором, а приговоры свои Берия приводил в исполнение немедленно. По приказу Берии его заместитель по кадрам генерал-лейтенант Обручников позвонил во Львов Строкачу и ледяным тоном коротко приказал:

— Приезжайте в Москву!

— Кому сдать дела? — так же коротко спросил Строкач.

— Потом пришлем человека. Примет без вас. — Обручников положил трубку. Вот оно! Началось...

Хорошо бы проститься с семьей, а семья в Киеве. Как на грех тяжело болел сынишка — девятилетний Василек. У мальчугана местное заражение крови...

Строкач открыл новую пачку «Казбека». Закурил. Отметил, что рука не трясется. Сделал несколько глубоких затяжек. Пепел не падал с папиросы.

Он позвонил в Киев Мешику.

— Разрешите заехать в Киев?

— Не разрешаю, — величественно отрезал Мешик. И тут же с издевкой и злорадством затараторил: — Ну как? Попало тебе от Эл Бэ? То-то! Впредь будешь паинькой... А все-таки Мельников хреновый конспиратор. Сразу взял да и позвонил мне после твоего разговора с Сердюком. Выдал шпиона ЦК!

Так вот кем они его считают — шпионом ЦК! Одной этой неосторожной фразой самодовольный морфинист Мешик выдал свою банду — эта банда противо-

поставила себя партии, таится от нее, шпионит за ней, стремится подмять под себя партию! А во главе этой банды стоит, конечно, не Мешик, а Берия. Вот зачем понадобились Берии компрометирующие материалы, и прежде всего на руководящих партийных и советских работниках...

Сдав дела своему заместителю, Строкач немедленно вылетел в Киев — он все-таки решил проститься с семьей вопреки запрещению Мешика. В самолете, под гул моторов, Строкач упорно думал, припоминал все события последних дней, анализировал. Много стало ясным для него теперь. Все четче вырисовывались зловещие контуры смертельно опасного для страны, для партии заговора Берии.

Вот и Киев, улица Ленина, знакомый подъезд. Навстречу кидаются Наташа и Ляля. Обнимает жена Поля, Пелагея Марковна. Она первая, по каким-то неуловимым для постороннего глаза, только ей известным признакам, догадывается: случилось что-то страшное.

— Что с тобой, Тима? Что стряслось, папа? — спрашивали его со всех сторон Ляля, Наташа, Поля. — Куда ты собрался? Ты же совсем больной. На тебя смотреть страшно! Никуда тебе нельзя ехать.

Ничего не рассказал родным генерал. Отмолчался. И этим еще больше усилил их тревогу...

А сынишка метался в бреду. Температура — сорок. Все тело Василька в гнойниках. Глаза закрыты. Голова беспокойно мечется по подушке.

Окончание. Начало в № 10.

553
114

Генерал склонился над кроватью сына. Почему-то вспомнил отца, погибшего от кулацкой пули. Всю жизнь гордился он отцом. А Василек? Что расскажут ему об отце? Что был казнен, расстрелян как враг, как изменник?

В ту бессонную, полную неотвязных мучительных дум ночь в Киеве, наверное, немало седых волос прибавилось у Строкача, немало новых морщин процертило лицо...

Обручников встретил Строкача, вошедшего в его кабинет, фразой резкой, хлесткой, как удар бича:

— Не умеешь работать... твою мать!

Обручников холопски копировал не только методы, но и манеры речи своего «хозяина» — Эл Вэ. Заместитель министра по кадрам был типичным «флюгером», «ванькой-ванькой» — только так и устраивали Берию.

— Не понял изменения обстановки, — продолжал Обручников. — «Хозяин» посылает тебя в новую область, заместителем начальника управления. Уходи, у меня нет времени.

Напрасно в тот день пытался Строкач попасть к Берии, к его заместителю Круглову. Строкачу уже выписали командировочное предписание — во Владимир. И тут его точно осенило. Так вот что придумал Эл Вэ! Он решил направить генерала Строкача во Владимир, а там его спокойно, без лишнего шума, введут не в кабинет, а в камеру бериевской тюрьмы особого назначения — для сверхважных преступников, для личных врагов Эл Вэ!

Чтобы убедиться в своих подозрениях, Строкач заглянул к Амаяку Кубулову — начальнику инспекции контроля и особых поручений. Встреча с ним окончательно раскрыла глаза Строкачу на заговор Берии.

Когда Строкач вошел в кабинет Амаяка Кубулова, тот вскочил, вытянулся во весь свой огромный рост. Амаяк был выше даже своего брата, первого заместителя Берии, гиганта Богдана, но не успел еще ожиреть, как он. Тигриные глаза Амаяка хищно вспыхнули. Блеснули крепкие белые зубы под иссиня-черными, щеточкой, усами. Затряслись синеватые, не поддающиеся бритве щеки.

С бешеной бранью кинулся он на Строкача, а затем, когда гнев его поулегся, принялса безудержно хвастать:

— Что ты понимаешь! Лаврентий будет командовать теперь всем ЦК, Советом Министров, всей страной! И не только этой страной! Что ты понимаешь! Лаврентий теперь установит свой порядок. Старым порядкам конец. Он всемогущий человек, наш Лаврентий! — Амаяк Кубулов расправил могучие плечи, потрогал усики. Он очень гордился своей внешностью. — Про Мельникова знаешь? Напоролся твоей Мельников на Мешика и полетел. Ко всем чертям полетел!

Строкачу теперь все было ясно. Одно только сжимало сердце тревогой: поз-

волит или не позволит ему эта банда — банда Берии — покинуть здание министерства свободным человеком? Пропуска ему не надо — он входил и выходил по депутатскому удостоверению. Но что для бандитов неприкосновенность депутата!

Постовой у выхода козырнул и пропустил генерала беспрепятственно.

Очувтившись на площади Дзержинского, вне стен штаба Берии, Строкач вздохнул свободнее. Он ясно понимал свой долг — любым путем, чего бы это ни стоило, пробиться к секретарю ЦК КПСС. Партия в опасности! Родина в опасности! Надо спешить!

В ЦК, конечно, знают все и без него разберутся... А вдруг не знают? Нет, он, коммунист, за все в ответе!

Строкача подмывало бежать. Но он шел медленно, словно вышел на прогулку без всякой определенной цели. Он не повернул прямо к Старой площади, а пошел кружным путем мимо Большого театра, мимо гостиницы. Строкач знал: Берия, расчетливый, хитроумный, изощренный в интригах, примет все меры к тому, чтобы препроводить его, Строкача, во Владимир. И он не ошибся: у Музея Ленина, не оборачиваясь, краем глаза увидел он двух мужчин в штатском, следовавших за ним. По темносиним костюмам, по расклешенным брюкам и неуклюже надетым шляпам безошибочно распознал бериевских «хвостов». Сильнее заколотилось сердце. Только бы выдержало оно. Только бы не сдали нервы.

Значит, в ЦК идти нельзя. Хотя — вот оно, десять минут и — знакомое бюро пропусков... В одно мгновение его схватят, бросят в подоспевшую автомашину... Нет горше участи, чем по злому навету быть безвинно уничтоженным. Уничтоженным как враг, как изменник.

Строкач замедлил шаг, чтобы закурить папиросу. «Хвосты» тоже... Строкач остановился, пропуская в здание Музея Ленина отряд пионеров...

Нет, Строкач не пойдет сейчас в ЦК. Он свернул в ГУМ, стал ходить от прилавка к прилавку. Хорошо вышколенные «хвосты» неотступно следовали за ним, приближаясь в густой толпе, держась в отдалении, когда толпа редела...

Позвонить Хрущеву? Автомат рядом. Номер телефона в кармане. Но Берия, конечно, и это предусмотрел. Накинутся, вырвут трубку. И увезут туда, откуда нет возврата. Да и разве расскажешь все по телефону! Могут не соединить, Хрущев может не быть на месте... Нет, рисковать нельзя! Не своей головой он рискует, а самым важным, самым дорогим на свете...

Во многих передрыгах и переплетах побывал Строкач — в тайге, на границе, на войне, в борьбе с бандами. Но никогда не волновался так... Решение пришло внезапно. Правильное, спасительное решение. Строкач повернул назад к министерству и вошел в подъезд.

Врач осмотрел генерала и сразу же признал его больным. Сильное сердцеби-

ение, стенокардия, крайне возбужденная психика. Нарушены нервные рефлексы. Диагноз: резкое переутомление. Показан длительный постельный режим... А еще недавно пятидесятилетний генерал был абсолютно здоровым человеком.

Строкача отвезли в больницу на Кирпично-Пехотную улицу, поместили в отдельную палату. В этой белоснежной палате тихо, уютно, спокойно. Но покой этот был только кажущимся. Когда заботливые сестры уложили генерала в постель, кто-то повесил на двери его палаты табличку с надписью: «лечение сном».

Это значило, что никто не имел права войти в эту палату. Нетрудно догадаться, по чьему приказу был отрезан от всего мира генерал Строкач.

Но не таков Строкач, чтобы пасть духом. В той палате, находившейся под надзором недреманного ока бериевских агентов, написал он письмо — лично секретарю ЦК КПСС. Заявление от коммуниста Строкача, О действиях Берии,

В этом коротком и ясном заявлении Строкач просто, без ложного пафоса писал, что Берия стремился поглотить себя над партией и правительством, а это повело бы к разрушению Коммунистической партии, к ликвидации завоеваний Великой Октябрьской революции.

Но как передать в ЦК это заявление из больницы МВД, где слово Берии — закон?

Это сделали простые советские люди. Никакие владычества Берии и его приспешников не могли уничтожить или запугать всех честных, мужественных, верящих в дело Ленина, в партию людей. Началась эстафета беззаветного мужества. Из одних чистых и честных рук в другие честные и чистые руки переходило заявление коммуниста Строкача. И, наконец, легло оно на стол секретаря ЦК...

Строкач в те дни узнал о многих преступлениях Эл Бэ. Желая выслужиться перед Сталиным и предстать в роли спасителя, этот коварный Мефистофель организовал «обстрел» катера Сталина на Черном море. На самом деле наймиты Берии палили с гор в белый свет как в копеечку. Когда они явились к своему шефу за вознаграждением, Берия приказал их без шума убрать. Это мнимое покушение он использовал как повод для уничтожения председателя ЦИК Абхазии Лакобы и других честных большевиков. Террор, развязанный Эл Бэ в Армении, начался с убийства первого секретаря ЦК Коммунистической партии большевиков республики Ханджяна и смещения Тер-Габриеляна с поста председателя Совнаркома Армении — он был убит позднее.

4 февраля 1940 года по приказу Берии был расстрелян кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Р. Эйхе, Я. Рудзутак, бывший заместитель председателя Совнаркома СССР, отказавшись наотрез на суде от ложного признания, вырванного

у него под пытками, но это не спасло его. По приказу все того же Эл Бэ расстреляли и популярного в народе партийного лидера Кабардино-Балкарии Бетала Калмыкова...

Нет числа жертвам бериевского террора, косившего цвет партии, цвет народа накануне Великой Отечественной и после нее.

Убежденный в конечной победе своих зловещих планов, Берия шел напролом к установлению своей диктатуры. Это особенно стало заметно после кончины Сталина. Самонадеянный и самовлюбленный до крайности, этот опаснейший для Советской власти карьерист уже видел себя полновластным хозяином страны. Он уже был членом Президиума ЦК партии, первым заместителем председателя Совета Министров, главой Министерства внутренних дел, объединившего по его предложению, поддержанному Маленковым, МВД и МГБ. Над нешей Родиной нависла серьезная опасность.

И вот какой-то генерал с периферии спутал его карты. Узнав о готовившемся Берией перевороте, слотились против него большинство членов Президиума ЦК партии: Хрущев, Маленков, Булганин, Молотов, Сабуров, Каганович, Ворошилов, Первухин. Пристально следили они за коварными маневрами Берии. От них не укрылись его провокационные походы разжечь в народе национальную рознь в целях дестабилизации положения в стране для оправдания задуманных им чрезвычайных мер...

Большинство членов Президиума приняло единственно правильное в этих условиях решение: снять Берию со всех занимаемых им постов на следующем совещании Президиума в Кремле. Было признано необходимым тогда же взять его под стражу, предать суду.

...Ударом грома прозвучало в ушах ничего не подозревавшего Берии неожиданное предложение Хрущева, выступившего по вопросу о положении в партии: — Предлагаю обсудить дело Берии!

Сидевший справа от Хрущева Берия схватил его за руку и рявкнул:

— Что ты, Никита?! Что ты болтаешь?!

— Сейчас узнаешь! — ответил Хрущев.

Срывающимся, задыхающимся от волнения голосом говорил он, что еще на февральском Пленуме ЦК в 1939 году старый большевик Григорий Каминский обвинил Берию в том, что он начал свою карьеру с тайной службы в мусаватистской разведке во время оккупации Баку английскими войсками. После Пленума нарком здравоохранения СССР бесследно исчез...

Хрущев говорил о грубом вмешательстве Берии во внутрипартийные дела на Украине, в Белоруссии и прибалтийских республиках, о его попытках разжечь национальную рознь, о его произволе, о стремлении к самовластию...

— Берия не коммунист, а карьерист, — закончил Хрущев.

В том же духе выступили Булганин, Молотов..

Ни жив ни мертв Берия сидел, то багровея, то покрываясь смертельной бледностью. Глаза за запотевшими стеклами пенсне были глазами затравленного зверя.

Взяв снова слово, Хрущев предложил снять Берия со всех занимаемых им постов.

В зал заседаний вслед за маршалом Жуковым вошли несколько офицеров и генералов.

Маленков повернулся к Жукову:

— Как Председатель Совета Министров СССР, прошу вас взять под стражу Берия для следствия по выдвинутым против него обвинениям!

Жуков твердыми шагами подошел к Берии. Он с ненавистью смотрел на пережившего свое время временщика. И это — Берия, тот самый Берия, по приказу которого предьявлялись голубые бумажки ордеров на арест Рокоссовскому, Мерецкову, Горбатову, Смушкевичу, Рычагову, Локтионову, Прокурору и бесчисленному количеству ни в чем не повинных советских людей!

Генерал армии К. С. Москаленко вывез Берия из Кремля под надежной охраной в штаб Московского военного округа..

Большой исторический интерес представляют его воспоминания об аресте Берии и последующих событиях как непосредственного участника этих событий. Кирилл Семенович Москаленко родился в 1902 году, юношей участвовал в гражданской войне, в 1926 году вступил в партию большевиков. В 1939 году окончил факультет усовершенствования высшего состава Военной академии имени Дзержинского. В финскую войну был начальником артиллерии дивизии, Великую Отечественную встретил командиром 1-й противотанковой артиллерийской бригады, вырос до командарма — был командующим 38-й, 1-й танковой, 1-й гвардейской, 40-й армиями, участвовал в битвах за Москву, Сталинград, на Курской дуге, освобождал Украину, Польшу, Чехословакию. После победы командовал сначала войсками Московского округа ПВО, а затем и Московского военного округа. С 1955 года — Маршал Советского Союза. Герой войны, он получил вторую Золотую Звезду в 1978 году. Вся грудь в орденах: Ленина и Красного Знамени, Суворова и Кутузова 1-й степени, Богдана Хмельницкого. Словом, один из самых боевых наших маршалов.

Вот что рассказывал он одному из нас Владимиру Павлову. — *О. Т.*):

«25 июня 1953 года я, в то время командующий войсками Московского военного округа, выехал в одну из частей под Москвой. После учений и разбора, который я сделал с командиром и офицерами этой части, мы расположились на отдых в небольшом домике, отведенном нам на территории военного городка.

Ночью меня вызвали к телефону. На проводе был Хрущев.

— Есть ли у вас, товарищ генерал, — услышал я в трубке голос Никиты Сергеевича, — люди, так же преданные нашему делу и партии, как и вы сами?

— Найдутся, товарищ Хрущев.

— Так возьми с собой три-четыре человека и приезжай ко мне к девяти утра. Не забудь прихватить сигары.

— Я не курю, — не сразу понял я. — Бросил еще в сорок четвертом.

— Это совсем не те сигары, — усмехнулся Хрущев. — Соображаешь?

Я догадался, что речь идет об оружии.

— Понял вас. Буду к девяти.

По тому, что вызывали меня к девяти (в то время все работали примерно с трех до глубокой ночи), с оружием, по тону, которым говорил Хрущев, мне стало ясно, что дело предстоит нешуточное.

Я тут же разбудил тех, кого решил взять с собой: моего порученца майора Юферева, Баксова, Зуба и еще одного офицера — фамилию не помню.

Оружия у нас с собой не было. Поэтому я вызвал коменданта и приказал принести пять пистолетов ТТ.

— Едем в ЦК, к товарищу Хрущеву, — сказал я, когда все поднялись. — Задача нам предстоит сложная, государственной важности. Какая — не скажу, потому что сам еще не знаю. Но предупреждаю — дело сопряжено с большой опасностью. Готовы ли вы выполнить поручение партии?

— Готовы! — в один голос отозвались все четверо.

— Еще предупреждаю: до прибытия на место — ни с кем не общаться. Не произносить ни одного слова.

— Мне нужно захватить домой переодеться, — сказал Баксов. — Неудобно идти в ЦК в долевой форме.

— Нет, домой я тебя не отпущу, — возразил я. — Заедем в штаб округа, позвонишь жене, пусть пришлет тебе форму.

Так мы и сделали. Баксов переоделся в моем кабинете, и ровно в девять мы были у товарища Хрущева. В его кабинет я вошел один, остальные остались в приемной. Кроме Никиты Сергеевича в кабинете сидел Булганин.

— Вот что, — едва поздоровавшись, без всяких предисловий, сразу перешел к делу Хрущев. — Надо арестовать Берия. Сколько у вас людей?

— Со мной пятеро.

— Мало..

— Возьмем еще генералов Гетмана, Неделина и Батицкого, — подал голос Булганин.

Хрущев тут же из кабинета связался с перечисленными товарищами по телефону. Все дали свое согласие принять участие в операции. Но предупредили, что прибудут без оружия.

Когда все собрались, Хрущев и Булганин предложили мне и тем, кто был со мной, сесть в их машины, поскольку мы были вооружены, а в то время осмотру охраной МВД при въезде в

Кремль не подлежали только машины членов Президиума. Остальные генералы поехали на своих машинах, поскольку они были без оружия.

Кремлевская охрана беспрепятственно пропустила нас в Кремль. Булганин и Хрущев благополучно провели нас через служебный вход в здание, где находился зал заседаний Президиума и Правительств.

В приемной Сталина, пустовавшей после его смерти, нас встретил Г. М. Маленков. Он окинул меня быстрым взглядом и посмотрел на Н. С. Хрущева.

— Все в порядке?

— Да, — ответил Хрущев.

Нас поместили в небольшой комнатке с двумя дверями, одна из которых вела прямо в зал заседаний.

— Как только раздадутся три звонка, — сказал Хрущев, — входите в зал с оружием в руках и арестовывайте Берию. В случае неповиновения...

К нашей группе присоединился и Жуков. За дверью журчали едва различимые голоса. Но слов было не разобрать, и мы не понимали, о чем шла речь.

Вдруг прозвучали три резких звонка. Распахнув дверь, мы вошли в зал заседаний. До меня донесся конец фразы Маленкова:

— ...Поэтому я предлагаю арестовать Берию.

Берия стоял. Лицо его было бледно, как стена. Челюсть отвалилась и мелко подрагивала.

Вошедшие со мной офицеры быстро обыскали Берию. Ни в карманах, ни в портфеле у него оружия не оказалось. Портфель и документы, изъятые у бывшего министра внутренних дел, я забрал себе.

— Увести! — скомандовал Хрущев.

Мы отвели Берию в кабинет Сталина, закрыли дверь и стали ждать. Заседание Президиума тут же было закончено. Все разошлись по домам. Жуков тоже уехал. Перед отъездом Булганин сказал мне, чтоб мы были настороже — в соседнем помещении семнадцать человек охраны из офицеров МВД, а всего в здании — семьдесят. Нас же, вооруженных, было всего пятеро. Генералы Гетман, Неделин и Батицкий, как я уже говорил, были без оружия. Наше положение оставалось очень шатким и ненадежным.

— К вечеру мы охрану сменим, — пообещал на прощанье Булганин.

Пока мы ждали вечера, Берия несколько раз пытался незаметно подойти к окну. Мы его не пускали. И в туалет, находившийся рядом с кабинетом, мы сопровождали его.

Незадолго до вечера в соседнем помещении — в приемной — послышались громкие голоса. Я выглянул за дверь, предупредив, чтобы Берии не дали возможность крикнуть. В приемной находились начальник охраны Кремля генерал Власик и генерал Масленников. Выйдя в приемную, я плотно прикрыл дверь, прижав ее спиной.

— Что здесь происходит? — громко

спросил Власик, в упор глядя на меня немигающими глазами.

— Мы выполняем здесь решение Президиума, — не отводя взгляда, ответил я.

— Пропустите! — коротко выдохнул Власик, надвигаясь на меня.

— Без разрешения членов Президиума никого не пропущу, — я сунул руку в карман за пистолетом.

Власик подошел к телефону, набрал номер Вулганина.

— Что происходит в Кремле? — зло спросил он. — Почему нам ничего не известно?

Я слышал, как Булганин, резко повысив голос, приказал Власику немедленно убираться из Кремля.

Власик и Масленников, не прощаясь, вышли из приемной. Я вернулся в кабинет.

К вечеру охрана МВД была снята. Ее сменили танкисты Таманской дивизии, входившей в состав нашего округа. Мы перевезли Берию на гауптвахту Московского военного округа: остальные места заключения были подвластны Берии, а потому ненадежны. Вокруг гауптвахты первое время несла охрану воинская часть, здесь были открыты окопы, установлены пулеметы и минометы, двор гауптвахты и прилежащие к ней улицы патрулировались усиленными нарядами солдат.

Через день я узнал, что вместе с товарищем Руденко, только что назначенным Генеральным прокурором СССР, нам поручено произвести расследование дела Берии.

Мы перевели заключенного в одно из помещений Московского военного округа. Там его содержали, там допрашивали.

Однажды меня вызвали на заседание Президиума. Там был заместитель Берии генерал Серов. Он жаловался, что бывшего министра внутренних дел содержат без соблюдения правил обращения с арестованными: запрещают общаться с кем бы то ни было, на прогулку водят под вооруженной охраной.

Я ответил, что у меня нет такого опыта обращения с арестованными, как у генерала Серова, поскольку я не юрист. Но могу заверить, что с Берией обращаются вежливо, никто до него и пальцем не дотрагивается. А на прогулку арестованных водить полагается под оружием. И общение с другими лицами, пока идет следствие, также допускать нельзя.

Вести следствие было поручено Роману Андреевичу Руденко, который был известен во всем мире как бывший главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе главных нацистских военных преступников. Руденко не только установил неопровержимо преступление Берии — массового убийцы. Он сорвал маску с пьяницы и развратника, изнасиловавшего множество девочек, девушек, женщин, которых его подручные хватили на городских улицах и привозили к нему. В вино им подсыпали снотворное...

Берия и его ближайших сообщников — Меркулова, Гоглидзе, Б. Кобулова, Абакумова — ждал расстрел. Но только через три года после смерти Сталина состоялся, наконец, двадцатый съезд партии, давший должную оценку культуре Сталина и предавший гласности преступную деятельность Берии. Специальная комиссия во главе с П. Н. Поспеловым реабилитировала почти семь с половиной тысяч безвинно репрессированных советских граждан. И это было только началом, еще предстояло спасти из лагерей тысячи и тысячи жертв террора.

...На четвертый день «лечения сном» к больнице подкатила новенькая «Победа». Ее прислали из МВД. Генерала Строкача срочно вызывали в министерство.

Генерал сидел в машине бледный, осунувшийся, с глухо бьющимся сердцем. Его провели в знакомый кабинет на третьем этаже. Кабинет Берии.

Все здесь оставалось по-прежнему. Не видно было только вечной ручки Берии и самого «хозяина»...

Два взволнованных человека поднялись навстречу Строкачу, в один голос сказали:

— Сегодня Берия арестован!

Ноги не держали Строкача. Он сел, перевел дух и хрипло проговорил:

— Наконец-то правда восторжествовала!

Да, пал наконец Малюта Скуратов! И слезы потекли по впалым щекам генерала.

— Вас ждут в ЦК, — словно издалека. — Поезжайте, расскажите все.

Только во время долгой беседы с секретарем ЦК понял Строкач, какую напряженную, упорную, длительную борьбу, вопреки противодействию наследников культа Сталина, вел Центральный Комитет партии против рвущегося к диктаторской власти Берии.

Быстрые, решительные меры, принятые Центральным Комитетом, позволили обезвредить Берия, вырвать из его рук оружие...

Разумеется, при всех обстоятельствах Берия и его банда были бы обезврежены и уничтожены. Но заявление Строкача послужило последним толчком. Стало предельно ясно: ждать больше нельзя ни часу, промедление смерти подобно...

На первом же после ареста Берии Пленуме ЦК заявление коммуниста Строкача было зачитано целиком. Вскоре состоялся суд над Берией и его приспешниками. Берия, растеряв всю свою надменность, все свое наигранное величие и напыщенность, показал себя на суде трусом. От страха за свою особу бывший вершитель человеческих судеб похудел так, что кожа на нем повисла длинными складками, дряблыми и бескровными. Уши, уродливые уши Берии, стали еще

огромнее. Моргали подслеповатые глаза...

Рядом со своим главарем на скамье подсудимых уныло сидели Богдан Кобулов, вовсе не казавшийся теперь гигантом, Меркулов, Гоглидзе, Мешик, Влодзиевский, авантюристы, враги партии, собиравшиеся править страной силой ежовых рукавиц, хотевшие скрутить в бараний рог весь народ. Куда девался весь начальственный апломб этих самозванных «чекистов», этих опричников, куда пропали металл в голосе, сталь в глазах, хищная повадка!

Берия, объединив в своих руках всю власть в органах государственной безопасности и в Министерстве внутренних дел, форсированно продвигал на ответственные посты в МВД своих приближенных. Выдвижение Мешика и Мильштейна на Украине отнюдь не было исключением. Повсюду в союзных республиках и в областях нашей страны Эл Бэ торопливо убирал преданных и честных людей из органов государственной безопасности и заменял их своими сообщниками, готовыми участвовать в любой кровавой затее своего вожака. Именно руками этих проходимцев рассчитывал Берия подмять под себя партию, уничтожить ее руководство и захватить власть.

Конечно, события, разыгравшиеся на Украине, о которых поведal в своем заявлении в ЦК КПСС генерал-лейтенант Строкач, были лишь малой частью огромного разоблачительного материала, переданного Президиумом Верховного Совета СССР в Прокуратуру.

Но и оно — это заявление — сыграло немалую роль.

Гневом и отвращением дышали лица присутствующих в зале заседания людей. И под их жгучими взглядами дрожали Берия и его шайка, егозили на скамьях, наперебой вскакивали, торопясь дать показания; стараясь вымолить себе пощаду. Не успевал Берия открыть рот, чтобы ответить на вопросы обвинения и показания свидетелей, как кто-нибудь из его соседей по скамье подсудимых вскакивал и спешил подтвердить вину своего главара.

Только на суде стало понятно, какими темными людьми окружил себя по признаку личной преданности враг народа Берия.

Взять Мешика, например. Вскрылось, что отец его до революции служил агентом царской охраны, после революции возглавлял правую эсеровскую организацию в Конотопе, был приговорен советским судом к расстрелу, бежал к Деникину, где продолжал борьбу с Советской властью. С детства впитав в себя анти-советский яд, Мешик учился скрывать свое вражеское нутро, маскироваться и приспособливаться. На этого авантюриста и наркомана и обратил свое внимание Берия...

А теперь Мешик то и дело вскакивал и торопливо, проглатывая слова, тараторил:

— Да-да, граждане судьи! Это его ука-

знание, подсудимого Берия! Если бы не его распоряжения, я б...

...В то воскресное солнечное утро, когда Строкач, теперь уже министр внутренних дел УССР, возвращался в Киев, он узнал: Берия и его банда не уйдут от расплаты. Да свершится возмездие! И да не забудется этот жестокий урок истории!

На площади Дзержинского жарко светило летнее солнце. По асфальту ходили голуби. Тысячи москвичей спешили мимо строящегося универмага «Детский мир», мимо генерала, стоявшего у автомашины на краю площади со счастливыми, улыбающимися глазами.

Люди шли мимо, не догадываясь, чем они были обязаны этому генералу.

А коммунист Тимофей Амвросиевич Строкач знал: то, что он пережил в ту незабываемую весну, никогда не повторится...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прощаясь с нами, Тимофей Амвросиевич сказал:

— Будем надеяться, что вам, друзья мои, скоро удастся опубликовать в «Огоньке» или «Известиях» вашу документальную повесть. Но этого мало: надо, очень надо всем нам, чтобы поскорее всенародно огласили у нас доклад Хрущева на двадцатом съезде партии и, считаю это крайне важным, обвинительное заключение по делу врага народа Берия. Чтобы не пошло все вспять, гласности нам позарез нужна!

Тогда еще вряд ли знал генерал Строкач, какие силы у нас выступали против оглашения доклада Хрущева, обвинительного заключения по делу Берия, да и гласности вообще. Когда Хрущев прочитал доклад членам Президиума ЦК, они были настолько ошеломлены им, что дружно проголосовали против его оглашения на съезде партии, предав забвению ленинский тезис: «Все должны знать обо всем». Тогда Хрущев сказал им: «Не вы главный орган партии, главный орган — съезд. Я пойду сейчас к съезду — спрошу его, хочет ли он слушать мой доклад или нет, и сообщу о вашей позиции». Только это заявление решило дело. Соратники «вождя народов» отреклись от него. Но это был лишь тактический ход.

Тимофей Амвросиевич Строкач так и не дождался выхода в свет этой повести. Почти на четверть века был задержан ее выход. Дал нам свою визу этот славный чекист 5 апреля 1963 года, а 16 августа в «Правде» был напечатан такой некролог:

«15 августа 1963 года после тяжелой, продолжительной болезни умер генерал-лейтенант в отставке, член КПСС с 1927 года Тимофей Амвросиевич Строкач. Всю свою сознательную жизнь он отдал беззаветному служению Коммунистической партии и советскому народу...»

Далее следовали краткие сведения из его послужного списка.

«На всех участках работы Т. А. Строкач с честью оправдывал высокое доверие партии и народа, отдавая все свои силы и способности борьбе за торжество коммунизма в нашей стране.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили заслуги Т. А. Строкача перед Родиной, наградив его тремя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова I степени и многими другими наградами. Кроме того, он награжден тремя высокими орденами Чехословацкой Социалистической Республики и двумя орденами Венгерской Народной Республики.

Светлая память о верном сыне Коммунистической партии Тимофее Амвросиевиче Строкаче навсегда сохранится в наших сердцах».

Далее следовали подписи руководителей КПСС и Советского правительства, а также соратников — партизан и чекистов.

ПОСТСКРИПТУМ

Четвертого декабря 1987 года ко мне в Москву из Киева приехала старшая дочь Тимофея Амвросиевича Строкача Людмила Тимофеевна. Она подарила мне книгу своего отца, изданную посмертно в 1979 году в Киеве, под названием «Наш позывной — свобода».

«Бывший начальник УШПД Т. А. Строкач, — говорится в издательской справке на обороте фронтисписа, — создал величественную, документально точную панораму всенародной борьбы в тылу гитлеровских захватчиков во время Великой Отечественной войны. Многими примерами из деятельности партизанских формирований и подпольных организаций ярко показана организующая и руководящая роль Коммунистической партии в борьбе с фашизмом».

Людмила Тимофеевна сказала мне, что над этой книгой отец работал до самых последних своих дней. В эти дни он не раз повторял своим родным, что больше всего желает, чтобы вышла повесть «Совесть коммуниста» — повесть о главном подвиге его жизни. Это была его последняя воля.

О. ГОРЧАКОВ.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Капитан И. КОЗЛОВ

ПОВЕСТЬ

I

И вот в первый раз за нынешнюю весну очистилось от туч небо, появилось солнце. Подтаяла земля, переродился в воду последний снег, и утонула в лужах грунтовая дорога. От караульного помещения до роты теперь хоть вплавь добирайся.

С замполитом роты старшим лейтенантом Виктором Зикеевым скользят по грязи сержант Золотарев и четверо солдат его отделения, несут лопаты, кисти, ведра из-под краски. Воробьиной стайкой стоят на краю уже сегодня образовавшегося болота детиски, возвращающиеся из школы. Замочат ноги, надо перенести их через лужу.

Солдаты выжидательно смотрят на замполита, словно угадывая его мысли.

— Меня первого, дядя Витя, — тянет руку Лешка Ширяев. Он живет в одном доме с Зикеевым, этажом ниже. Вот на правах соседа и проталкивается вперед.

— Сначала спасать девчонок, мужчины потерпят, — сурово командует Зикеев, и солдаты, скрывая улыбки, подхватывают на руки малышей.

Всех перенесли в три приема. И тут к болоту подошла тетя Гаша, уборщица из детского сада, что напротив роты.

— Виктор Андреевич, — окликает весело, — а еще одну девочку не перенесете? Утром шла на работу — вроде были дорожки, а сейчас...

Золотарев и ефрейтор Цыплаков направляются к ней, но тетя Гаша смеется и машет руками:

— Да что вы, сынки, я же пошутила! Что я, принцесса, что ли? Доползу до дому как-нибудь. Вы лучше молодых на руках таскайте, — и кивает головой на девушку, стоящую чуть в стороне от солдат: — Нада, к вам картошку сегодня не завозили?

— Нет, тетя Гаша.

Девушка тоже знакома Зикееву, это Надежда Ширяева, Лешкина сестра. Работает в магазине и сейчас выскочила из него в белом халатике. Понятно, зачем выскочила. Замполит говорит негромко, чтоб слышали только солдаты:

— Караваев, не больше пяти минут, ясно?

Рядовой Вадим Караваев так же тихо отвечает:

— Ясно, товарищ старший лейтенант. Спасибо.

...Он догоняет офицера и солдат у зеленых с красными звездами ворот. Чуть смущенно смотрит на товарищью, спрашивает у замполита:

— Увольнение сегодня не отменяется?

— Когда ленкомнату оформлять закончите? — вместо ответа задает вопрос Зикеев. Караваев работал на «гражданке» художником молодежного театра, и сейчас карандаши да кисти так же часто в руках держит, как и автомат.

— Через неделю все будет готово.

— Пойдете, пойдете в увольнение, Караваев.

Вадим заходит через полуоткрытые ворота последним, и прежде чем исчезнуть за ними, поднимает над головой руку с растопыренными пальцами. Только после этого девушка в белом халатике, оставшаяся стоять в самом начале улицы, срывается с места и бежит к магазину «Овощи», где ее, конечно же, уже заждались покупатели...

Зикеев останавливается у входа в казарму, сокрушенно крутит головой, разглядывая грязные сапоги, легонько, как бы невзначай, стучит в одно из окон канцелярии роты. Занавеска на нем отдергивается, и капитан Ибрагимов подмигивает замполиту через стекло. Потом разводит руками. Виктору понятен этот жест. Значит, не звонила Маша. С утра она должна была пойти в поликлинику и потом прямо оттуда позвонить ему. Но звонка, как теперь ясно, не было.

Виктор долго и старательно моет сапоги. Теперь можно не торопиться. Да и в кабинет, признаться, заходить не хочется. Весна начинается. Воздух блинами пахнет.

Короткая трель телефона слышна даже через стекло. Нет, это не Маша. Что же, полдня не было его в роте — и не звонила, а сейчас, когда только подошел, так и...

Ибрагимов стучит в окно, показывает трубку. Наверное, в батальоне кому-то понадобился, обманывает себя Виктор и одним махом преодолевает пять ступенек крыльца.

У Маши немного растерянный голос:
— Ты знаешь, — говорит она, — у меня, кажется, все нормально.

Виктор молчит. Он не знает, какие слова надо говорить сейчас жене.

— Ты слышишь меня, Витя? Все очень-очень хорошо!

Предусмотрительный Ибрагимов покинул кабинет, рядом с Зикеевым никого нет, а он все молчит и смотрит через окно, как сержант Пискунов, широкоплечий, двухметрового роста гигант, крошит в кормушку для птиц печенье. Синицы бесстрашно садятся на его руку.

2

Виктор был назначен замполитом роты полгода назад. И все же по сравнению с Ибрагимовым он старожил. Капитан принял роту месяц назад.

Ничего не умел таить в себе Ибрагимов, что у него на душе — то и на лице написано, то и в слова выливается. Сейчас он явно не в духе. Желваки на скулах прыгают, глаза еще больше погемнели. Зашел в кабинет к Зикееву, крутанул стул, сел на него, как на коня, лицом к спинке:

— Виктор Максимович, знаешь, что сегодня ночью караулу на допитание давали? Холодный чай, и все. Разбираюсь, спрашиваю у дежурного офицера, как же, мол, так получилось, а Васюков мне в ответ: объективные, говорит, причины, постарайтесь, говорит, понять... А у самого термос с кофе. Ну не жук ли, а?

— В одиннадцать ночи в нашем районе электросети чинить начали, вот и отключили ток, — сказал Зикеев. — Но в конце концов можно было и на сухом спирте чайник вскипятить, не догадался Васюков. Я ему уже сказал об этом. Ведь солдаты бы оценили, что позаботился о них командир.

Ибрагимов несогласно завертел головой:

— Тут у нас с тобой, замполит, разные точки зрения. Мне неважно, будут ценить меня, тебя или старшего лейтенанта Васюкова. Мне важно, чтоб караул службу выполнял. И потому хочу, чтоб ночью ему и чай горячий давали, и варенье, и бутерброды, понимаешь? Васюков — тот не понимает, тот начал говорить, что армия не курорт. Честно говорю, хотел я после тех его слов взять термос с кофе да грохнуть им об пол. Но непедагогично. Так, замполит, да? А что в этом случае педагогично было бы, не подскажешь? Вот пойду сейчас домой и буду весь день думать.

Ушел капитан Ибрагимов.

Да, надо еще раз поговорить с Васюковым. Хотя разговор мало что даст. Инертный, безразличный ко всему человек. И вряд ли его уже перевоспитаешь. На всех и вся обижен: не дают ему звание капитана, хоть и срок переходил. Но сам в этом виноват. Предлагали ведь

роту принять, не эту, правда, другую, так заартачился, не захотел переезжать: «Ничего не хочу, ничего не надо...» Оброс бытом, испугался с места срываться, вошел у начальства в разряд неперспективных. Как с ним работать?

Стук в дверь, рядовой Караваев заглядывает:

— Разрешите обратиться, товарищ старший лейтенант?

С несколько необычной для себя просьбой обращается к замполиту солдат. В увольнение просится. Ведь был же вчера. Вообще-то он за полтора года службы увольнений, можно сказать, не добрал. Не было вояжа за пределы военного городка, все сидел, листы в альбомах своих разрисовывал. По своей инициативе стенды в ленкомнате обновил, теперь задумал там же, в ленкомнате, вывесить портреты своих сослуживцев, тех, естественно, кто заслуживает того по всем показателям. И вот в последнее время... Да, Надя-Надежда, вскружила ты парню голову. Вот он какой стоит, напряженный, побледневший, губы кусает. Расспросов, наверное, ждет: зачем, мол, да почему увольнение внеочередное понадобилось. Не буду я тебя ни о чем спрашивать, рядовой Караваев, думает про себя замполит, солдат ты отличный, человек порядочный, и коли обстановка позволяет, то почему бы тебя и не отпустить.

Следующим в кабинет входит прапорщик Шумейко. «Колобок» — так называют его за глаза. Ну действительно, не идет, а катится, маленький, с добродушнейшим выражением лица, с улыбочкой на губах. Так и хочется ему в ответ улыбнуться...

— Садитесь, Григорий Яковлевич. Как дела?

В делах он дока, как-никак двадцать лет контролером, и не было еще случая, чтобы подвели его глаз и интуиция. Не садится, а опускается на стул, кладет на колени фуражку, приглаживает ладонью то, что осталось от светлых волос. Совсем немного осталось.

Черт, одергивает себя замполит, мысли какие-то... Человек ведь не зубоскалить пришел, надо и мне серьезней быть, сосредоточиться.

Шумейко докладывает сладким сонным голосом, улыбка так и не сходит с его лица, хотя слова-то говорит самые обыденные, далеко не смешные. Контролерами обнаружены две грелки с водкой. Такие находки в порядке вещей. Что еще? Расконвоированный Шмаров вот уже три дня подряд встречается с одним и тем же мужчиной, тоже пожилым, лет под шестьдесят. Возможно, эта информация заинтересует оперативников ИТУ. Хотя вряд ли, Шмаров сам себе не враг, ему до конца срока полтора месяца осталось, и потому будет он сейчас вести себя ниже травы, тише воды, чтоб без лишних приключений выйти на свободу. А вот эта информация уже интересней: Шумейко со своим помощником, прапорщиком Швецовым, обнаружил за производственным цехом глину.

Примерно полведра. Немного, конечно, но как она могла здесь оказаться? Глина непроможенная, не то что чернозем вокруг. Начали еще искать — нашли совсем в другой стороне, за тарным складом. Рассыпана тонким слоем между многоэтажными рядами пустых ящиков. Та же самая глина — красноватая и тонко струганная. Видно, копали ее чем-то похожим на пиროкий штык...

Вот он какой, Григорий Яковлевич Шумейко. Сидит и простодушенько улыбается, вроде не о службе рассказы-вает, а о том, как варенье из вишен варить надо.

Глина. Ясное дело, подкоп готовится...

3

— Так ты все понял, Шмаров?

— Все, Гусь, кроме одного. Ну чего спешить? Мне ведь осталось чуть-чуть.

— Не могу ждать. Потом объясню, почему. Ладно, потопал я, а ты думай...

Чего тут думать, все уже думано-передуmano. Шмаров садится на перевернутое вверх дном ведро, не спеша начинает очищать рукав куртки от цемента. Штукатуром он стал здесь, в зоне. И плотником, и маляром, и сварщиком, и котельщиком — чему только не научился тут. Ведь, почитай, вся сознательная жизнь его прошла за глухим забором зоны. Как сед в сорок пятом, так, не считая коротких «отпусков» недели по две, и торчит здесь. Первый срок, самый большой, честно отсидел, от звонка до звонка. Вышел, гулянул с корешами, проснулся на следующее утро в бедной обшарпанной квартире одной мурцовки — ничего была женщина, звала даже остаться у нее навсегда, но разве останешься, если теперь он без пяти минут «сазан», говоря обычным языком, обладатель приличного состояния. Надо только найти ту тропку, ту осинку...

Такие мысли были у Шмарова, когда ехал он скорым поездом до небольшого городка Костополя. Доехал, потом трясся в автобусе, сошел в деревушке на двадцать дворов... Зачем по улице топал, на окна поглядывал, зачем ответил на чье-то приветствие, зашел в знакомую хату? Дурак, дурак! Ведь и не помнил же он хозяйина, даже фамилии его не помнил. А тот узнал: «Покойного Сидора, значит, сын? Мы с твоим батской в молодости девок ох как чехвостили. А вернулись зачем? Если дом свой повидать, так нету его, сгорел еще года четыре назад, а если навсегда, то тяжело тут тебе будет, паря. На пару дней, говоришь? Что ж, поживи у меня, косовица как раз поспела, может, поможешь чуть...»

А в глухую ночь, когда уже была допята самогонка, когда уже хозяин тыкался лбом в стол, а Шмаров собирался идти на сеновал, зашел в дом еще один гость. Высокий, носатый, с небольшим родимым пятном на левой скуле. Забыл о нем Шмаров, совсем забыл, и думать

не мог, что встретит его здесь. Но встал навстречу, улыбку на губах выдавил: «А я тебя завтра хотел разыскивать. Гусь». «Спасибо, коли так, — сказал Гусь. — Но я как узнал от добрых людей, что ты объявился, так и рассвета ждать не стал, пятнадцать километров пешком через лес топал».

Утром они вдвоем поехали в район купить по чемодану, лопату, ломик, еды побольше. В этой деревне просить все это ни у кого не стоит, ни к чему лишние вопросы со стороны стариков. И вообще, из района сюда уже не нужно ехать, лучше сойти раньше и идти по лесу пешком.

Гусь все продумал. И Шмаров понял, что золото теперь придется делить. Это в лучшем случае. А в худшем — в худшем Шмаров знает, на что способен его дружок.

Первым делом купили чемоданы и консервы. Потом пошли в хозяйственный магазин, за лопатой и ломиком. Шмаров шел впереди, и пакостно было у него на душе. Магазин был у автовокзала, прохожих встречалось много. Но не затеряться среди них, не оторваться от Гуся. А придумать что-то надо.

И он придумал. Впереди него шла женщина, держа под мышкой ридикюль, а чуть в стороне стоял милиционер и смотрел как раз в их сторону. Шмаров выхватил у женщины сумочку и побежал через привокзальную площадь. Сзади послышались крики и трель милицейского свистка. Потом кто-то схватил его за шиворот, подставил подножку... Краешком глаза, когда его уже вели в милицию, он увидел растерянного Гуся. И улыбнулся, незаметно для всех. Дай бог, больше не встретится, подумал.

Было это в пятьдесят восьмом.

4

Ну вот, прибежал на обед, успел лишь бутерброд проглотить и снова в роту. На пороге, правда, задержался, спросил: «Маша, неужто это правда? Обнял, поцеловал, да так, что ойкнула она, обмякла в его руках. Но голову-то не потеряла! С Витей в этом плане не соскучишься. Забарабанила кулачками по его груди: «Молоко у меня на плите, сейчас сбейте». И уже совсем жалобно: «Ну отпусти, Витенька!»

Отпустил, вздохнул, шинель застегнул, побежал вниз по ступенькам. А Маша — на кухню, к окну. Вон он, из подъезда выскочил. Нет, недаром подруги по институту ей завидовали: «Мужа ты, Лисова, оторвала — во! Надежный мужик. Жаль только, скучноватый немножко». Что они понимали, глупые! Месяц назад у него день рождения был — шестьдесят четыре письма пришло. И снимков на целый альбом. Скучному бы не прислали. Бывшие его солдатики, с невестами, женами, а то и детьми. Весь выходной день сидели потом вдвоем, отвечали им. Саше Баранову, Вите Суичмезову, Роману Внукову... Роман за первые полгода

службы два раза на гауптвахте сидел. А потом его во взвод к Вите перевели. И ничего. В самодеятельности пел. Ефректором ушел. Сейчас техникум заканчивает, дочь у него родилась недавно. Снимок прислал: белеенькая такая, махонькая.

Муж фотографию долго рассматривал. Догадывалась Маша, почему. Нет своих малышей. Пятый год живут — нет. Надоело к врачам обращаться, да и неудобно. А вот месяц назад огурцов соленых захотелось — хоть плачь. Даже не подумала, почему. Потом... В общем, вчера, в субботу, пошла в поликлинику. А там сказали: на третьем месяце. Вот так! Вернулась домой — до вечера смеялась и редела, пока Витя с работы не пришел. Долго с ним говорили... Он как сидел за столом, так, кажется, из-за него до утра и не поднялся. Нет, поднимался, конечно, она сквозь сон слышала, как присаживался муж на краешек кровати, поправил одеяло, как провел ладонью по ее волосам...

Когда она проснулась, он уже в роту сбежал. На столе, что в кухне, кучу бумаг разбросанных оставил. Все листки именами исписаны. Мальчиков и девочек. Сумасшедший!

Правда, и она сама не лучше. Сегодня с утра распашонки шить принялась. Такие, чтоб все ахнули. Ну не дурочка ли?!

Маша хмыкнула, мельком взглянула на плиту. Дела — огонь под молоком, оказывается, и не зажигала. Забыла. Усмехнулась: напрасно Виктора прогнала.

Ладно, сейчас надо думать, что на ужин приготовить. А ужинать муженек придет, по всей видимости, не скоро. Начальник политотдела в роту приехал, ясное дело, задержит.

5

Вместе с начальником политотдела подполковником Кривцом в роту приехал и его заместитель, а как поговаривали офицеры, в скором времени и пре-

емник, майор Осадчий. Когда Виктор прибежал к обеду в роту, Кривца не было, пошел навестить своего старого друга — выходной сегодня, как-никак, — а майор сидел за одним из столов в ленинской комнате, разложив перед собой листы с рисунками рядового Караваева.

— Слушай, замполит, а он у тебя талант, честное слово. Смотрю на живых людей, потом на портреты — точней, чем фотокарточки. Можно и подписи не делать.

— И не будем, — согласился Зикеев, перебирая рисунки. — Это новые наброски, я их сам еще не видел. Сержант Пискунов, прапорщик Шумейко, сержант Харченко... А это, кто же это?

Удлиненное лицо, темное пятно на скуле, большой крючковатый нос, глаза едва очерчены. На обороте вместо подписи буква «Г» и знак вопроса рядом с ней. Гуцин, Гулиев? У них другие лица... Ладно, чего гадать, тем более, что это только набросок.

Осадчий по-хозяйски собрал рисунки в стопку, положил их на угол стола:

— Ну ладно, шут с ними, с вашими художниками. О другом речь. Перед обедом мы так и не успели поговорить с вами, Виктор Максимович. Начальник политотдела, может быть, специально, из каких-то своих соображений, не сказал о цели нашего приезда, но я тайны делать не буду. Работать будем по двум вопросам. Первый нехороший, скользкий, зато второй — ну просто подарок для вас. С какого начать?

«Бойся начальства, дары приносящего», — подумал про себя Зикеев, а вслух сказал, что ему в принципе все равно.

— Плохо лишь то, товарищ майор, что я через два дня в отпуск собрался уйти...

— И думаешь, задержим тебя? Обибаешься. В любом случае и без замполита разберемся, как он тут работает, на что способен. Хотя, пока ты на юга не укатил, я сейчас проведу маленький эксперимент и пойму, что ты за политработник.

Он подошел к двери, приоткрыл ее, загадочно улыбаясь, вернулся к столу:

— Смотри внимательно, Виктор Максимович... Стоп, готово. Видел, солдат мимо прошел? Давай рассказывай о нем всю подноготную, а начни с того, почему он в парадной форме.

— В увольнение собрался, товарищ майор. Это как раз рядовой Караваев, автор вот этих рисунков. Кстате, был он вчера в увольнении и на сегодня отпрашился. Думаю отпустить. Очень толковый солдат.

— Знаю-знаю, бестолковых у тебя нет, раз рота отличная. А отпускаешь в город — твое право, тем более, если человек заслуживает. Но поведай, чем заслуживает, откуда он, на что способен.

— Десять лет назад отца похоронил, отец был зампредседателя райисполкома. Мать — год как на пенсии. Вера Васильевна. До этого работала в районо, инспектором. Ну что еще? Если о матери — великий мастер грибы солить, если о рядовом Караваеве — застенчивый, молчаливый. Влюбился недавно.

— Вот почему в увольнение просится! Отпускай! А то привыкли мы, понимаешь ли, к очередностям. Заслуживает — пусть идет. А вообще ты меня срази. Знать даже то, что мать солдата грибы солить умеет...

Зикеев рассмеялся:

— Больше скажу: она пьет лишь травяные чаи и варит варенье из лесной малины, добавляя туда смородиновый лист.

Осадчий прищурил глаз:

— С высоты своего опыта думаю, что ты, замполит, меня просто дурачишь. Если сейчас еще скажешь, что о каждом своем подчиненном так осведомлен...

— Так точно, товарищ майор, дурачу. У меня Маша, жена, из тех краев, что и Караваев. Я прошлой осенью в гости к теще ездил — и к Вере Васильевне заскочил, привет от сына передал.

— Только-то и всего, — делая разочарованное лицо, сказал Осадчий. — Выбил ты у меня, Зикеев, карты из рук. Установка сейчас, знаешь, какая? Ломаем старые методы работы, все, которое есть, время отдаем политработникам для того, чтобы они лишь людьми занимались, а не справки и отчеты писали. И вот приехал я в роту изучить твой передовой опыт, обобщить его на всю бригаду, и выдал ты мне интереснейшую информацию, а оказалось, выбрали мы для эксперимента подставное лицо.

— Значит, метод ваш неверен, товарищ майор, — подхватил вроде бы веселый тон разговора Виктор. — Дверь надо было пошире открывать, чтоб больше через щель увидеть.

Лицо Осадчего вмиг посерьезнело, глаза стали холодными:

— Ладно, товарищ старший лейтенант, давайте для шуток другое время найдем, а сейчас серьезным делом займемся.

«Черт меня за язык дернул, — уныло подумал Виктор. — Ведь знал же: с майором ухо остро держать надо»...

6

— Шмаров, ты спишь? Разомлел на солнышке, что ли?

Шмаров быстро встал на ноги, сорвал с головы шапку:

— Есть малость, гражданин начальник.

Прапорщик, контролер, из молодых, Шмаров его всего пару раз и видел. А вот тот Шмарова уже знает. Да и кто не знает Шмарова? Он легенда зоны. Судимости все, по мнению и военных, и своей братвы — глупейшие. Два дня на воле — и попытка взять магазин, срок, неделя «отпуска» — и кошелек на рынке у бабки спереть хотел, да неудачно... Не «ураган», а так, «саяка», мелкий ворышка. Все думают, что он просто боится иной жизни, без вышек и проволок, что сам не хочет снять с себя эту униформу. Пусть думают! А он знает, чего ждет. Гусю надоест его караулить, ведь в конце же концов он, Гусь, не выдержит, сбежит из деревни.

Шмаров вспомнил, как три года назад он уже почти было решился. Освободился, специально купил билет на поезд, который приходит в Костополь ночью, попутками доехал до деревни, вышел намного раньше, чем надо, пошел по лесу, по пути отыскал обломок рессоры, которой можно было кое-как копать... Он уже был почти у цели, он уже узнавал и болотце, и ручей, но тут треснула в стороне ветка, заорала птица, и Шмаров тоже заорал, дико, срывая голос. Потом, не чуя себя, он долго бежал, вроде бы не сознавая куда, но очутился точно в том месте, с которого и входил в лес, ноги отказали ему, и он упал прямо лицом в землю, не успев даже выставить руки. Пот холодил лоб и виски, и каждый частый выдох был похож на повторяющийся шепот: «Гусь... Гусь... Гусь...».

Далеко-далеко краем леса шел человек. Может, охотник, может, грибник. Но тогда Шмаров не гадал. Тогда он на все сто был уверен, что это — Гусь...

Сейчас он понимает, что сделал глупость, «заработав» новый срок. Ветки испугался, птицы, мужика... Нервы ни к черту, вот в чем причина. А может, все-таки поделиться с Гусем? Ведь сколько той жизни осталось. А даже половина золота — его на все хватит, если с умом. Иначе Гусь не отцепится. Специально же сюда приехал: Шмарова караулить. Надоело, говорит, ждать тебя, дурака. А вдруг и впрямь дурак? Гусь ведь теперь сам старик, зачем ему жизнь Шмарова? И на его дни золота хватит. Но с другой стороны, зачем делить, если самому все взять можно? И еще: теперь Гусь не в лесу, и если бы придумать так, чтобы он здесь и оставался, чтобы не помчался следом за Шмаровым...

Надо поразмыслить.

7

Маша была права: задержался в этот день Виктор в роте. До девяти вечера мучил его Осадчий: то одно расскажи, то другое... А в десять зашел в кабинет сержант Пискунов, дежурный по роте,

и доложил: из городского увольнения вернулись все, кроме рядового Караваева. Осадчий отреагировал на эти слова улыбкой:

— Влюбленные часов не замечают, и все же в запасе у него, по моему хронометру, минут пятнадцать еще есть. Стоит небось ваш Караваев у КПП, проститься со своей ненаглядной не может. Не больно его песочь, Виктор Максимович, а то вид у тебя сейчас такой, будто на гильотину парня собираешься отправить. Вспомни-ка, сколько раз сам, будучи курсантом, из подобных мероприятий опаздывал?

— Я не опаздывал, — нехотя ответил Зикеев.

— А со мной был грех. Закружила мне одна барышня голову до такой степени, что про все на свете забыл. Даже патруль заметил только тогда, когда тот меня остановил. Вот и солдат твой: эмоциональная, видно, натура.

— Он не из тех, кто может опоздать, понимаете, товарищ майор.

— Что уверен в солдате — это просто здорово. Но не переживай: я о его опоздании начальнику политотдела не доложу. И вот что: на сегодня мы с работой покончили, потому пойдем тихонечко на сторону КПП и на полпути к нему, чует сердце, встретим вашего Репина, или Глазунова, или как его сослуживцы называют?

...Сверху вроде не капало, но шинели, руки, лица сразу стали влажными. Мокрым был и плац. Туман, упавший на землю, был липким, каким-то неопытным, клочковатым. Не прошли и десяти шагов, как сержант Пискунов окрикнул: старшего лейтенанта Зикеева к телефону. Вместе с ним вернулся в канцелярию роты и Осадчий: не начальство ли звонит?

Звонило не начальство. Парень, назвавшийся Кисловым, сообщил:

— С другом на машине ехали, смотрим, солдатик ваш на тротуаре лежит. Я вот вылез, из автомата звоню, а дружок солдата в больницу повез. Что с ним? Выпивший крепко, наверно. Бормочет что-то, не разберешь.

Осадчий, покусывая губы, стоял рядом с Виктором, он тоже слышал каждое слово говорившего. Предложил:

— Звони немедленно в больницу. Вполне возможно, нас кто-то просто разыгрывает.

— У нас он, у нас, Виктор Максимович, — сказал врач. — А что с ним, пока не знаю, только собираюсь осматривать. Какой вам смысл приезжать сегодня? Я бы вам завтра с утра сам позвонил, все сказал... Ну, как хотите, только придется долго ждать.

Зикеев еще некоторое время держал в руках коротко гудящую телефонную трубку, потом решительно повернулся к двери:

— Все же поеду в больницу.

— Автобус, кажется, идет мимо гостиницы? — спросил Осадчий. — Доеду-ка я с тобой к ней. Там есть телефоны?

Начальник политотдела части подполковник Кривец стоял у входа в казарму, наклонив голову, словно рассматривая что-то под ногами, слушал Осадчего. Значит, зам о происшествии успел ему доложить, подумал Зикеев, шагая через плац к Кривцу. Сейчас старик засыплет вопросами.

Но Кривец с другого разговор начал. Похвалил Зикеева, что взялись наконец-таки в роте тротуар к караульному мостить, что нашли в этом деле общий язык с колонией. День всего и проработали, а многое успели сделать. Потом поинтересовался, как здоровье Маши, куда в отпуск отбыть намереваются Виктор с женой, взяли ли уже билеты.

Прошли в беседку. Подполковник как-то небрежно бросил на скамью папку, крикнул солдату, вышедшему на порог казармы:

— Биктыбаев, ну-ка, принесите мне крупы из столовой, синиц покормить.

Синиц здесь жило много. К солдатам они относились до того доверчиво, что садились им на руки. Вот и к Кривцу опускаются на ладонь, клюют зерна...

— Тут Осадчий кое-что разузнал о вашем художнике, пока мы спали, — сказал Кривец, когда синицы доклевали пшено и разлетелись по деревьям. — Или не спали, а?

Зикеев промолчал.

— Так вот, — продолжил начальник политотдела, не дожидаясь ответа, — вчера Караваев собирался на именины к знакомым своей девушки идти, сослуживцам об этом говорил. Так, наверно, и набрался, а?

— Вчера он не пил ни капли, товарищ подполковник, я ведь с врачом разговаривал.

— Да? — совсем не удивившись, спросил Кривец. — И я так предполагал: не должны в этой роте пить. Но вот мой зам, — кивнул головой на Осадчего, — любопытную версию высказал: врач — ваш дружок, и ничего ему не стоит пойти навстречу вашим желаниям.

— Мне-то это зачем, товарищ подполковник? — спросил Виктор и взглянул на Осадчего.

Тот, закусив губу, старательно разглядывал поползенья, лазающего по сосне.

— Да ведь Караваев вроде как друг семьи, — тая в глазах непонятную улыбку, пояснил начальник политотдела. — Вы с мамой солдата знакомы, чай у нее пили, два дня кряду в увольнение Караваева отпускаете. Видна логическая цепь? Остается выяснить, как говорит Осадчий, главное: до или после окончания срока увольнения был сбит машиной рядовой Караваев.

Осадчий вскинул брови:

— Машинной? Я ничего о машине не знал, товарищ подполковник. Я предполагал, что он подрался из-за девушки, вот меня и заинтересовало, когда это произошло: до или после десяти.

— А вы что скажете, Зикеев?

— Караваев отделался ушибами. Правда, недели две придется полежать. О том, как все произошло, ничего пока рассказать не может.

— Никто пока об этом рассказать не может. ГАИ только утром разыскала тех, кто солдата в больницу доставил. Мужички крепко выпивши были, побоялись вчера в милицию заявиться. А сегодня не могли и место показать, где Караваева обнаружили. Ночью-то туман был, хорошо, что вообще они его заметили. Колдобину объезжали — фары и осветили лежащего. А колдобин на дороге вон сколько!

— Вполне возможно, они его сами и сшибли, товарищ подполковник, — сказал Осадчий.

Начальник политотдела пожал плечами:

— Разбираются сейчас с ними. Ну да ладно: жив человек — и то хорошо. Давайте-ка теперь дела очередные решать. Подкопом оперативники учреждения занимаются, не выявили пока, кто его рыл, а мы с вами, Виктор Максимович, прочитаем одно письмо... А поскольку будем это делать в канцелярии, вы пойдете чаек вскипятите, пока мы с майором сигареты докурим.

— Анатолий Алексеевич, — сказал Осадчий, когда Зикеев ушел. — Зачем вы меня перед замполитом все время под удар подставляете? И насчет матери Караваева, и насчет его вчерашнего увольнения... Я ведь просто своими соображениями с вами поделился, а теперь Зикеев подумает, что я на него наклеузничал.

— И я так думаю, — добродушно ответил Кривец. — Мы ведь все по сути своей единомышленники, понимать друг друга должны, а не подозревать. А то так привыкнем на чистую воду окружающих выводить, что подумаем, будто это единственная наша задача. Ладно, пойдемте чай гонять.

9

Поразмыслить надо...

Нет, Гусь его, конечно же, обманет при дележе. В этом Шмаров еще раз убедился, когда встретился с Гусем сегодня вечером. Тот так и сказал: и тебе отвалю, не обижу. Вот ведь как, отвалит, будто это его золото.

Шмаров давно уже убедил себя, что тот тяжелый ящичек, похожий на сейф, принадлежит только ему. Он один его закапывал, один знает место: осина, огромный мшистый валун у ручья...

Впрочем, если уж быть до конца точным, закапывали-то они вдвоем — с Гришкой Яремой. Гусь тоже рвался идти с ними, но Бес велел ему не отлучаться от того «ястребка», которого они взяли и таскали с собой последние дни черт знает зачем. Бойцы порушили все их засады, обложили, как волков, оставалось

отсиживаться в открытых лесах. А потом настал день, когда и отсиживаться уже стало негде: попали в плотное окружение. Бойцы перекрыли им все тропки и дороги. Перед последним боем Бес вызвал их с Яремой и приказал зарыть ящик, сказал, где точно. Они никогда ни в чем его не ослушивались, они хорошо знали, чем заканчиваются ослушания. Шмаров с Яремой незаметно для всех пошли вправо, остальные, открыв стрельбу, — влево, в сторону от болот. Земля была мягкой, рыть было легко. В глубокую яму опустили ящик. Что в нем — Шмаров видел лишь однажды, да и то мельком. Кольца, перстни с камешками, часы в золотой оправе, зубы, тоже золотые, понятное дело... Потом они заровняли землю и пошли, как и велел Бес, в сторону старого карьера. А там, куда ушла банда, воя громили выстрелы.

Шмарова с Яремой взяли на полпути к карьеру. Бойцы выросли как из-под земли, неожиданно. Шмаров сразу же кинул под ноги и автомат, и нож, Гришка сделал то же самое. Потом их долго вели тропинкой в сторону с каждой минутой редющих выстрелов. На большой поляне они увидели несколько своих, уже разоруженных, держащих руки на затылках. Шестеро из банды лежали рядышком, как бревна. И еще на поляне Шмаров увидел того самого «ястребка», захваченного ими. «Ястребок» их тоже увидел, и тут произошло непонятное, то, чему Шмаров долго не находил объяснения. «Ястребок» заулыбался и подошел к Яреме, начал его обнимать, хлопать по плечу. Потом повел его к офицеру, и офицер тоже поздоровался с Яремой. Шмаров слышал, как офицер сказал: «Посмотрите, все ли здесь?» «Мы закопали ящик с награбленным, с кассой банды», — сказал Ярема. «О нем — потом. Сейчас мы должны знать, многие ли прорвались из окружения». Шмаров слышал эти слова. Он тоже обвел взглядом поляну, лежащих и стоящих на ней. Не было только двоих: Беса и Гуся. «Нет двоих», — ответил Ярема. И тотчас из леса застрочил автомат. Шмаров узнал его голос — это был автомат Беса. Шмаров упал на землю и вжался в нее, и судорога свела пальцы, вцепившиеся в траву...

(Окончание следует)

Рис. художника Ю. Пахомова.

Евгений ЕРХОВ

ДЕТДОМ

Венок сонетов

1.

Меня воспитывал детдом,
как мог воспитывал, на совесть,
и не печальную о нем,
веселую писать бы повесть.

Завидный получился б том,
когда бы, на восторг настроясь,
марал я, в горестях не роясь,
лист за листом, лист за листом...

Не крик души, а — пальцев действо.
Ну, прямо, Купидона детство!
От моего в нем — ни мазка.

Я б сам себя узнал едва ли.
И сердце защежит тоска
из обжигающей той дали.

2.

Из обжигающей той дали,
не осуждая, не вина,
в недоуменье и печали
мальчишка смотрит на меня.

Отцов мы оба с фронта ждали,
и разве же его вина,
что злей ко мне была война —
все пули в сердце попадали?

Его однажды я догнал
и, думал, в горе уравнил
своим судом неправо-скорым...

Как всполохился детский дом!
И до сих пор еще с укором
мигает он родным окном.

3.

Мигает он родным окном,
тот дом, где явлен был я к жизни,
или таращится бельмом
сквозь выродившиеся вишни?

Взглянуть бы на него мельком!
Но он — невидимым, неслышным,
как затаился: там я лишним
стал в год, когда отец — бойцом.

Его умолкнувшую хромку
легко снесли на барахолку,
а после — за порог — меня...

Не знала — да простится маме! —
как жить одной, день ото дня
тревожась обо мне годами.

4.

Тревожась обо мне годами,
отец окопы обживал
и подцензурными листьями
райкомы бомбардировал.

Но — несмышлениш я летами,
и был глубок и глух подвал,
где мне, тщеславясь, открывал
карманник воровские тайны.

Науке той я слабо внял
и — кошелек неловко снял.¹
Меня патрульный сдернул с пробы²

и, озабочен сорванцом,
звонил, выискивая, кто бы
и матерью стал, и отцом.

5.

И матерью стал, и отцом
мир пацаны осиротевшей,
как над покинутым птенцом,
утешно надо мной шумевшей.

Мать-мачехой и чабрецом
след зарастал мой неокрепший
и связывал все меньше, меньше
меня с отеческим крыльцом.

Но — ночью вадрагивал, бывало,
едва поправят одеяло,
сползающее с плеч моих...

Несчастье общее, года ли
сближали нас родней родных,
о чем мы даже не гадали.

6.

О чем мы даже не гадали,
вдруг обжигало нас, мальцов:
в солдате, отлитом в металле,
легко ли признавать отцов!

Алел цветков на пьедестале
и мир победно цвел лицом,
а их — ветра секли свинцом,
а их дороги все пылали.

И цели ждущая граната
в ладони Вечного Солдата
мешала сына приласкать...

А мы надеялись и ждали,
к Нему защиту шли искать,
тоска подступится, беда ли.

7.

Тоска подступится, беда ли —
и меркли, удлинялись дни,
слышнее делались медали
на пиджаках чужой родни, —
заслуженные, понимали,
по праву всей стране видны!
Но — мы одни, одни, одни...
И слезы в сердце закипали.
Еще, дичась, глядели мы
волчатами на свет из тьмы
невыволевшей в нас обиды.
И несмышленным мудрецом
я не к пришедшим, а к убитым
всегда был обращен лицом.

1) Украл (жарг.)
2) Задержал при первой же краже (жарг.)

Всегда был обращен лицом
слепец незряче вдаль куда-то —
туда, где вражьем сжат кольцом,
не выпустил он автомата:

с моим отцом, с другим бойцом? —
держался до конца, как надо!..
Два наши мысленные взгляда
сходились там — гонец с гонцом.

А на груди у инвалида,
гвардейской лентой обвита,
гармошка плакала навзрыд.

И каждый, за Отчизну павший,
тревожил память, не забыт.
И это стало сутью нашей!

9.

И это стало сутью нашей:
наследники солдат, сыны,
Любовью, смертью смерть поправшей,
и мы пожизненно сильны!

Слова Присяги повторявший
в свой срок перед лицом Страны,
в себе я слышал гул волны
Любви той, сердце разрывавшей.

— Клянусь!.. — И вздрагивало поле,
И матери — от той же боли,
дошедшей из далеких лет:

как всколыхнуть себя не дашь ей,
когда на твой вдруг выйдет след,
ничуть за годы не ослабшей?!

10.

Ничуть за годы не ослабшей
тоска навалится — хоть вой:
на сквозняках сиротства зябший,
не представляю мать живой.

А помню: шелестела замшей,
повязывая шарфик мой!
Но след теряется домой
в листве, до времени опавшей...

Быть может, это не она
в дверь подтолкнула, а — война,
войдя, сломав границы, в семьи?

Что пересуды и суды!
Живу бедой, одной со всеми,
возвысившей до Доброты.

11.

Возвысившей до Доброты
пребудь во мне до дней исхода,
Поэзия! Слова пусты,
когда в душе не дали восхода.

Но песню, что явила ты,
я пел, смелая год от года,
с достоинством — дитя народа! —
и со слезою сироты.

Не позабыт, не позаброшен,
жил-был не попеченьем божьим,
Отечеством усыновлен...

А песня, от простуд осиплой,
вдруг прилетит из тех времен —
и сердце наполняет силой!

И сердце наполняет силой,
понятною до торжества,
между тобою и Россией
связующая нить родства!

А сам ты, сам что приносил ей,
помимо бед своих?.. Слова,
и те взошли, как сор-трава,
твоих не требуя усилий...

Пока Поступок не в чести,
все заверения пусты,
одно лишь упражнение глотки!

И обжигает с высоты
солдатской выцветшей пилотки
свет самой близкой к нам звезды.

13.

Свет самой близкой к нам звезды
идет года — она, быть может,
уже сторела, а сады
еще лучи ее тревожат...

И вставший на пути орды
себя переживает тоже —
века людская память множит
его бессмертные черты!

И ту же, что и он, присягу
солдат давал: назад ни шагу! —
на подмосковном рубеже...
Отец!.. Где он, тот холмик милый?
Скорблю, с надеждою в душе,
над Безымянною Могилой.

14.

Над Безымянною Могилой
шумит лесок, зарей умыт.
Давно ли страшной силой гиблой
он был под самый корень сбит?

Но смерти вопреки, стожилий,
вставал, дождем весенним сыт?
И смену юною растит,
веселю и легкокрылой...

Я — этой поросли росток!
Я боль, но я же и восторг
всевоскрешающей Победы.

Окреп — не спибли на крутом
изломе века зло и беды:
меня воспитывал детдом!

15.

Меня воспитывал детдом.
Из обжигающей той дали
мигает он родным окном,
тревожась обо мне годами.

И матерью стал, и отцом,
о чем мы даже не гадали:
тоска подступится, беда ли —
всегда был обращен лицом.

И это стало сутью нашей,
ничуть за годы не ослабшей,
возвысившей — до Доброты!

И сердце наполняет силой
свет самой близкой к нам звезды —
над Безымянною Могилой.

БОЛЬ

ПО ПОВОДУ заметок «Воспитываем «служебный пацифизм?», опубликованных в № 2 журнала, редакция получила много откликов. Часть из них использована в статье «Мечтают ли о войне ветераны?» (1988, № 7), продолжившей обзор некоторой «большой» литературы на войсковую тему. Но письма все поступают. Они — веский повод для раздумий.

В основном читательские отклики поддерживают главный вывод: войсковая история, ее осмысление, конечно, не запретная зона, но необходимо четко различать, где справедливая критика, а где просто спекуляция на особой теме. Военнослужащий (своего воинского звания он не указал) В. Будко считает, что литература в ряде случаев «возглавила унизительный процесс шельмования солдат и дискредитации внутренних войск. Этот процесс направлен на очернение в глазах народа их благородной, гуманистической роли». Другой военнослужащий, прапорщик А. Панкратьев, добавляет, но уже в стихах, обращаясь к некоему поэту: «Дискредитирует войска, О частном пишет, как о целом».

Примером того, как сгущаются краски, может служить фрагмент из статьи Ю. Черниченко «Две тайны» (Литературная газета, 1988, 13 апреля). Он пишет о большой лжи, которая так заучена и привычна, что глаз ее уже не различает. Вся эта ложь укладывается в уравнение: «Сталин — это Ленин сегодня». «Раз ты воспринял это равенство, — говорит далее Ю. Черниченко, — то... можно вполне одобрить и горячо поддержать обращение штыков против своего безоружного народа на тринадцатом году гражданско-го мира (не дивизии ли внутренних войск защищали от голодных сельских орд Харьков и Донбасс?)».

Я справился в нашем войсковом архиве: что там произошло в 1930 году на самом деле? Как и предполагалось, ни о каких дивизиях не могло быть и речи. Их тогда у нас просто не было, за исключением одной — имени Ф. Э. Дзержинского, дислоцировавшейся под Москвой. Но посты на дорогах, это правда, выставлялись — от подразделений 4-го харьковского полка, чтобы предотвратить возможные погромы.

А замечаете допуск? От 200 человек (как было в действительности) до нескольких тысяч, даже десятков тысяч (диви-

зий). И «штыки», оказывается, ни при чем — оружие не применялось. Важно ведь не только, что сказано, но и как. Вроде бы нет утверждения, вроде бы лишь вопрос. Но определенное настроение создано, тень на внутренние войска брошена.

Конечно, они занимали определенное место в системе Советского государства (о сегодняшнем дне я пока не говорю). А поскольку сейчас идет в ряде случаев весьма обоснованная десталинизация, то она должна неизбежно привести к пересмотру и переоценке отдельных фактов прошлой войсковой жизни. Собственно, так оно и есть. Ныне никому и в голову не придет опозитизировать, скажем, наше участие в выселении крымских татар, чеченцев в феврале 1944-го. Это была акция, не имеющая ничего общего с ленинской национальной политикой, и она, эта акция, сегодня однозначно осуждена всеми.

Нам не нужны войсковые мифы, ни старые, ни новые, надуманная героизация некоторых исторических эпизодов, но и очернение военнослужащих тоже ни к чему. Требуется объективность. Если уж анализ, то глубокий, аргументированный, а не только эмоции. Чтобы видели мы явления войсковой жизни с высоты сегодняшнего обновленного бытия, понимая в то же время минушую эпоху, те условия, в которых приходилось действовать солдатам, учитывали тот уровень знания, который был тогда. А то ведь до чего дошло — «сталинские опричники», как сказано в одной из статей, да еще в сравнении с «деятельностью» эсэсовских зондеркоманд!

И хотя речь в этой художественной литературе и публицистике идет не о сегодняшнем дне, мостик от дней минувших к нынешним неизбежен. Аналогия с прошлым напрашивается еще потому, что и сегодня мы выполняем сходные задачи. Не одни и те же, а именно сходные. Назовем хотя бы охрану исправительно-трудовых учреждений и противостояние наших военнослужащих резне и погрому в Сумгаите. Наша служба не чья-то выдумка, она — объективная необходимость, реагирование, если хотите, на зигзаги социальной жизни. Во имя ее наш солдат и лишения терпит, и здоровье порой теряет, но, конечно, как и прежде, делает порученное дело. В том же Сумгаите никто из наших не спасовал, не дрогнул. Военнослужащие, не щадя жизни, спасали жителей от хулиганствующих толп.

Известен такой факт — о нем рассказывали по Центральному телевидению в программе «Время». Группа экстремистов подожгла автомашину, а потом пыталась избить водителя. Ему на выручку бросился командир батальона подполковник М. Филиппов, он твердо сказал: «Можете убить меня, но человека в обиду я не дам!» Решительность офицера привела хулиганов в замешательство. А тут на помощь подоспели солдаты. Таких примеров

немало. Поступи солдаты и офицеры иначе — невинной крови пролилось бы больше.

Зачем обо всем этом говорится в читательских письмах? А затем, что у многих явный или подразумеваемый вопрос: а не станут ли завтра переиначивать эти события, вернее, нашу роль в них? Ведь несколько лет назад о наших действиях в иных событиях прошлого не было худого слова. Теперь акценты смещены, литература даже оспаривает правомерность наград за отличия тех далеких и не столь далеких лет. Но за самоотверженность, проявленную в Сумгаите, многие наши военнослужащие также награждены медалями, а трое — орденами. Были и другие поощрения. Пока сомнений на этот счет никаких. Пока?

Награды — вопрос частный. Более общий и более важный — где критерий, определяющий, когда мы должны славить солдата, а когда осуждать? Думается, он в честном и прямом ответе — являются ли его действия выражением абсолютной необходимости, вызванной исключительностью обстановки или силой приказа, либо результатом его личного безответственного провозглашения, превышения предоставленных ему прав. И если этого понимания в некоторых художественных произведениях и публицистике не хватает, то наша собственная оценка службы должна исходить, безусловно, из таких позиций. В пределах действующего в тот или иной отрезок времени закона или правового акта все действия правомерны, за его пределами — всё нарушение социалистической законности со всеми вытекающими отсюда санкциями. «И потому, — пишет политработник капитан В. Мартыненко, — надо четко различать, когда нас критикуют правильно, а когда пытаются размыть нашу убежденность в святости службы».

Что больше всего волнует офицера? Нравственное самочувствие нашего солдата, точнее — его мысли, с которыми он заступает на пост. Об этом же письма капитана В. Ержева, старшего лейтенанта С. Котнова и других. Примеры, приведенные ими, свидетельствуют о том, что в его настроении под воздействием тенденциозной литературы не все благополучно.

Таковыми негативными чувствами, несомненно, навеяны вопросы вроде: а был ли когда и есть ли он, авторитет внутренних войск? И любит ли наш солдат свою службу, почетна ли она? Сразу же вспоминается ст. 63 Конституции СССР: «Воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР — почетная обязанность советских граждан». Но прапорщику В. Селихову эти доводы кажутся формальными. «Ту славу, — пишет он, — которую по праву заслужила Советская Армия, мы автоматически переносим на внутренние войска. А это не одно и то же. Там — защита Советской Родины, тут функции внутренние, в них явно виден карательный оттенок. Что из этого может быть популярным в народе?» — спрашивает Селихов.

Значит, почетность оборонных функций сомнению не подвергается. Тогда надо расчленив историю войск по выполняемым задачам. Известно, что они охраняли железные дороги и важные промышленные предприятия, обеспечивали тылы действующей Красной Армии в период гражданской войны и иностранной военной интервенции, в годы Великой Отечественной. В это же время многие наши части сражались непосредственно на фронтах. Более 20 соединений войск НКВД, переданных в Красную Армию, впоследствии были удостоены почетных наименований и боевых наград, четыре из них стали гвардейскими. Десятки тысяч бойцов и командиров награждены орденами и медалями, более 200 наших воспитанников стали Героями Советского Союза.

Думаю, к месту будет отзыв о наших воинах-фронтовиках известного военачальника: «В кровопролитных боях с фашистскими захватчиками, особенно в начальный период войны, принимали активное участие многие части и соединения войск НКВД... Мне хочется помянуть добрым словом бойцов и командиров войск НКВД, совершивших боевые подвиги в трудное лето 1941 года на юго-западном направлении...» (И. Х. Баграмян. Навечно в памяти народной, М., Юриздат, 1977, с. 117).

Вот она, мужественная, героическая история внутренних войск, гордиться которой без тени сомнения может каждый!

Что же осталось? Еще немало. Это действительно чисто внутренние задачи. Борьба за хлеб в первые годы Советской власти (так называемая «Продармия»), многочисленные стычки с бандитами, акции против буржуазно-националистического подполья на территории западных областей Украины, Белоруссии, в Прибалтике... На разных этапах истории нашего государства одни задачи снимались, другие появлялись или видоизменялись. Но цель их всегда одна — она сформулирована в постановлении Совета Труда и Оборона, подписанном 21 апреля 1920 года В. И. Лениным, — охрана существующего строя.

Задачи были нелегкими. 90 наших военнослужащих, павших смертью храбрых, навечно зачислены в списки частей, в том числе 12 Героев Советского Союза. Если же учесть все потери, то они были большие. И потому возгласы вроде: «За те ли идеалы боролись и умирали!» (увы, дошло и до такого) вообще бестактны. Они — следствие огульного и упрощенного подхода к оценке острых исторических фактов. Самое пагубное, что можно было бы сделать сейчас, это заняться развенчанием ушедших от нас больших и малых героев, суетиться вокруг их надгробий.

В военных городках я смотрю на бюсты, барельефы, портреты воинов, навечно зачисленных в списки частей, видится мне в их глазах налет грусти. Разумеется, их взгляд, застывший на века, бесстрашен. Это мы так, с укоризной, рассматриваем себя через призму прошлого. Потому что они — это мы. И нам очень больно за обвинение их в безнравственности. Только откуда это взялось?

Вопрос — «кто виноват»? — все мы стали задавать сами себе много позже. Сперва после XX съезда партии, и то недолго, и вот — сегодня. А прежде, несмотря на некоторое смятение в душе, говорят ветераны, наша вера в Сталина не колебалась. Мы связывали с его именем все довоенные завоевания социализма. Имя это было святым для миллионов. Обращают на себя внимание слова маршала авиации Н. Скоморохова (Литературная газета, 1988, 11 мая). Он пишет: «Скажи Сталин: «Умри, Скоморохов, так надо!» — я бы сделал это не задумываясь. И мои товарищи поступили бы так же. Хорошо это или плохо — не знаю, но так было...» Верная мысль. Делать вид, что уже тогда, во время войны, тем более до нее, все прозрели, — значит кривить душой.

Я уже писал, что некоторые авторы (Б. Окуджава, Ю. Домбровский и др.) рассматривают нашу службу прошлых лет в тесной связи с именем Сталина. Но теперь появилось немало публикаций, в которых эта связь уже не просматривается. И получается, что солдат действовал по своей инициативе, по собственной злой воле, лично сам творил судьбы людей, и на нем лежит уже сугубо личная, собственная вина. Особенно открыто это показано в пьесе И. Малеева «Надежда Путнина, ее время, ее спутники» (Театр, 1987, № 12). По пьесе поставлен спектакль в Московском театре на Малой Бронной.

Вот какое впечатление от него (в общем-то сходное с моим) осталось у рецензента Н. Балашовой («И сбывлась надежда», Московская правда, 1988, 1 июня): «...Бравурные звуки веселых маршей потоком льются в зрительный зал: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...». И поначалу кажется вполне естественным, что красноармейцы в буденовских шлемах совершают построение под эти ритмы. Но почему так напряжены их лица, так подозрителен взгляд, так свинцово тяжел их шаг, так не соответствует бодрости песни их механическое перестроение? Что-то зловещее чудится в этих фигурах, жесткое и бездушное. Нет, это не Красная Армия 20-х годов. Перед нами шагают охранники тюрем и концлагерей — войска ОГПУ». И далее: «На протяжении всего действия бодрые марши и зловещие фигуры охраны станут непреложным сопровождением и выражением того времени...» Думаю, комментировать здесь особенно нечего. Откровенно шаржированное изображение солдата. Но главное в том, что, как и во многих других случаях, на него переложена чужая вина. Сделали из солдата мальчика для бития.

Что касается осужденных, далеких или близких лет, то в оценке их литературой допускается, на мой взгляд, одна существенная ошибка. Их считают всех безвинно пострадавшими или вообще не делается никаких оговорок на этот счет — раз осужден, то само собой подразумевается сострадание и милосердие. Но такое обобщение — перекокс. Ведь уголовников всегда было несравненно больше, чем так называемых политических.

В начале 1988 года вышла книга стихов А. Жигулина для детей старшего школь-

ного возраста. Так вот многие строчки в ней посвящены осужденным — это видно совершенно отчетливо. В стихотворении «Бурундук» автор говорит: «А нарядчик, чудак — детина, Хохотал, увидав зверька: — Надо номер ему на спину. Он ведь тоже у нас — зека!..» Таким образом, здесь «зека» выступают любителями природы, в других произведениях — трудолюбивыми «до соленого пота», «железными», «дерзкими», «хорошими», «сильными людьми».

Разумеется, те, кто стал в прошлом жертвой необоснованных политических обвинений, такими и были. Но ведь в книге об этом ни слова. Более того, начинаешь догадываться, что речь идет именно об уголовниках. В стихотворении «Я был назначен бригадиром...» рассказывается, как один из них пригрозил ему: «Не дешеви, при этом «под полой его бушлата блеснул отточенный топор». Такой шаг любой политический посчитал бы ниже своего достоинства.

Если вспомнить поэтическую подборку А. Жигулина «Сгоревшая тетрадь» (Знамя, 1987, № 7), где у «солдат конвойных злые лица» и где они сравниваются с эсэсовцами, то невольно напрашивается ряд вопросов. Поэтизируя всех осужденных, подобные авторы не ставят ли все с ног на голову? И чему можно научить детей этими произведениями? «Зеков» из них готовим, что ли?

Не оттого ли в некоторых городах появились самодельные объединения «фуфаечников». Они распевают «зековские» песни, соответственно одеваются. Их цель — с ранних лет морально готовить себя к заключению. «Лагерь — не страшно, никто не минует его» — таков их девиз.

Быть может, неразборчивость А. Жигулина случайна? Других авторов она не касается? Отнюдь. Вот стихотворение И. Михайлова (Нева, 1988, № 4): «За Печорой, за Печорой, где ни жизни, ни дорог, в заколдованных просторах был застрелен паренек». Просто паренек? Всего лишь паренек? А может, совершающий побег насильник, вор или убийца, погубивший бог знает сколько душ? Или дезертир, увилинувший от фронта? Разве таких не бывало? Тот же И. Михайлов пишет: снится мне «стрелок на вышке, бдительный конвой, и шмон, и вставший на поверку строй, и автомат, что взят на изготовку...» Ну чем не зарешеточная романтика? Хотя сейчас переписывай в «зековский» альбом. А уж «фуфаечники» смело могут вставить эти строчки в свой гимн.

Надо четко различать, кто есть кто. Эту мысль не раз подчеркивает в своем письме подполковник Д. Паньков. И когда литература под видом репрессированных объединяет всех осужденных, она делает плохую услугу обществу: вольно или невольно оправдывает их всех. Любопытно, что эту ситуацию четко улавливают некоторые осужденные. Об этом рассказал заместитель начальника одной из ИТК майор внутренней службы Н. Катин. Он назвал несколько отъявленных рецидивистов, имевших 4—5 судимостей, кото-

рые активно рядятся в тогу невинных. «На этой основе, — подчеркнул Катин, — они пытаются втянуть солдат в недозволительную связь».

Однако вернемся к войсковому авторитету. Один из читателей — майор К. Сернов предлагает: когда размышляем о нем, надо ясно различать, что мы говорим о себе сами и что говорит о нас народ. «Я никогда не слышал, — утверждает К. Сернов, — чтобы он говорил о нас доброе слово...»

Народ «за» или «против» внутренних войск — так ставить вопрос нельзя. Ибо народ в целом — это слишком глобально, а значит, абстрактно. А вот мнение его представителей о войсках знать надо. И здесь немало похвального. Вспомним хотя бы цитату из книги И. Баграмяна. В разные годы в войсках служили такие прославленные военачальники Красной Армии, как В. К. Блюхер, С. С. Вострецов, М. М. Громов (впоследствии известный всей стране летчик). С нашей службой связана боевая юность генерал-полковника М. С. Хозина, Героя Советского Союза генерал-лейтенанта П. А. Фирсова, бывшего бойца вятского батальона ВЧК. Как известно, у них есть прекрасные слова о войсках. В Центральном музее внутренних войск меня познакомили с картотекой — в ней более 40 таких высказываний очень авторитетных в нашей стране людей.

Хотелось бы привести еще такой факт, он очень показателен в наших рассуждениях о почетности войсковых задач. Перед тем, как нашим солдатам уехать из Сумгаита, они с песнями под оркестр прошли по городу. Люди, стоявшие по обеим сторонам улицы, приветливо махали войнам, и не раз слышалось искреннее: «Спасибо вам, солдаты...»

Конечно, случаются и противоположные оценки, прежде всего исходящие от многих из тех, кто находится, если иметь в виду ИТУ, по другую сторону забора, или от тех, кто в том же Сумгаите нарушал порядок, совершал преступления. Однако эти суждения, бесспорно, нельзя отнести ко всему народу.

Но прежде чем сделать более определенные выводы, еще пример, взятый из одной нашей войсковой газеты. Рядовой Н. (в газете фамилия названа полностью) применил оружие на посту. Тщательное, как и положено, расследование с участием прокурора. Действия солдата признаны правомерными. Другого способа предотвратить нападение осужденного с топором на войсковой наряд не было.

Командир полка лично поблагодарил воина за службу и вручил ему отпускной билет. Приехал солдат домой на 10 суток. Затеяли вечеринку. На ней родители, невеста, школьные друзья да еще один человек, бывший сержант внутренних войск. Тот и обратился к Н.: «Отпуск-то за что, небось пришел кого-нибудь?» Солдат растерялся. «Как «пришил?» — переспросил, но, поскольку человек он был честный, согласился: «Да, дело было примерно так...». Тогда присутствующие на вечеринке, как по команде, встали и молча разошлись. Невеста сказала: «Поступай, герой, и дальше в том же духе». А утром смот-

рит — и родители косятся. Собрал солдат вещи и, не отгуляв еще восьми дней, вернулся в часть. Написал рапорт командиру: берите меня в прапорщики, домой я больше не поеду.

Вот такая грустная история о том, как общественное мнение наказало солдата. Мнение пусть небольшой, пусть специфической группы (отец во время службы сына был под следствием, присутствовавшие знакомые — члены неформального объединения «пацифистов»), но с ним, увы, он не мог не считаться — люди-то весьма близкие ему — родители, друзья. Это мнение определенной микросферы, сформированное обыденным сознанием, которое в свою очередь является отражением какого-то особенного индивидуального и группового быта. И здесь нет ничего необычного. Удивительное, пожалуй, лишь в том, что литература порой пытается это мнение обобщить, расширить, перенести на более широкую аудиторию.

Свидетельство тому — стихотворение Ю. Домбровского «Убит при попытке к бегству» (Юность, 1988, № 2). Судя по заголовку, применение оружия правомерно. И тем не менее: «Солдату дарят белые часы (то есть за черное дело. — В. А.). И отпуск в две недели. Две недели. Он человек! (Даже так? — В. А.). О нем забудут псы. Таежный сумрак, хриплые метели. Лети к своей невесте, кавалер! Дави фасон, показывай породу!.. Тебя целуют девки горячо. Ты первый парень — что ж тебе еще!» (Ну и ну! — В. А.). И даже когда солдат стреляется, автор его не прощает: «Милая душа! Как ты сильна под рыжей шкурой зверя!» (Дальше некуда. — В. А.).

Сколько сарказма, сколько открытой ненависти к нашему советскому солдату! И только за то, что в определенных обстоятельствах он выполнил свой долг, был верен присяге. Негативное отношение к войскам литература сейчас формирует очень активно. Но я не знаю ни одного произведения, столь непримиримого, столь ярко воспевающего эту неприязнь.

Какой вывод делает прочитавший его солдат? А такой, которого быть не должно: службу неси кое-как, через пень колоду, лишь бы день прошел, оружие никогда, ни при каких обстоятельствах не применяй, чтобы не раздражать тех, которые, как сказано в одном из писем, «ВВ не уважают». Все тот же «служебный пацифизм». Но если его добросовестно усвоят все, усвоят вопреки социальной логике и уставным требованиям, то нетрудно предвидеть тот тупик, в который мы загоним конвойную службу, — отбывающие наказание преступники, попросту говоря, разбегутся. Ведь никакие замки, заборы, вышки, сигнализация изоляционных функций не выполнят. Они лишь психологическое воздействие, только постоянное напоминание, что это граница, которую переступить нельзя. Остановить, удержать отбывающего наказание может лишь сознание, что за ней, этой границей, возможно: применение оружия.

А теперь повторим вопрос, который был в читательском письме и который потом был задан солдатам одной из частей: «Лю-

53
564

зите ли свою службу?» «Что там любить, — был типичный ответ, — преступников, что ли, которые принесли столько горя людям?» Да, слово «любить» здесь, пожалуй, не подходит. Но это не меняет существа службы, ее значения и нашего ответственного отношения к ней. Мало ли на свете дел нелюбимых, которые тем не менее выполняются добросовестно. Так и наши солдаты. Они честно выполняют предписанные им обязанности в силу воинского долга и убежденности в их необходимости.

Они с большим энтузиазмом водили бы танки, обслуживали бы военную технику, что престижно, окружено всеобщим почетом и освящено общественным мнением, — ведь за всем этим стоит защита родного Отечества. И применение оружия на посту в армейском подразделении не вызвало бы никакого — ни внутреннего, ни внешнего — конфликта, потому что это был самый настоящий враг, если он решился посягнуть на оборонный объект.

Но некоторых наших солдат общество послало в другое место, на конвойную вышку, поручило дело щепетильное и деликатное, сложное в моральном плане, и поэтому они, безусловно, заслуживают — нет, не снисхождения, а уважения. Хотя бы потому, а может быть, именно потому, что инициатива этой службы принадлежит не им, они лишь подчинились людскому требованию. Иначе где логика: общество посылает некоторых своих членов чистить «авгиевы конюшни» и за это же их презирает?

На вопрос анкеты был один такой ответ: «Когда я читаю литературу, порицающую меня, солдата, мне очень хочется крикнуть: «Эй, вы! Идите и сами несите эту службу!» Скажете, запальчиво? Пожалуй. Но очень верно по существу. Но обижаться все-таки не будем. Антиконтингентное настроение присуще далеко не всему обществу.

Итак, «не нравится», «не лежит душа», «холодное отношение». Это все ответы на вопрос «Любите ли вы свою службу?». Что ж, говорить о престиже нашей службы в личностном понимании этого слова, если иметь в виду, что оно подразумева-

ет обаяние, очарование, благостное влияние, пока не станем. Но есть ведь еще и социальный престиж, который трактуется, помимо прочего, как значимость в общественном смысле. Когда говорится о государственном значении выполняемых войсками задач, то тем самым подчеркивается их социальный престиж, или, что почти одно и то же, авторитет. Авторитет войск, авторитет всех видов нашей службы. Здесь-то и смыкается общественное с личным. То есть важное в государственном масштабе не может быть не почетно. Вот почему в официальных документах это слово применительно просто к службе, воинской службе встречается часто и вполне справедливо.

Помню годы послевоенные. Тогда мы, мальчишки, мечтали стать летчиками, моряками, артиллеристами... Но и пограничниками, дзержинцами тоже. И не очень-то замечали, кто какие носил петлицы и погоны, — военные профессии были в почете. Деление на службу почетную и не-престижную началось куда позже... В обществе менялась система ценностей, а у части людей в итоге формировалась психология инертного, безразличного отношения к воинской службе. Некоторых молодых людей привлекало уже не то, что нужно государству, а то, за что «не придется краснеть». Но так есть и сейчас, скажет читатель. Да, печальные отголоски застойных лет. Ничто не проходит бесследно, само собой. За авторитет войск надо бороться.

Прежде всего следует пробуждать в солдате чувство гордости за войска, убеждать их в общественной значимости нашей службы, разъяснять, что она, как и любая другая, насыщена большим содержанием. И эту пропагандистскую ношу должно взвалить на себя главным образом старшее войсковое поколение, которое пришло служить по зову сердца. Не обойтись здесь и без личного примера всех офицеров, носителей традиций и авторитета войск. Эх, если бы еще и литература повернулась лицом к этой проблеме...

Полковник В. АСТАШИН.

ОТ РЕДАКЦИИ

ЕСТЬ И ЕЩЕ ОДНО ПИСЬМО. ОНО КАК БЫ ВЫПАДАЕТ ИЗ ОБЩЕЙ МАССЫ ОТКЛИКОВ, СТОИТ ОСОБНЯКОМ, И ПОТОМУ МЫ ДАЕМ ЕГО ОТДЕЛЬНО, ПОЛНОСТЬЮ И БЕЗ ВСЯКИХ КОММЕНТАРИЕВ. МЫ НАДЕЕМСЯ, ЧТО ЧИТАТЕЛИ ВЫСКАЖУТ СВОЕ МНЕНИЕ ПО ЗАТРОНУТЫМ В ПИСЬМЕ ВОПРОСАМ.

Читаю статьи полковника В. Асташина в журнале (№ 2, 7), и становится грустно. На мой взгляд, такие публикации не только не проясняют обстановку, но, напротив, создают еще больше тупинов.

По мнению автора, все художественные произведения последнего времени, в которых упоминаются внутренние войска эпохи сталинизма, очерняют наши войска и личный состав, служивший в них. Но тогда нужно задать вопросы: «Был ли культ личности?», «Были ли невинные жертвы?», «Кто осуществлял в качестве механизма

политику репрессий в угоду Сталину и его клике, а не в интересах рабочего класса?»

Видимо, внутренние войска несут свою часть вины в той трагедии, которая произошла. Наши войска были частью репрессивного аппарата, выведенного из-под контроля не только народа, но и партии. Об этом сказал еще XX съезд КПСС. Разве не поэтому органы и войска прошли целый ряд преобразований, которые имели, кроме прочих задач, задачу уничтожения в них духа «бериевщины», культа.

Особенно поражает абзац, где сказано: «...кто-то засомневался, открыто возмутился. Ветераны два-три таких случая в своих частях вспоминают. Чем же кончилось дело? Трибуналом. И правильно, думаю, делали, что отправляли таких в штрафные роты. Потому что кому, какому правительству нужны солдаты, не желающие выполнять приказы».

Прекрасно. Это напоминает речи Геббельса. Что мы предлагаем нашим воинам? Бездумно выполнять приказы? А в чем же отличие социалистической армии от фашистской? А как же тогда с ленинским «не за страх, а за совесть»?

Трагедия многих служивших в то время в войсках и состоит в том, что они не понимали, где они защищают интересы народа, а где интересы Сталина и иже с ним, узурпировавших власть у народа.

Никакому правительству не нужны солдаты, не выполняющие приказы. К стенке их. А как же декабристы, потемкинцы? А те части, которые выступили против царя и Временного правительства? Их тоже нужно к стенке? А они-то и отражали интересы народа.

А как же тогда с Рютиным и Ф. Раскольниковым и другими, кто открыто выступил не против народа, а против культа Сталина?

И А. Приставкин, и А. Жигулин, и другие авторы описывают события, которые видели, описывают их правдиво. Это их видение мира. Запретить это в условиях гласности невозможно и не должно.

Обвинения в аморальности бывших воинов внутренних войск — это узкое восприятие автором этих произведений. К сожалению, в статьях идет больше борьба за «честь мундира», а не за осмысление истории войск.

Сегодня нельзя воспитывать личный состав на прежних книгах об истории войск под редакцией Ю. Чурбанова и И. Яковлева. И даже книга В. Некрасова сегодня лишь полуправда, которая, как сказано на XXVII съезде КПСС, хуже лжи.

Исходя из «урока правды», необходимо осмыслить не только победное шествие войск по истории, но и то, что их не красит. Если сегодня есть в войсках нарушения социалистической законности, отношение к подчиненным как к людям второго сорта, отсутствие доверия к людям и другие извращения, то корни этого в нашей истории.

Ведь если мы действительно считаем, что в войсках служат думающие люди, а не «винтики» и «шпунтики», то нужно понять, что такие объяснения, как в статьях, их не убедят.

Служат еще в войсках люди, которые грустят о былой славе войск НКВД. Они не задумываются о том, что большая часть этой славы держалась на страхе перед ними, на костях невинных жертв. Возрождение духа Ежова, Берии, их методов — это страшный синдром, который витает в воздухе.

От чего мы должны отказаться? Где корни этих явлений? Какими должны стать войска? В широком осмыслении этих проблем — наша задача.

Войска располагают большим потенциалом историков. Перед ними нужно поставить задачу написания правдивой истории войск и начать ее публикацию в журнале.

Сам я 24 года в войсках. Прошел Афганистан. Мой отец репрессирован и затем реабилитирован. Пошел служить в войска именно потому, чтобы не повторилось беззаконие. Сейчас преподаю в Пермском высшем военном командном училище научный коммунизм. Курсанты задают непростые вопросы. И отвечать им в черно-белом цвете, в котором написаны статьи, значит, заложить недоверие к старшим.

Сегодня многим из нас не хватает глубокого профессионализма, которого требовала перестройка. Прimitив здесь не проходит. Усвоил новые лозунги и — вперед. Философия подстройки у нас отработана. Кстати, если есть почта по этому вопросу, почему бы ее не опубликовать? Думаю, там есть умные мысли.

С уважением подполковник В. ЧУМАЧЕНКО.

НОВОРОССИЙЦЫ

Все меньше и меньше остается их, ветеранов первого поколения новоросийцев, прошедших сквозь 128 огненных дней на Малой земле, тех, чьими ратными делами и подвигами завоевано почетное наименование полка...

До мельчайших подробностей, будто и не минуло сорок пять лет, помню встречи с командиром полка Героем Советского Союза Иваном Васильевичем Пискаревым, замполитом Михаилом Борисовичем Козенковым, начальником штаба Александром Порфирьевичем Лысенком, комсоргом Василием Соколовым, другими командирами и бойцами.

Памятен первый приезд в Новоросийск. Среди сплошных руин освобожденного от врага причерноморского города, насквозь продуваемого осенним ветром с примесью щебенки, цемента, песка, собрались не совсем еще остывшие от горячих схваток комсорги батальонов, рот, взводов. Василий Белый, Михаил Пчелинцев, Александр Лещев, Николай Устюжанин, Иван Калинин, Иван Казаков... На гимнастерке у каждого красуются новенькие ордена и медали. Тогда мне предстояло обобщить опыт комсомольской работы в боевой обстановке, живыми творцами и носителями которого были именно эти прекрасные ребята.

Как же, оказывается, давно это было! И сегодня с большинством тех фронтовых товарищей, сослуживцев, мне суждено встретиться лишь на фотографиях в комнате истории и боевой славы части. Вот документы, награды, китель И. В. Пискарева, приказ о присвоении его имени сторожевому катеру. Никогда уже не придет Иван Васильевич на встречу с однополчанами. Вот фотографии, письма, личные вещи других воинов, погибших в те суровые годы, ушедших из жизни после войны.

Дольше всех эстафету того, фронтового, поколения новоросийцев нес здесь в строю Василий Пантелеевич Белый, в сорок третьем — сорок четвертом лейтенант, комсорг батальона. Службу в полку он закончил начальником его политотдела уже в семидесятые годы. Сегодня, увы, не встретил его.

Не одно поколение новоросийцев прошло за четыре с половиной десятилетия через боевые порядки полка. Своей ратной службой все они продолжали строить и возвышать здание его славы. Воины части обеспечивали безопасность в период проведения Крымской конференции руководителей великих держав антигитлеровской коалиции, участвовали в ликвидации буржуазных националистических банд в

районах Западной Украины, поддерживали общественный порядок при проведении различных массовых мероприятий, их видели на переднем крае в Чернобыле.

Родина по достоинству оценила заслуги новоросийцев: полк награжден орденом Красного Знамени. Часть неоднократно объявлялась отличной, ей вручались переходящее знамя Военного совета войск, вымпелы, почетные грамоты, призы.

Да, у фронтовиков достойные преемники. Они не растеряли добытые кровью своих предшественников славу и почести, а приумножили и обогатили их. Лучшие из лучших, начиная с 1957 года, заносятся в Книгу почета, навсегда сохраняясь в истории части. За 30 лет в ней запечатлено более ста имен. Приятно видеть рядом с ними и представителей первой когорты новоросийцев — старшину Владимира Подейко, служившего в полку с первого дня, четырежды избиравшегося депутатом районного совета, а также майора Петра Степановича Бабенко.

По-своему знаменателен для личного состава нынешний 1988 год. Полк выступил инициатором социального соревнования под девизом «Бдительно оберегать завоевания Октября, самоотверженным ратным трудом крепить оборону страны!» Почин воинов роты капитана В. Шилова дружно поддержали другие подразделения.

В Новоросийском Краснознаменном полку много делается, чтобы вечно горел огонь священных традиций, чтобы их негасимый свет озарял путь каждому, кто переступит порог части. О боевом прошлом и о дне сегодняшнем рассказывают добротные стенды на территории части и в подразделениях. С любовью и вкусом оформлена комната истории и боевой славы. По ее содержанию можно, конечно, сделать частные замечания, но в целом она вполне отвечает своему благородному предназначению.

Живое, выстраданное слово ветеранов высоко ценится в воспитании воинов на боевых традициях. Усилия однополчан направляет и координирует совет. Его председатель Петр Степанович Бабенко, майор в отставке, из числа коренных, так сказать, новоросийцев. С 1942 по 1962 год, ровно два десятилетия отдал он службе в полку, пройдя путь от рядового до заместителя командира батальона по политчасти. Тогда, в самые горячие месяцы сорок третьего, старшина П. Бабенко показал себя не только смелым и умелым воином, но и активным политбойцом. О нем в ок-

тябре 1943 года писала газета 18-й армии «Знамя Родины», рассказывая о лучших агитаторах в десантной операции. Словом, и Малая земля, и бои в городе, и последующие этапы боевой и служебной деятельности части — это трепетные страницы и его собственной биографии. С людьми полка 70-летний Петр Степанович знаком не понаслышке. Кандидатура председателя совета, думается, удачная, хотя, заметим столь же откровенно, прибавить в работе и ему самому, и всему ветеранскому активу не мешает.

Опереться совету есть на кого даже сейчас, после стольких понесенных утрат. Вот собралась группа старых однополчан побеседовать с человеком из Москвы, к тому же близко и неплохо знавшим полк с конца сорок третьего года. Пошли воспоминания, распросы, открытия.

Павел Михайлович Рубекин, фронтовик, вступивший в войну на границе, в полку командовал ротой... Дмитрий Иванович Бондаренко на Малой земле был командиром взвода разведки... Александр Трофимович Демидов, в сорок третьем рядовой, сапер, участник многих рискованных вылазок, кандидатскую карточку получил на Малой земле... Николай Степанович Проскурин тоже командовал ротой, в первые послевоенные годы гонялся за бандеровцами в одном из районов Львовщины... Фронтовой медик Мария Ивановна Кавешникова... У всех этих людей, скромных и заслуженных, кроме возраста — а каждому уже по семьдесят, — немало общего. Все продолжают трудиться на предприятиях города, активно занимаются военно-патриотическим воспитанием молодой смены в школах. П. Рубекин и Н. Проскурин избраны секретарями парторганизаций, а Рубекин к тому же возглавляет в автотранспортном предприятии совет ветеранов войны и труда.

И все они, а также И. Кривоносов, А. Королев, И. Колесников регулярно бывают в родном полку, выступают перед воинами на тематических вечерах, диспутах, комсомольских собраниях, на праздничных митингах и торжествах — о героизме советской молодежи в период Великой Отечественной войны, о воинском долге, о бдительности, о том, как важно мастерски владеть оружием. Их страстное, проникновенное слово звучит убедительно, западает в души.

Связан совет и с ветеранами из других городов. Многие из них пишут в полк, приезжают сюда для встреч с однополчанами и со своими наследниками. Это житель Калининграда Федор Фарафонов, бывший командир пулеметного отделения, один из 13 бойцов, обратившихся в разгар боев в Новороссийске с коллективным заявлением «просим считать нас коммунистами», бывший автоматчик Иван Шрамко из Барнаула, Александр Лещев из Горького, Федор Урюпин и Константин Гусев, командиры рот, из Симферополя, Василий Белозеров, бывший сержант, ныне совхозный механизатор из Ростовской области. Каждый из них оставил в боевой летописи части добрый след. Пусть не столь часто, но слетаются, съезжаются они вместе по случаю юбилейных дат.

Близко к сердцу принимают ветераны сложные процессы нынешней перестройки, практические голосуют за нее своим трудом на производстве и неубывающей общественной активностью. Их, однако, не на шутку тревожат известные перекосы в гласности, которые отразились в ряде публикаций периодической печати. С болью называли они статью из «Недели», автор которой объявил ветеранов чуть ли не протвиниками перестройки, возмущались развязкой по тону полемики о том, кого считать участником войны, в «Книжном обозрении». Огорчили их легковесные, а то и пренебрежительные сентенции о Малой земле. Для ее героических защитников, тех, кто там стоял насмерть, кто хоронил там боевых друзей, Малая земля независимо от того, какую конъюнктурную шумиху ради возвеличения одной личности однажды вокруг нее устроили, не забывается и бессмертна.

Воспользовавшись удобным поводом, нелишне поразмыслить и о будущем. Ибо есть вопросы неспрвадные, хотя, может, и не столь однозначные. И относятся они не к одним лишь новороссийцам, а к деятельности наших ветеранских объединений вообще.

Не секрет, что многое, в том числе работу с людьми, успели мы за последние (да и не за одни лишь самые последние) годы заформализовать, оканонить, облечь в некие парадные одежды торжественных речей, монументальных стенов, лозунгов, цитат, стереотипов. А ведь главное-то — конкретный человек, живой ли, павший ли на поле брани, ушедший ли из жизни позднее. Иначе история наша и традиции наши выглядят такими безликими, холодными, словно памятники. Меж тем мы так часто, с похвальным усердием повторяем слова о человеческом факторе.

Зайдите в любую роту, спросите у солдат и сержантов (да и у офицеров, особенно молодых), что им известно о прошлом части. Скажут, что полк воевал, заслужил почетное наименование, награжден — и все. Почему-то считается нормальным, что у части есть, а у роты нет своего прошлого. Разве не возвышал бы солдат одной из рот сознание того, что его в сорок третьем командовал Федор Григорьевич Урюпин, храбрый офицер, награжденный за Малую землю орденом Александра Невского, а за взятие Новороссийска — Отечественной войны? Или что знают, допустим, солдаты 6-й роты о Давиде Джолия? К сожалению, никто не вспомнит имя и подвиг этого снайпера, героически погибшего при штурме Новороссийска и посмертно награжденного орденом Отечественной войны I степени, того самого Джолия, чей комсомольский билет я держал в 1943 году в руках, тогда он хранился в шкатулке комсорга полка.

На Малой земле погиб, охраняя Боевое Знамя части, комсомолец Михаил Ревазовшвили. Залитый кровью, пробитый осколком мины его комсомольский билет переходил из рук в руки на собрании, где молодые воины поклялись свято хранить честь знамени, верность ему. Бесценных

тех реликвий нет, о их судьбе ныне никто не знает. О подвиге М. Ревазошвили напомнил в своем письме уже после войны офицер Садовников, приславший в часть и его фотографии. В начале 80-х годов по инициативе комсомольцев полка был учрежден выпел имени Ревазошвили, ежеквартально вручавшийся по приказу командира части лучшей первичной организации ВЛКСМ. Потом кому-то почему-то показалось, что подвиг этот недостаточно подтвержден документально, а потому-де выпел незаконен, и от него отказались. Пошли, как говорится, по пути наименьшего сопротивления. Между тем куда бы вернее, хоть и хлопотнее, было вместе с ветеранами поискать необходимые документы, свидетельства.

И вообще совету ветеранов следовало бы настойчивее искать тех, кто был подлинной гордостью новороссицев. Вспоминать таких чудесных героев-малоземельцев и освободителей Новоросийска, как Михаил Пчелинцев и Алексей Бояркин, награжденных орденом Красного Знамени. Кто помнит о них? Где они? Какова их дальнейшая судьба? У П. Бабенко есть сведения, что Пчелинцев живет в Минске. В родном полку он ни разу не был. А вот о Бояркине мне вообще ничего сказать не могли. Знаю меж тем, что не в пример однополчанам сотрудники Новоросийского исторического музея сумели разыскать Бояркина, встретиться с ним, уточнить детали появления уникального экспоната — клавира оперы «Золотой петушок», на котором рукой сержанта написано: «Играть можно — разминировано». Надо уметь дорожить прошлым, использовать его богатства, что называется, до дна и не оправдывать текущей будничной равнодушие к славному былому.

Не пренебрегая уместной в свой час парадностью, торжественностью и праздничностью в работе с ветеранами, когда звучит музыка, вручаются цветы, грамоты, сувениры, возлагаются венки и гирлянды на мемориалы и могилы, стóит, наверное, больше значения придать будничному, повседневному. Тут имеется в виду и забота о быте, здоровье, самочувствии каждого ветерана, о том, чтобы не забыть поздравить его в день рождения — и, может, не на казенном типографском бланке, куда вписываются лишь имя и отчество, как это кое-где из лучших побуждений заведено, а живым человеческим голосом, горячим рукопожатием. И вообще почаще, не ожидая официальных поводов, проявлять товарищеское участие. А разве может совет ветеранов с безразличием наблюдать за тем, как кто-то беспричинно отходит в сторону от активной общественной жизни, уединяясь в мирок лишь личных забот? Вопросы такие, разумеется, чрезвычайно деликатны, одним махом не решаются, уклоняться же от них нельзя.

Раскованной, раскрепощенной, лишенной парадности, более человеческой, что ли, хотелось бы видеть и работу ветеранов по воспитанию личного состава. Здесь тоже не будем начисто отвергать ритуалы. Не разумно возражать, допустим, против вручения ветеранам оружия молодым солдатам, против прочувствованного поздравления их с принятием присяги, с первыми успехами в службе. И все же пусть будет меньше трибун с микрофонами и застывших в молчании равнодушных солдатских рядов в клубных залах. Пусть место чинного, менторского по тону монолога все увереннее занимает взволнованный, искренний диалог представителей разных поколений. Пусть чаще увидим мы ветерана, окруженного группой солдат, и без бумажки, в душевной беседе, от сердца к сердцу передающего богатство знаний, убеждений, опыта. Да и наедине, может, с «трудным» внуком нелегкий, честный разговор — да и не раз, не два — пошел бы тому на пользу.

Думается, именно такой подход наилучшим образом отвечал бы сегодняшним взглядам на практику воспитательной работы.

Один конкретный аспект в этой связи. На столе у политработника части подполковника Н. Емельянова вижу подробные рекомендации и советы по сплочению воинских коллективов, по профилактике так называемых неуставных взаимоотношений. Интересуюсь:

— Не отпала нужда в этой литературе?

— Пока нужна, постоянно приходится заниматься. Хотя каких-то тревожных симптомов и сигналов и нет, от проникновения в казарму нетоварищеских отношений, ложных представлений о дружбе мы не гарантированы. Проблема остается.

Вот тут бы тоже в самый раз пригодились наши ветераны с их размышлениями и наблюдениями о взаимной выручке в бою, о надежном локте товарища в окопе и в атаке. Сколько на их памяти таких эпизодов!

Да что там толковать о каких-то частностях, коль у прославленного полка с его богатым прошлым, замечательными традициями, плеядой героев пока нет грамотно написанной истории. Вспоминают, что в 1945 году выходила брошюра, посвященная боевым действиям части. Тогда ей от роду исполнилось всего-навсего три года, сейчас-то уже сорок шесть. Да и книжицу ту попробуй найти — она давно стала редчайшей, недоступной реликвией. Наверное, привлечение ветеранов всех поколений к созданию пособия об истории и боевом пути части следует считать сейчас тоже важнейшей и притом неотложной задачей совета.

Генерал-майор в отставке
И. БЕЛИКОВ.

КУЛЬТУРА. БЫТ

■ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ — НЕ ЛИШНЕЕ ВРЕМЯ: ОСТРЫЙ СИГНАЛ, ФОТОРЕПОРТАЖ, ОПЫТ ■ ВСТРЕЧИ ПО ВАШИМ ПРОСЬБАМ

ГДЕ ЖИВЕТ СКУКА ?

Подразделения, о которых пойдет речь, находятся примерно в одинаковых условиях. Разница в том, что в одном из них поселилась... скука. В каком и почему? Читателю догадаться об этом, думаю, будет нетрудно.

В роте, где заместителем командира по политической части лейтенант Андрей Михайлов, сделано немало по организации хорошего досуга военнослужащих. В воинском коллективе регулярно проводятся концерты художественной самодеятельности, вечера отдыха, встречи с известными артистами театра и кино. Комсомольские активисты во главе с ефрейтором М. Игнатенко поддерживают тесную связь с советом клуба и библиотеки части. Помощь опытных культпросветработников помогает им умело и творчески подходить к организации отдыха.

Мне довелось побывать на недавнем вечере отдыха, который организовали активисты. Начался он сатирическим номером, который подготовили ефрейтор А. Химанч, рядовые В. Пономаренко и Р. Домашев. Воины показали небольшие сценки из жизни роты. Дружный хохот раздался в ленинской комнате, когда артисты сыграли сцену выхода личного состава на физическую зарядку. Да, есть в коллективе и такие, кто не в полную силу выкладывается на спортивных снарядах и беговых дорожках. Следующая солдатская реприза посвящена была тому, как воины роты ведут борьбу с курением. И опять в помещении стоял веселый смех.

Он вспыхнул с новой силой, когда на импровизированной сцене появился сержант А. Мартиросян. Участники вечера отдыха легко угадывают артистов, которых

пародирует младший командир: Винокур, Петросян, Этуш, Жванецкий...

Аплодисментами встречают зрители ефрейтора С. Миндрина. Песни, которые исполнил воин, хорошо известны и любимы: «Последний бой», «Он не вернулся из боя», «Бери шинель...»

Вечер закончился, но в казарме еще долго звучали шутки, смех, царило поднятое настроение — верный признак того, что завтра на службу воины пойдут хорошо отдохнувшими, со свежими силами.

И так бывает почти после каждого проведенного культурно-массового мероприятия, будь то вечер отдыха, читательская конференция или встреча с интересным человеком. Секрет столь успешной работы по организации досуга заключается в том, что комсомольские активисты стараются привлечь к участию в мероприятиях как можно больше желающих. При подготовке внимательно прислушиваются к каждому дельному предложению, активно поддерживают творческую инициативу и обязательно стараются найти что-то новое, интересное и необычное. Творческий, деловой подход помогает успешно решать многие проблемы.

А вот как проходят выходные дни в подразделении, где отношение к организации досуга иное как со стороны командования роты, так и со стороны комсомольских активистов.

В ленинской комнате подразделения в то воскресенье утро было немногочисленно. Несколько воинов, усевшись на беспорядочно стоявшие стулья, смотрели телевизор, со скучающим видом обсуждали все то, что происходило на экране. При этом они обильно слабривали свою речь непечатными, скажем так, словами. Особенно усердствовал в сквернословии командир отделения старший сержант В. Марцинкевич. Пошлости одна за другой раздавались в помещении, которое призвано служить целям прямо противоположным.

Судя по всему, телепрограмма казалась воинам скучной. Тогда для чего они собрались здесь?

— Как для чего? — удивился один из солдат, когда я задал ему этот вопрос. — Сегодня же выходной, вот мы и отдыхаем.

Оказывается, можно и так отдыхать. Чуть позже в роте состоялся уже официальный разговор о проблемах солдатского досуга. Увы, серьезным он не стал. Комсомольские активисты во главе с рядовым С. Дубом говорили о недостаточном внимании к солдатским нуждам и запросам со стороны командиров, заместитель командира роты по политической части лейтенант С. Шкаропад, наоборот, упрекал в бездеятельности самих комсомольцев.

Слов звучало много, но никто не говорил о том, как исправить положение дел, как сделать отдых интересным. Тогда общими рассуждениями и ограничились: мол, плохо у нас, лучше хочется. А какие конкретные меры надо предпринять для того, чтоб это лучшее пришло, так и не выяснили. То ли на авось понадеялись, то ли на то, что со временем все само собой образуется.

Но так не бывает.

И вот спустя некоторое время — новая встреча с личным составом подразделения. Что довелось увидеть на этот раз? Все ту же скуку, властвующую в роте в выходной день, не знающих чем себя занять военнослужащих. В роте теперь новый политработник, старший лейтенант В. Островский, а традиции по организации досуга остались прежними.

А жаль. Ведь можно строить свой выходной совсем по-иному. Так, к примеру, как делают это подчиненные лейтенанта А. Михайлова, о чем речь шла в начале данного материала.

Старший лейтенант Н. КАМШЕНИН.

МНОГОЦВЕТЬЕ «ДВУХ КОЛЬОРОВ»

Появление несколько лет тому назад на эстраде вокального дуэта «Два кольоры» («Два цвета») было замечено любителями песенного искусства. Каждая песня исполняется Людмилой Гримальской и Олегом Ледневым как диалог — веселый, лиричный. Олега Леднева помнят как музыканта ансамбля песни и пляски внутренних войск МВД СССР по Украинской ССР и Молдавской ССР. И сейчас он нередкий гость в подразделениях войск. После одного такого концерта с известным дуэтом и встретился наш внештатный корреспондент капитан В. КОРКОДИМ.

— Олег Никитович, вспоминается войсковой ансамбль?

Олег Леднев. Да. Когда ансамбль только создавался, я, надевший в то время солдатскую форму, попал в этот коллектив. Был балнистом, играл на контрабасе. Вместе со мной служили Михай Долган — ныне он в Молдавии руководит эстрадным коллективом «Контемпоранул», Владимир Бегма — он стал режиссером Киевского академического театра оперы и балета УССР, Игорь Поклад — с этим известным композитором мы и сейчас поддерживаем творческие контакты.

— С тех пор у вас и сохранилась любовь к военной аудитории?

О. Л. Мы всегда охотно откликаемся на приглашения выступить перед воинами. Например, довелось участвовать в концерте, посвященном юбилею ансамбля песни и пляски внутренних войск МВД СССР по Украинской ССР и Молдавской ССР. Военно-шефская работа стала для нас повседневной и необходимой.

— Вокальные дуэты очень популярны. Ваш дуэт отличается своеобразием исполнения, репертуаром. А как началось творческое содружество? Включайтесь в разговор, Людмила.

Людмила Гримальская. Мы с Олегом впервые спели в ВИА «Кобза», где он был бас-гитаристом. Говорят, получилось. Однако в рамках программы вокально-инструментального ансамбля можно выступать лишь с одним, двумя номерами. Мы же имели в своем репертуаре немало песен, над аранжировкой которых неустанно работали. Поэтому и решили выступать отдельным коллективом. Вскоре стали лауреатами Международного фестиваля дружбы «СССР — ГДР».

— Что вы считаете главным в своем творчестве?

О. Л. Поиск новых песен, самобытных, ярких. Стремимся превратить каждую в жанровую сценку, исполнить в форме диалога, в сопровождении народных инструментов, которыми так богата Украина.

Л. Г. Мы хотим, чтобы слушатели знали сопилку, цимбалы, казацкую трубу, окарину, дримбу, бубен... Найти песню непросто: просматриваем многочисленные песенники, сборники народного музыкально-поэтического наследия. объездили все уголки Украины, где случали и записывали народные песни. Много дает творческое содружество с известным хором имени Григория Веревки, с замечательной украинской певицей Ниной Матвиенко. Всегда смотрим по республиканскому телевидению передачу «Солнечные кларнеты», в которой самодеятельные коллективы исполняют народные песни...

— Вы не упомянули современных композиторов-песенников.

О. Л. Игорь Поклад написал хорошие песни, которые мы охотно включили в свой репертуар. Это «Ой, стояла хата» и «Три вербы». Сотрудничаем и с поэтом Юрием Рыбчинским, кстати, он также бывший воин внутренних войск. Отказываемся от песен-однодневок, к сожалению, нередко звучащих с эстрады.

— А каково ваше отношение к вокально-инструментальным ансамблям?

О. Л. Мне кажется, что от ВИА, грочующих, с многотонными усилительными установками, люди устали, они хо-

тят музыки спокойной, не давящей на барабанные перепонки. Я считаю, что идет процесс возврата к народной музыке. Она настраивает человека на открытость, очищает от ненужного, наносного. Поэтому мы и решили посвятить свое творчество пропаганде народных мелодий, фольклора. Мы любим и эстрадную музыку. Но я твердо уверен, что ни один синтезатор не заменит, например, цимбалы по красоте звучания.

— Зрители не раз имели возможность увидеть вас с телеэкрана...

О. Л. Да, телевидение сняло фильм, в котором мы исполняем лучшие песни из своего репертуара. Многие песни записали также на радио. Но самое большое удовлетворение получаем от непосредственных встреч со зрителями в сельских и заводских Домах культуры, воинских частях. Недавно подготовили программу «Через наши села путешествие: веселое». Выступили с ней на одной из самых больших концертных площадок столицы республики — во Дворце культуры «Украина», а затем в городах и селах Сумщины, других областей. Удалась ли нам новая программа — судить зрителю. И не в последнюю очередь, конечно же, воинам. К ним, как и всегда, мы едем с открытой душой.

Недолгие минуты солдатского досуга, отпущенные строгим распорядком дня, должны пройти насыщенно, интересно, с пользой. Это стало правилом в воинском коллективе, где служит политработник офицер А. Паламарчук. Здесь не увлекаются массовыми мероприятиями, которые кое-где проходят ради пресловутой галочки без учета индивидуальных запросов солдат.

Самое популярное место отдыха в казарме — уголок психологической разгрузки. Звучит любимая мелодия, только что пришли свежие журналы, за стеклом аквариума снуют пестрые рыбки... Разные увлечения у рядовых П. Беспаленко, Ю. Антипова, Д. Янаусаса, ефрейтора К. Геца и сержанта Д. Строкова (на верхнем снимке слева направо), но заступать на службу все они будут с хорошим настроением. Потому что отдохнули душой.

Другие их товарищи предпочли позаниматься в спортивном уголке. Нехитрые снаряды — перекладина, брусья, боксерская груша, — но вполне позволяют поддерживать необходимый тонус.

Не пустует и фойе солдатского клуба. Сегодня здесь импровизированный вечер поэзии. На суд товарищей вынес свои стихи рядовой Сергей Брагин.

«Иначе буду писать министру...»

Хорошо это или плохо, когда в ежедневной редакционной почте много писем читателей! Странный вопрос, не правда ли! Даже наивный, если не сказать — несерьезный. Тем более сейчас, когда перестройка расшевелила людей. Возросла активность и в воинских коллективах, что, конечно, не может не радовать. И все же!

Известно, письма — важнейший источник свежей информации, питающий печать актуальными, злободневными материалами. Письма позволяют лучше знать жизнь, острее ставить проблемы, глубже их осмысливать. Массовые периодические издания, в том числе и наш журнал, немислимы без постоянной и тесной связи с читателями.

Характерно, что по отношению ко всем прочим письмам, многие из которых становятся самостоятельными публикациями или ложатся в основу самых разнообразных журнальных выступлений, последнее время довольно высок процент частных заявлений, жалоб, просьб. Чаще всего они отнюдь не предназначены для печати. И тем не менее эта часть корреспонденции представляет большой общественный интерес, требует к себе повышенного внимания. Ибо за каждым письмом — человек, с его заботами, тревогами, сомнениями, надеждами.

Уже сам по себе факт, что многие обращаются с теми или иными вопросами в печатный орган, отраден. Значит, люди видят в журнале компетентного собеседника, надежного помощника, защитника их интересов. Не секрет, не от хорошей жизни зачастую делают они это: адресуя нам просьбу, автор, как правило, до этого не нашел поддержки у себя в части, подразделении, столкнулся с равнодушием. И, отправляя письмо, он верит: журнал без внимания его не оставит, отнесется к нему с пониманием. Некоторые так и пишут, мол, на тебя, редакция, последняя надежда. И редакционные работники стараются оправдать их ожидания.

Но есть в редакционной почте послания — и их довольно много, — которые вызывают вполне резонные вопросы: всегда ли по адресу обращаются авторы их в журнал? могут ли журналисты во всех случаях оказывать эффективную персо-

нальную помощь каждому, кто написал нам?

Хорошее это качество человека — любознательность. Стремление к знаниям, к расширению своего кругозора — похвально. Правда, тут требуется оговорка. Суть ее вот в чем. Потребность в интересующей информации некоторые товарищи реализуют весьма своеобразно: возникли трудности — тут же посылается сигнал в редакцию. Дескать, там наверняка знают, что к чему, сумеют подсказать, как поступить в сложившейся ситуации. Вот и идет поток писем с просьбами ответить подчас на самые элементарные вопросы. Например, такие: в каких случаях прапорщики могут быть уволены до окончания срока обязательства; полагается или нет им денежная компенсация за неиспользованный отпуск в году увольнения; что является основанием для предоставления краткосрочного отпуска; как оплачиваются военнослужащим-женщинам дорожной и послеродовой отпуска; какие функциональные обязанности возлагаются на машинистку?.. Кое-кто идет даже дальше и поручает редакции забронировать в Москве гостиницу на время своего приезда вместе с ребенком. Или выслать пластинки с Государственным гимном СССР и маршами, интересующую книгу, значки...

Согласитесь, в большинстве проблем житейских и, бесспорно, важных авторы писем могли бы разобраться и без посредничества журнала. Своими силами. На месте. Порядком, определенным уставами. Через соответствующих начальников, которых облечены властью, правами. Именно они обязаны разъяснять подчиненным те или иные вопросы.

Трудно согласиться, что для решения проблем, связанных с тем же порядком предоставления отпусков, в том числе и краткосрочных, непременно надо обращаться в журнал. Ведь все это подробно

508
569

изложено в документах, доступных военнослужащим, по крайней мере их просто обязаны знать командиры, другие должностные лица подразделения, части.

Никто, конечно, не может упрекнуть кого бы то ни было за то, что он попросил разъяснений у редакции по интересующему его вопросу. В конце концов это конституционное право каждого. Но и журналисты, которым приходится работать с читательской почтой, вправе рассчитывать на то, чтобы к их служебному времени отнеслись ответственно и с уважением.

...Это письмо со странными адресами, с одной стороны, вызвало, прямо скажем, досаду: надо же так все перепутать! С другой, позабавило: неужели не перевелись ванычи жуковы?! Дело в том, что на конверте значилось буквально следующее: «Москва, «На боевом посту»... И наконец, удивило: по таким неполным координатам почта смогла-таки доставить корреспонденцию по назначению! Ведь в столице несколько изданий носят такой же заголовок, как наш журнал...

Да, то письмо теперь вызывает лишь улыбку. Но поначалу оно поставило сотрудников редакции чуть ли не в тупик. Фамилия автора в тексте и на конверте читалась по-разному. Не все удалось разобрать по содержанию — писавший будто специально решил проверить способности журналистов разгадывать головоломки... При регистрации тоже вышла заминка. Чтобы уточнить не указанный автором почтовый индекс его места жительства, заглянули в справочник. И тут вскрылась еще неожиданность (поверьте, в этой истории ничего не преувеличено): населенный пункт, оказалось, находится совсем не в Челябинской, как написано в обратном адресе, а в Курганской области!

Путем многочисленных расспросов, консультаций и звонков все же удалось установить, где служит автор — младший сержант К. Вычислив его адрес, смогли помочь утрясти волновавшие его проблемы. Прямо скажем, не такие уж трудные, чтобы решать их подобным образом. Как нам позже сообщили, автор письма удовлетворен помощью. Возможно, даже добрым словом вспоминает редакцию. И в редакции нет-нет да заходит речь о его замысловатой, почти не поддающейся расшифровке просьбе...

Впрочем, не анекдотичность той истории побудила вернуться к ней. Дело в том, что в редакционной почте, к сожалению, еще немало посланий, оформленных небрежно. Иной раз из-за отсутствия необходимой информации трудно даже понять, в чем суть обращения. А как можно помочь человеку, не уяснив, чего он хочет...

Порой редакция оказывается в затруднительном положении: как реагировать на ~~т~~ или иной сигнал? Списать в дело, оставив без ответа из-за того, что поступил не по адресу? Не принято. Посоветовать человеку, втягивающему всех и вся в орбиту своих сугубо личных, никого не касающихся дел, самому во всем разобраться? Может не понять. Да еще, чего доброго, обидится. Трудно понять, откуда пошла привычка подключать различные учрежде-

ния, организации, печать для выяснения порой просто мелочных дряг, семейных конфликтов, служебных и иных недоразумений? Ну разве трудно по-соседски да по-людски решить бытовую или иную проблему?

Вспоминается письмо прапорщика А. Тихонова. В нем военнослужащий сообщил о своем житье-бытье, о том, что заканчивается срок обязательства и он хотел бы перевестись в другой регион страны. Но вот начальники в этом чинят всяческие препятствия. Каким же образом? Оказывается, они сообщили ему о существующем на сей счет порядке. А именно, что для реализации задуманного прапорщик должен обратиться к командиру воинской части, куда намерен перевестись, рассказать о себе, о своих нуждах. Если его предложение заинтересует, то в часть, где он служит, поступит официальный запрос с просьбой выслать личное дело для изучения и принятия решения. Тихонов же считал, что узнавать адреса, писать, хлопотать за него должен кто-то, а потому сетовал: «Мне неохота писать рапорт на увольнение, так как я потеряю выслугу лет... перевестись же мне не помогают».

Вот такая жалоба. В самом деле, как с ней поступить? Отправить в часть, но там человеку все растолковали верно. Заняться переводом прапорщика? Это не входит в компетенцию редакции. В конечном счете еще раз разъяснили автору жалобы порядок перемещения военнослужащих в другие части, хотя это подробно расписано в соответствующем Положении, которое имеется в каждой роте и с которым заявитель, судя по всему, знаком.

Есть в почте редакции письма, которые свидетельствуют о том, что кое-кто привык к тому, что решить ту или иную проблему можно лишь непременно в Москве. И если вдруг задержали выдачу денежного содержания, возникло сомнение в справедливости объявленного взыскания за появление на службе с запахом спиртного, — обо всем этом пишут в столицу, в журнал, как в «последнюю инстанцию». К сожалению, главная причина этого явления кроется в том, что кое-где командиры и начальники плохой работой подорвали доверие людей к себе. Но есть примеры и иного характера. Вот один из них. Лейтенант А. Вирясов, обратившись в редакцию, попросил решить финансовый вопрос. Из-за несогласованности строевой части и финансовой службы с него, женатого человека, при начислении денежного содержания удерживали налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, хотя для молодоженов в течение года предусмотрена льгота. И позже с Вирясова высчитывались деньги, несмотря на то, что в семье офицера родился ребенок. Проконсультировав жалобу у специалистов, редакция направила ее в УВВ по Северному Кавказу и Закавказью, попросив восстановить справедливость. Через некоторое время проверили, как решен конфликт. Оказывается, положительно: лейтенанту возвратили незаконно удержанные деньги. Но выяснилось при личной беседе с А. Вирясовым и другое: он, попав в затруднительное положение, почему-то не счел

нужным обратиться со своими заботами ни к начальнику политотдела, ни к командиру части, хотя они рядом и конкретно, по-деловому решают все проблемы. И в рабочем порядке, и в часы приема по личным вопросам.

Молодой офицер признался, что поторопился с письмом в журнал, что в нем не было никакой надобности: узнав о жалобе А. Вирясова, командир части вник в ситуацию, принял справедливое и единственно верное решение. Стоило ли затевать бумажную карусель, подключать к выяснению в общем-то простой ситуации многих людей? Пожалуй, нет.

А ведь скоропалительных обид, которые легко решаются на месте, в журнал поступает немало.

Довольно часто авторами их выступают жены военнослужащих. И в связи с этим, думается, есть необходимость высказать несколько пожеланий. Во-первых, попросить проявлять элементарную бдительность. В посланиях гражданских лиц нередко открытым текстом сообщаются сведения, отнюдь не предназначенные для разглашения. Следует помнить и о том, что по служебным вопросам редакция ведет переписку только по адресам воинских частей и подразделений.

И еще о письмах женщин. Иногда они явно поспешны. Многие пишут в различные инстанции, даже не посоветовавшись с мужьями. А почему бы не записаться вначале на прием к лицам командования части? Уверен, что во многих случаях им удалось бы по самым сложным проблемам исчерпывающий ответ получить на месте.

Интересное наблюдение: последнее время не только прибавилось число частных просьб, но и заметно изменился сам тон подобных посланий. Чтобы проиллюстрировать эту мысль, сошлемся на жалобу бывшего военнослужащего В. Винника. Прапорщик запаса высказал негодование по поводу его якобы несправедливого увольнения: дескать, пострадал за критику начальства. Забегая вперед, скажем, что, как показала проверка, предвзятости никакой в случае с В. Винником не было допущено. В войсках в последнее время проводятся большие организационно-штатные мероприятия, некоторые военнослужащие подпадают под сокращение. Это реальность. Вполне объяснимо и то, что в первую очередь увольнению подлежат люди, менее добросовестные. А к В. Виннику имелись претензии — и по службе, и в личном поведении.

Об этой жалобе мы завели речь не для того, чтобы показать ее несостоятельность. Она характерна в ином. Обиженный прапорщик в своем письме категорически требовал, чтобы редакция для разбора его дела выслала своего сотрудника. При этом даже объявил ультиматум: приезжайте непременно, иначе буду писать Министру внутренних дел СССР.

Не смогла редакция направить своего корреспондента для личной встречи с В. Винником. Довольствовались ответом на запрос по его жалобе из УВВ. Тем более, что был он полным, аргументированным. Возможно, тов. Винник не в восторге от такого решения? Кто знает, может, не оставил мысль пожаловаться на нас?

А способны ли сотрудники журнала принять к работе все заявки «прислать корреспондента»? Конечно, нет. Чаще всего, получив письмо с той или иной просьбой, редакция вынуждена после консультации у специалистов разъяснять авторам требования приказов, постановлений по поднятой проблеме. Конечно, не каждый затронутый читателями вопрос журналисты могут решить самостоятельно. Ряд жалоб, просьб направляется соответствующим должностным лицам на рассмотрение и для принятия мер. Это нередко вызывает недовольство авторов писем: дескать, «спихнули» вместо того, чтобы разобраться самим по существу. Что тут добавить к вышесказанному? Ну, верное, то, что редакция попросту не вправе кому-то приказывать дать квартиру или предоставить отпуск в августе, а не в январе... Не могут журналисты влиять на размер назначаемой при увольнении пенсии, на служебную нагрузку офицеров и прапорщиков и т. п. Потому-то и вынуждены направлять запросы туда, где они и должны рассматриваться и разрешаться.

К сожалению, недостатков на местах еще хватает. Но разве обязательно надо писать куда-то, чтобы добиться самого насущного? Почему коллективы в повседневной жизни оказываются подчас совершенно беспомощными перед кучкой бюрократов? Почему люди не всегда верят в свои силы и порой не предпринимают настойчивости, чтобы поставить все на свои места?

Нет, редакция не призывает к тому, чтобы читатели меньше обращались в журнал, в том числе и, так сказать, по личным мотивам. Надо писать нам обо всех недостатках, с которыми сталкиваемся в жизни. Ведь читатель — наш главный корреспондент. Редакция всегда ждет ваших писем. Самых разных, откровенных и принципиальных, небеспристрастных, конструктивных, раскрывающих в конечном счете ход перестройки в войсках.

И в заключение хотелось бы подчеркнуть вот какую мысль. Время, в которое мы живем, предполагает активную жизненную позицию каждого, смелое вторжение во все происходящее вокруг нас, требует решительно изживать последствия застойного времени, в котором мы долго пребывали. Наводить порядок всем нам. И с недостатками бороться — тоже. Давайте будем это делать сообща, не перепоручая сложные и несложные дела другим.

Подполковник В. АФАНАСЬЕВ.

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

ОСТАВИЛИ ДОБРУЮ ПАМЯТЬ

В нашей лачинской школе-интернате во время летних каникул временно было размещено подразделение внутренних войск, прибывшее для наведения общественного порядка в Закавказье. Мужественно, с достоинством и честью выполняли подчиненные офицера Е. Орлова возложенные на них задачи. А когда позволяла обстановка, активно помогали учителям, родителям учеников подготовить как следует школьное здание к началу учебного года. Отремонтировали общежитие, учебный корпус, благоустроили дворик, спортивный городок, привели в порядок парты. Короче, выполнили огромный объем работ. Причем все сделали на совесть. Среди тех, кто особенно много труда вложил в ремонт, отмечу А. Петихина, В. Братищева, И. Дудченко, А. Хартановича, В. Козина и С. Жирнова.

В школе-интернате давно уже идут занятия. Прошло несколько месяцев, как уехали от нас войны. Но о себе они оставили добрую память. Спасибо вам, дорогие, за вашу бескорыстную помощь!

С. БАЙРАМОВ,
директор школы-интерната
им. А. Вердиева.
Азербайджанская ССР.

ХОТЯ ПИСЬМО И
НЕ ОПУБЛИКОВАНО

ВЗЫСКАНИЕ ОТМЕНЕНО

Майор В. Иванов в своем письме в редакцию высказал несогласие с тем, как обошлись с его подчиненным старшим лейтенантом В. Скляровым. Его за то, что отказался выпустить на линию технически неисправный автомобиль, исполняющий обязанности командира части подполковник В. Бугаев наказал.

В случае этом по просьбе редакции разобрались на месте. Как сообщил нам заместитель начальника УВВ по Северному Кавказу и Закавказью по тылу полковник В. Блахотин, подполковник В. Бугаев действительно не имел права настаивать на эксплуатации технически неисправного автомобиля. Офицер отменил наложенное им на старшего лейтенанта В. Склярова дисциплинарное взыскание. Неправомерные действия подполковника В. Бугаева разобраны на командовании УВВ, ему строго указано на недопустимость подобного впрямь.

На сборах командиров частей и их заместителей проведены показательные занятия по теме «Контрольный осмотр автомобиля и технические условия, при которых эксплуатация транспортных средств запрещена». На занятия также подробно рассмотрен инцидент со старшим лейтенантом В. Скляровым.

РЕПЛИКА

**ВСЕ
ПРАВИЛЬНО,
НО
НЕТОЧНО...**

В журнал обратился майор Л. Дорохов. Он просил помочь восстановить справедливость и защитить его от нападок должностных лиц: по непонятным причинам с него удержали деньги за питание в солдатской столовой, а также пригрозили привлечь к ответственности за грубость по отношению к сослуживцу. Для проверки жалобы редакция направила ее в Управление внутренних войск по Дальнему Востоку и Восточной Сибири. В ответе, подписанном генерал-майором В. Теплинским, сообщалось, что в результате расследования, проведенного офице-

ром Г. Бадаловым, в самом деле вскрыто ущемление интересов майора Л. Дорохова и ему возвращены незаконно удержанные деньги.

Далее разъяснялось, что никакого запугивания по отношению к автору не допускалось, а к партийной ответственности он привлечен за приобретение и демонстрацию порнографического альбома, грубость и нетактичное поведение в быту. Подчеркивалось, что майору Л. Дорохову за его проступки «сделано прорекурсное предостережение».

Получив такой официальный документ, в ре-

СЕРДИТОЕ ПИСЬМО

А ЖУРНАЛ— В СТОРОНЕ

Выписываю журнал «На боевом посту» десять лет. Думаю, это дает мне право высказать о нем свое мнение. К сожалению, оно далеко не лестное. Дело в том, что за последние годы большинство центральных и местных печатных изданий буквально преобразилось. На их страницах нашли постоянную прописку острые, злободневные статьи и заметки, критика, полемические выступления. Это значительно подняло читательский интерес к ним.

Но все это лишь отчасти относится к нашему журналу «На боевом посту». Перемены его почти не коснулись, хотя, как заявлено в одной из редакционных статей, «коллектив журнала тоже проходит испытание перестройкой». По-прежнему наболеешие проблемы остаются для работников редакции как бы в стороне. Если и есть острые публикации, то они какие-то надуманные, оторванные от жизни. Мало, очень мало материалов, которые наталкивают на определенные мысли, ведут к полемике. Где репортажи с фотоснимками о наших военнослужащих, выполнявших трудные задачи в Ереване и Нагорном Карабахе? Или это тайна, которую можно показывать по центральному телевидению, но не в нашем журнале? Наверное, публикации эти в нем появятся через 20—30 лет.

Не убеждает информация «Спрашивайте—отвечаем», «Хотя письмо и не опубликовано». Если ей верить, то получается, что в журнал обращаются только прапорщички, а офицеры — очень редко.

А история наших войск. Будто и нет в

ней никаких «белых пятен», всем все в ней ясно. Наши бывшие министры и их заместители либо находятся под следствием, либо покоńczyли жизнь самоубийством. В нашем же журнале о них ни слова.

Немного о себе. Прохожу службу в суровых бамовских краях. С первых же шагов столкнулся здесь со многими трудностями. Порой обидно становится, и вот за что. Уставы учат, что каждый военнослужащий обязан стойко переносить все тяготы и лишения военной службы. Но ведь зачастую трудности нас преследуют далеко не объективного характера... Почему же мы должны набивать шишки в борьбе со своими же ошибками, преодолевать трудности, созданные чьей-то не распорядительностью? Вот где журналисты должны сказать слово. Задачи, которые мы выполняем, во многом сходны со службой пограничников. Почему бы редакции не взяться за организацию встречи представителей наших подразделений с воинами-пограничниками? Почему бы не рассказать об их опыте? Это было бы реальным вкладом в решение стоящих перед нами проблем, вкладом в перестройку, проходящую в войсках.

Создается впечатление, что заставы внутренних войск живут на каком-то полуделегальном, полузаконном положении. Как живут солдаты, семьи офицеров и прапорщичков, как они проводят свободное время, чем увлекаются? Почему журнал молчит об этом?

Есть еще много вопросов. Но все их запрашивать не буду, а то получится слишком сумбурно. А это не в духе перестройки.

С уважением

Савочкин Владимир Федорович, заместитель начальника заставы по политчасти, старший лейтенант.

дакции совсем уж было сочли инцидент исчерпанным: финансовый вопрос решен, злоупотребления по отношению к автору как будто не зафиксировано. Что же касается некоторых ошибок и неточностей фактического и смыслового значения, то решили оставить их на совести того, кто готовил ответ.

Правда, смущало и другое — сама форма ответа: дескать, претензия тов. Дорохова справедлива и удовлетворена, но сам он далеко не ангел...

Но, если быть последовательным, почему надо было замалчивать недостатки в поведении обра-

тившегося в журнал человека? Тем более, что они многое в общем-то прояснили в позиции автора жалобы.

Не успели заслать переписку по жалобе в дело, как майор Л. Дорохов прислал в редакцию повторное письмо. В нем он приводит, на его взгляд, убедительные доказательства необъективности сообщаемых в ответе из УВВ фактов. В частности, автора возмутили такие неточности (приводим их по оригиналу):

«Альбом действительно у меня был (и довольно надежно спрятан), но его никто не видел, пока

его не нашел начальник политотдела, который и начал его демонстрировать всем офицерам.

У представителя военной прокуратуры мне дали прочитать статью 228 УПК. Оказалось, я ее никоим образом не нарушил: не изготовлял, не распространял, не демонстрировал, не хранил с целью продажи и т. д. (речь, видимо, о порнографии и о 228 статье Уголовного кодекса РСФСР. — Прим. редакции), так что предостерегать меня было не от чего.

Не понимаю, о какой грубости в быту пишет генерал Теплинский: старшего лейтенанта Старчен-

КОМУ ВЕРИТЬ?

Здравствуй!

Уважаемая редакция, я хочу задать один вопрос: кому же все-таки верить — журналу или тем, от кого я недавно получил официальную бумагу? Я — прапорщик, служу во внутренних войсках с 1985 года. В начале этого года в журнале «На боевом посту» было опубликовано объявление о приеме в высшие военно-учебные заведения МВД СССР. В нем, в частности, оговорено, что в вузы принимаются и прапорщики не старше 23 лет. Мне сейчас 21 год. Давно мечтаю стать офицером, потому и решил, пока позволяет возраст, поступить учиться. Но тут началось непонятное: мне заявили, что право-то у меня есть, но осуществить его нет возможности... Не поверив таким разъяснениям на месте, написал в Ленинград, в Высшее политическое училище. И каково же было мое удивление, когда пришел ответ, в котором подтверждалось, что прапорщики в ВПУ в самом деле не принимаются. Вот те раз. Выходит, пишем и заявляем одно, а на деле — другое?! Я очень хочу стать офицером. Помогите, пожалуйста, разобраться. Не верю, что и в наше время бывают две правды, как когда-то...

До свидания.

С уважением СИМОНОВ А. М.

ОТ РЕДАКЦИИ: вполне разделяем недоумение прапорщика А. Симонова. По сути в его письме речь идет об элементарном нарушении права человека на учебу. В условиях приема в высшие военно-учебные заведения МВД СССР записано, что они предусматривают прием прапорщиков в высшие военные училища по окончании двух лет службы на должностях прапорщиков или офицерских должностях в возрасте не старше 23 лет.

Редакция надеется получить аргументированный ответ из ВПУ имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР на вопрос, почему прапорщику А. Симонову отказано в праве поступать в училище.

кова я обозвал в коридоре штаба части».

Вот такие аргументы. Как видите, Дорохов не отрицает справедливости упреков в свой адрес, что в конечном счете, надо полагать, оправдывает правомерность претензий к нему со стороны начальников и парторганизации. Но отчетливо просматривается и другое — позиция офицера вовсе не покаянная. Он не защищается, он нападает. Причем весьма активно. И поводом для этого служат неточности, которые содержатся в ответе из УВВ.

Оставим на совести автора письма неуважитель-

ные выпады в адрес тех, кто оказался причастным к разбору его жалобы (мы их просто опустили), выводы, к которым он приходил. А вот тех, кто разбирался в конфликте, кто готовил ответ, кто, наконец, его подписывал, уместно спросить: чем вызваны ошибки, давшие возможность чело ве ку усомниться в объективности разрешения его претензий. Надеемся получить на сей счет подробные разъяснения.

К этому случаю из практики редакция обратилась не случайно. Дело в том, что нет-нет да приходят в журнал ответы на наши запросы по письмам

ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ

...начальника политического отдела части на критическое выступление журнала «Чуткость по... принуждению!» [1988, № 4]. В нем сообщалось, что вопросы, поднятые в материале, стали предметом обсуждения с прапорщиками во всех подразделениях части, они рассматривались также на расширенном совещании политического отдела части с приглашением политработников ротного, батальонного звена и партийно-комсомольского актива, а выработанные на нем рекомендации учтены в работе по аттестованию заместителей командиров рот по службе контролеров и прапорщиков - контролеров. Правильные выводы сделал для себя и старший лейтенант А. Гагарин, о котором шла речь в статье. Он стал более вдумчиво работать с людьми, больше проявлять о них заботы. Это дало свои плоды: возглавляемый им взвод контролеров вышел в число лучших в части.

читателей, в которых речь ведется не всегда по существу содержащихся в них фактов, а порой допускаются и беспринципность должностных лиц, отписки вместо сообщений о конкретных и действенных мерах. Сегодня, в условиях гласности, формирования правового государства, такие факты следует рассматривать как «ЧП».

ОБЪЯВЛЯЕМ КОНКУРС ЭРУДИТОВ

Уважаемые читатели! Начиная с этого выпуска, страница «В час досуга» предлагает вашему вниманию конкурсные задания. Они будут включать в себя математические, логические, шахматные задачи, кроссворды, шарады, ребусы... За каждый правильный ответ на наши задания участник конкурса будет получать два балла. Тем же, кто составит и пришлет оригинальное задание для публикации, — три балла. Итоги конкурса будут подведены в конце 1989 года, а победители его — отмечены и поощрены.

Включайтесь в конкурс эрудитов!

ЗАДАНИЕ 1

ЧАЙНВОРД

Из истории оружия

Составил
старший прапорщик
П. ДВИРНЫЙ

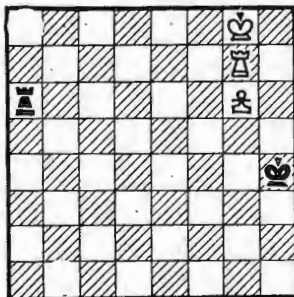
1. Рубяще-колющее холодное оружие. 2. Холодное оружие, укрепляемое на дульной части ствола винтовки (карабина, автомата). 3. Пвозка для ведения боя. 4. Ручное метательное оружие. 5. Оружие, состоящее из короткого клинка и эфеса. 6. Укороченная и облегченная винтовка. 7. Горючий продукт, применяемый в качестве огнеметно-зажигательных смесей. 8. Образец стрелкового оружия. 9. Беспилотный летательный аппарат, движущийся под действием реактивной тяги. 10. Род войск. 11. Вещество, причиняющее отравление. 12. Короткое метательное копьё. 13. Холодное оружие в виде съёмного клинкового штыка. 14. Станок, на котором закрепляется ствол орудия. 15. Боевая машина. 16. Корабль противолодочной и противовоздушной обороны. 17. Метательное и рубяще-ударное оружие. 18. Древнее ударное холодное оружие.

ЗАДАНИЕ 2

Майор Н. Друзенко
ЭТЮД

Белые: Кр g8, Л g7,
п g6. (3)

Черные: Кр h4, Л а6.
(2) Выигрыш

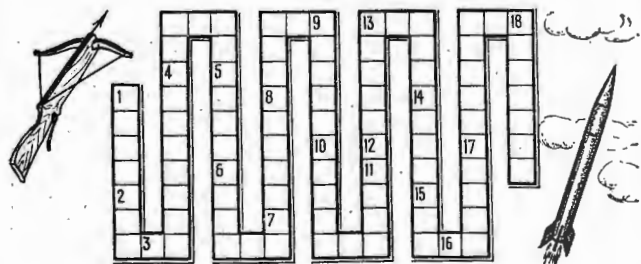

УЛЫБКА ХУДОЖНИКА

— Запомните: это препятствие преодолевается
поверху...

Рис. В. Тамаева.

Сдано в набор 5.09.88 г.
Формат бумаги 70×108/16.

Подписано и печатно 14.10.88 г.
Усл. печ. л. 8,4 + вклейка 1/4 п. л. Уч.-изд. л. 11,5. Г-21131.
Зак. 1833.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 58.
Адрес редакции: 111250, Москва, Е-250, тел. 361-85-52.

В случае обнаружения полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию издательства «Красная звезда» по адресу: 123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38; отдел технического контроля, тел. 941-28-34.

Старшина роты, как обычно, на все руки мастер. Это о нем принято говорить: и плотник, мол, и столяр, и штукатур. Прапорщик Геннадий Слиж многими строительными специальностями владеет, но и, кроме этого, еще один инструмент с удовольствием в руки берет. Музыкальный. Не со сцены играет, а, как говорится, для себя, для души. Но слушатели всегда находятся: и их тревожат и веселят переливы баяна.

Прокричит разбуженная птица,
Пропоеут трамвайные звонки, —
Зорко Петропавловка взглянется
В зеркало октябрьское реки

И увидит алый свет свободы
На знаменах братства и труда.
Отблески Семнадцатого года
К нам выносит невольская вода.